

Социология

ЖУРНАЛ
РОССИЙСКОЙ
СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ
АССОЦИАЦИИ

2

2005

СОДЕРЖАНИЕ

АЛТАЙСКИЕ СОЦИОЛОГИ

Социологическому факультету АГУ — 15 лет	4
С.И. ГРИГОРЬЕВ Социологический витализм: теоретико-методологический потенциал и технологические возможности	8
В.Г. НЕМИРОВСКИЙ Неклассические и постнеклассические подходы в современной русской социологии	19
А.М. СЕРГИЕНКО Положение и стратегии поведения сельских наемных работников на рынке труда	31
Л.В. РОДИОНОВА Трудовые миграции горожан в годы реформ	40
И.В. ГНИДЕНКО Латентное влияние на органы власти	48
А.Н. ДОМАШЕВ Истоки патриотического русского движения	56
А.В. НЕМИРОВСКАЯ Структура имиджа региональных властей в массовом сознании	63
Н.С. ТИМЧЕНКО, О.В. ХОДОРЕНКО Проблемы кадровой политики алтайских лечебно-профилактических учреждений	70
Л.Г. ГУСЛЯКОВА Социология социальной работы в контексте неовитализма	78
С.Г. МАКСИМОВА Механизм воздействия системы социальной защиты на адаптацию лиц пожилого и старческого возраста	84
А.В. КОВАЛЕВА Феномен референтности в рекламе	94

Т.М. МИХАЙЛЮК Ритм аудиовизуального диалога «аграрной рекламы»	100
---	-----

60-ЛЕТИЕ ПОБЕДЫ

МОМОТОВА Н.В., ПЕТРОВ В.Н. Ценностный мир военнослужащих в письмах с фронтов Великой Отечественной войны	106
--	-----

В.О. РУКАВИШНИКОВ После победы: «абсолютное оружие»	131
--	-----

В.В. СЕРЕБРЯННИКОВ Проблемы российской армии	152
---	-----

А.В. ЖАВОРОНКОВ Возвращение памяти	157
---	-----

ФАКТЫ И КОММЕНТАРИИ

С.И. ГРИГОРЬЕВ, С.Г. МАКСИМОВА, П.Е. ЯСЕВИЧ Поведенческие риски потребителей инъекционных наркотиков в контексте эпидемии ВИЧ/СПИД	170
--	-----

Д.А. ОМЕЛЬЧЕНКО Социальные сети потребителей инъекционных наркотиков	175
---	-----

Л.В. СУЛТАНОВ, Э.Р. ДЕМЬЯНЕНКО, О.Е. НОЯЗНИНА Анализ эффективности социальной политики ВИЧ/СПИДА в регионе ...	179
---	-----

О.В. ГОЛОВАНЬ Политическая субкультура региона	183
---	-----

Н.В. ДЕМЧУК Технология участия как социальный потенциал местных сообществ	187
---	-----

Е.В. СОКОЛОВА Ориентация студенческой молодежи на ценностные переживания ..	191
--	-----

ХРОНИКА РОСА

В.И. ТАЙДАКОВ Автографы победы	196
Отчет о работе исследовательского комитета РОСА «Военная социология»	200

АЛТАЙСКИЕ СОЦИОЛОГИ

СОЦИОЛОГИЧЕСКОМУ ФАКУЛЬТЕТУ АГУ — 15 ЛЕТ

Факультет социологии Алтайского Государственного университета был создан в 1990 г. на базе отраслевой проблемной научно-исследовательской лаборатории социологии молодежи и ныне является крупнейшим факультетом такого профиля в вузах Сибири и Дальнего Востока. Здесь ведется подготовка по специальностям: «социология», «социальная работа», «информатика в социокультурной сфере», «реклама», «организация работы с молодежью», «психология»*, работает специализированный докторский совет защиты диссертаций по социологии и социальной философии. Декан факультета — проф., чл.-корр. РАО С.И. Григорьев.

На факультете около 900 студентов, из них более трехсот обучаются по заочной форме и индивидуальным программам. Здесь преподают восемь профессоров (в том числе двое — из Германии) и восемнадцать доцентов. Доля преподавателей со степенями и званиями — 68%. Выпускники работают на кафедрах вузов и техникумов, в социальных службах, в редакциях газет и журналов, на радио и телевидении, в органах управления. Немало выпускников работает в школах, службах семьи, занятости, социальной защиты, рекламных агентствах, банках, отделах по работе с персоналом частных фирм, государственных предприятий. Так, краевой Кризисный центр воз-

* С 2003 г. — на факультете психологии и философии АлтГУ (прим. ред.).

главляет выпускник социологического факультета М. Костенко, а Центр социальной и психологической реабилитации на Семипалатинском полигоне — Н. Куликова, также его выпускница.

Уникальный феномен — существование студенческой администрации факультета, воссозданной еще в первой половине 1990-х гг. после развала системы студенческих общественных организаций, действовавших в советский период. Нижнее звено системы студенческого самоуправления — студенческие учебно-исследовательские группы кафедр, которые участвуют в ежегодной студенческой научной конференции АГУ.

Сегодня социологические факультеты страны часто переходят на систему самообеспечения. Они создают специализированные колледжи либо формируют в лицеях, гимназиях и средних школах профильные классы с широкой гуманитарной и углубленной социологической подготовкой. Принцип «Сам позаботься о своих будущих кадрах», кажется, становится преобладающим. Вузы Санкт-Петербурга, Москвы и других городов занимаются воспитанием будущих социологов чуть ли не с детского сада. Богатый опыт накоплен и в АГУ. Каждый, кто хочет получить специальности «социология», «психология», «социальная работа», «реклама», «информатика в социокультурной сфере», может достичь целей, участвуя в довузовской программе факультета, которая включает несколько форм подготовки. Прежде всего это работающий в структуре факультета Колледж социальных наук на базе школы № 27 г. Барнаула, реализующий образовательные программы неполного высшего образования по социологии, психологии, рекламе, социальной работе. Здесь разрабатывается интегративная модель многоуровневого социального образования в системе «школа-вуз». В нем школьники обучаются с десятого класса, а после окончания, получив диплом Колледжа,

поступают на третий курс социологического факультета комплекса «СПС» АГУ или идут работать. При этом после двух лет обучения они имеют возможность поступить на 1-й курс факультета социологии АГУ и на другие факультеты университета, в иные вузы края и страны. Не удивительно, что среди молодежи социология — чуть ли не самая престижная и модная наука. Конкурс на факультет социологии растет из года в год и сегодня является одним из самых высоких в АГУ и в вузах края.

Факультет социологии АГУ имеет сеть базовых школ, где имеются специализированные классы психолого-социологического профиля. Их выпускники обладают основательной социогуманитарной подготовкой и пользуются льготами при поступлении в АГУ. Это позволяет сохранять не только стабильно высокий конкурс, но и отбор способных школьников. На базе факультета ежегодно проводятся краевые олимпиады, действует секция социологии и психологии краевого отделения всероссийской инновационной программы «Шаг в будущее». Среди их участников и победителей немало тех, кто учится в лицейских классах базовых школ социологического факультета АГУ, Колледжа социальных наук.

Факультет развивается как учебно-научно-производственный комплекс «Социология, психология и социальная работа» (комплекс «СПС»), включающий «Колледж социальных наук», семь кафедр, две лаборатории и три дисплейных класса, архив базы данных исследований, проведенных в 1980–1990 гг., а также систему баз практики и специализированных классов психолого-социологического профиля в общеобразовательных школах. Комплекс является результатом деятельности большой группы социологов, представляющих различные школы отечественного обществознания (Москвы, Санкт-Петербурга, Томска, Новосибирска, Красноярска, Тюмени, Омска, Владивостока,

Нижегород, Прибалтики). Он позволяет фундаментализировать и профилировать социальное образование более эффективно, чем на «чисто» социологических или психологических факультетах, факультетах социальной работы или управления. При этом органически сочетаются научная, образовательная и прикладная, социально-проектная деятельность.

На факультете социологии действуют следующие кафедры: общей социологии, эмпирической социологии и конфликтологии, социальных технологий, инноваций и управления, социальной работы, психологии коммуникаций и психотехнологий, математических методов в социальных науках. Кроме того, на факультете есть две лаборатории (математического обеспечения социологических и психологических исследований, научно-исследовательская лаборатория по проблемам молодежи) и три центра (издательский, информационно-методический, а также Центр социальной экспертизы, анализа и прогноза). На его базе осуществляются федеральная программа «Основы качества национального образования для России XXI века», ряд международных проектов, ведется переподготовка кадров и повышение их квалификации, создана система довузовской подготовки абитуриентов. Очень важно, что базовым вузом для реализации крупной федеральной программы по образованию в XXI в. был избран не столичный вуз, а именно Алтайский университет.

Информационно-методический центр одним из первых в Сибири объединил методический кабинет, компьютерную лабораторию и дисплейный класс — таким образом, создана система информационно-методического обслуживания студентов и преподавателей. В лаборатории математического обеспечения социологических и психологических исследований создана система компьютерного тестирования зна-

ний, включающая в себя конструктор тестов, программу тестирования и программу обработки результатов тестирования. Формируется база данных обучающих средств и контрольно-обучающих заданий. Разработана новая версия Web-сервера факультета. Проблемная научно-исследовательская социологическая лаборатория провела масштабные межрегиональные лонгитюдные исследования «Пути поколения: социальная структура и молодежь».

Алтайская социологическая научная школа получила официальное признание РФФИ. Особое значение для развития научных разработок социологов АГУ имеет многолетнее сотрудничество с Центром социологических исследований МГУ, возглавляемым С.В. Тумановым и Т.В. Кухтевич. Это касается прежде всего совместной работы в рамках трех российско-американских проектов по изучению предвыборных ситуаций в России, а также российско-американского проекта «Молодежь России 1997 г.: три жизненные ситуации». На основе этих исследований в АГУ подготовлено более десятка статей, опубликована коллективная монография «Социальная и политическая культура россиян: общественный контекст середины 1990-х гг.». В рабочих группах этих проектов приняли участие более полутора десятков преподавателей и сотрудников, а также около 50 студентов, обучающихся по специальности «социология».

При факультете действует специализированный совет по защите диссертаций, открытый в 1992 г. при поддержке социологов МГУ и АГУ (СПбГУ). На данный момент он один из наиболее активных в Сибири и на Дальнем Востоке. Ежегодно здесь защищается по 7–8 кандидатских и 2–3 докторских диссертации. За 12 лет работы совета здесь защитили диссертации более 85 ученых из Барнаула, Красноярска, Перми, Владивостока, Томска, Новосибирска, Новокузнецка и других городов страны.

В 1990-е гг. сотрудники и преподаватели факультета создали Комплексную программу сохранения и развития краевой системы образования с использованием опыта московских и Санкт-Петербургских коллег по социальному планированию, разработке программ работы с молодежью, оказанию помощи сельским регионам, региональным подсистемам образования и социальной защиты, а также с использованием Барнаульской городской программы «Инновационное социальное образование», концепции сохранения и развития региональных подсистем образовательной деятельности и социальной защиты населения.

По инициативе коллектива соцфака на Алтае на межведомственной основе создан краевой Кризисный центр для мужчин, имеющий уже несколько филиалов. В его организации приняли участие комитеты администрации края по здравоохранению и социальной защите, дирекция Алтайского краевого кардиологического центра. Факультет также оказывает активное влияние на работу краевого центра социальной и психологической реабилитации населения зоны Семипалатинского полигона на Алтае, деятельность Алтайского регионального научного центра СО РАО, Института мониторинга качества региональных образовательных систем, Алтайского филиала исследовательского центра проблем качества подготовки специалистов при Минобразовании РФ. На факультете с участием АРНЦ Сибирского отделения РАО издается журнал «Образование и социальное развитие региона», публикуется ежегодник «Актуальные проблемы социологии, психологии и социальной работы» и его приложение «Студенческие исследования». Эта работа согласуется с деятельностью на Алтае представительств и корпунктов таких известных периодических изданий, как российско-югославское «На рубеже веков», журналы, издаваемые на федеральном уровне, — «Социологи-

ческие исследования», «Известия РАО», «Педагогика», «Социология и социальная антропология», межрегиональный журнал «Образование в Сибири», приложение к журналу «Образование и социальное развитие региона» — «Сибирский социологический вестник».

Ведется активное сотрудничество с зарубежными университетами. С их участием еще в первой половине 90-х гг. в Барнауле и Москве были проведены первые семинары и конференции по социальной работе, секция социологии Конгресса ЮНЕСКО 1995 г. в Новосибирске, циклы российско-канадских и российско-шведских семинаров по проблемам обновления социального образования. Осуществлены совместные проекты с американскими, немецкими и швейцарскими специалистами. Немаловажно и участие ученых социологического факультета АГУ в разработке концепции социальной защиты населения Алтайского края, регионального закона «О народном образовании Алтайского края», Комплексной программы сохранения и развития образования на Алтае.

Социологическому факультету АГУ в 2005 г. исполняется уже 15 лет. Наряду с аналогичными факультетами МГУ и СПбГУ он является одним из старейших в стране, а для огромной территории, расположенной за Уральским хребтом, включая Сибирь и Дальний Восток, еще и базовым. Сегодня он представляет собой мощный региональный центр подготовки специалистов для учреждений социальной сферы, образования и управления. В России и в ближнем зарубежье с ним сопоставимы только, может быть, социологические факультеты Московского и Санкт-Петербургского университетов, с которыми алтайские социологи поддерживают тесное сотрудничество. В Министерстве образования и Академии наук факультет социологии АГУ пользуется заслуженным авторитетом.

© 2005 г.
С.И. ГРИГОРЬЕВ

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ВИТАЛИЗМ: ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ И ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЕ ВОЗМОЖНОСТИ

Российское социальное пространство—время рубежа XX—XXI вв. характеризуется лавинообразным распространением новых социальных технологий и форм общественной организации, видов и типов социального мышления, систем социального знания, которые во многом противоречат друг другу. Это в основном обусловлено тем, что радикальные либерально-рыночные реформы, ориентированные на западные социальные идеалы и стандарты в первое десятилетие внедрения революционных новаций, сломав государственно-директивный стиль управления, коммунистическую идеологию, не смогли объединить население на основе социально привлекательных идей и целей, предложить народу, элите общества стройную систему социального знания, адекватно объединяющего прошлое и настоящее, а также реальные социальные перспективы. Социальная цена реформ оказалась непомерно высокой, как и масштабы социальной и моральной, социокультурной деградации.

В социологии, в социогуманитарном знании и социальном образовании Россия пережила бум распространения зарубежной литературы, возрождения интереса к отечественной социологической и философско-культурологической классике, массовой организации социологических и психологических факультетов и кафедр, открытия новых специальностей социогуманитарного

профиля. При этом деполитизация и деидеологизация образования вообще и социогуманитарного образования в особенности уже к середине 1990-х гг. сменились экспансией либерально-демократической идеологии, вызвавшей возрождение национально-государственных ориентаций населения и политической элиты, столкновение традиций, социогенетических ориентаций социально-исторического мышления с социально-сетевыми, актуально-прагматическими взглядами новых социальных слоев, прозападной социальной элиты, сформировавшейся в ходе либерально-рыночного реформирования российского общества минувших 15 лет.

В российской социологии к началу XXI в. сложилась пестрая картина полипарадигмальности классического и неклассического (постклассического) типа, на фоне которой началось возрождение привлекательности и авторитета социологического монизма, фундаментального социального знания. Впрочем, это возрождение серьезно осложнялось падением интереса исследователей к теоретическому знанию, массовым увлечением социологов технологическими, прикладными разработками, *разрушением предметной области социологического знания*. Не последнюю роль в этом сыграли возникновение и развитие ряда смежных технологически ориентированных науч-

ных и образовательных направлений: связи с общественностью, социальная работа, организация работы с молодежью, социальная педагогика, политология, экономическая социология, реклама, конфликтология и др.

Среди значимых социологических теорий к началу XXI в. наиболее привлекательными оказались, во-первых, те классические и неклассические теории, которые так или иначе были связаны с формированием новой диатропической научной картины мира, ее взаимодействием с системным видением природы и общества, развитием синергетики. Об этом свидетельствуют многочисленные публикации отечественных и зарубежных авторов¹, посвященные модернизации теоретико-методологических основ современного социологического знания, эволюции социогуманитарного знания в целом. Во-вторых, отметим сохраняющееся влияние социологического функционализма и структурно-функционального анализа, а также различных теорий социологии конфликта².

Причиной такого развития событий в социологии, прежде всего, стали те доминирующие социальные проблемы, которые человечеству, и в частности, населению России пришлось решать в последней трети XX в. Усложнение личной и общественной жизни, массовое распространение грамотности, новых информационных и социальных технологий, имущественная дифференциация масштабно обострили *проблему конфликтности* во всех сферах жизнедеятельности людей. Возникновение целого спектра глобальных проблем поставило человечество на грань *самоуничтожения или гибели в результате неэффективного решения глобальной проблематики*. Наконец, ускорение темпов социокультурного и научно-технического, общественно-исторического развития изменило соотношение и роль социогенетического и социально-сете-

вого, актуально-прагматического факторов, что в глобальных масштабах обострило проблему *устойчивости общественного развития*, взаимодействия различных социальных институтов, определяющих эффективность функционирования и развития современного социума, его безопасность, жизнестойкость, перспективы эволюции, сохранения жизненного потенциала.

В этих условиях масштабно обострились проблемы сохранения социального, психологического и физического здоровья людей, их жизни. Проблемы экологии и окружающей среды, аномалии здорового образа жизни, его трансформации создали важнейшие предпосылки распространения массового интереса населения, специалистов, образовательных систем, систем социальной защиты и здравоохранения к витализму вообще и к социологическому витализму в особенности.

Витализм на новой методологической, информационной и онтологической основе стал возрождаться во второй половине XX в. и как стратегически значимая метатеория (см., например, серию докладов Римскому клубу конца 1960–1970-х гг., а также публикации сторонников движения «зеленых», футурологов, экологов последней трети XX в.), и как комплексная междисциплинарная теоретико-методологическая традиция, и как совокупность различных отраслевых и больших теорий естественно-научного, гуманитарного и социального знания. С этой точки зрения значимо формирование теоретико-методологических основ социологического витализма, развитие его технологической компоненты, включающей исследовательский, образовательный и социоинженерный фрагменты. Именно на них мне и хотелось бы акцентировать внимание.

По различным исследовательским и научно-образовательным, учебно-ме-

тодологическим, организационно-технологическим поводам я уже неоднократно имел возможность об этом говорить и писать³. Однако с такой постановкой вопроса, с данной формулировкой проблемы мне приходится это делать впервые. В целом публикация статьи на эту тему вызвана растущим интересом социологической общественности, практиков к виталистской социологии, к тем возможностям, которые она открывает. Еще одна важная причина — завершение работы над монографией с одноименным названием и подготовка соответствующего курса лекций для студентов социологических факультетов, а также работа над словарем по социологическому витализму.

Рассматривая теоретико-методологический облик, концептуальный потенциал социологического витализма, мы обычно подчеркиваем два принципиально важных вывода. Во-первых, элементы виталистской социологии в той или иной степени содержатся фактически во всех классических (и неклассических) социологических парадигмах. И в этом смысле возникновение социологии жизненных сил человека как большой социологической теории было подготовлено всей историей социологического знания⁴. Во-вторых, большое значение для понимания специфики социологического витализма и его роли в научном знании и социальной практике имеют характеристики социологии жизненных сил человека, которая апеллирует *к единству природного и общественного в человеке, к культуроцентричности его социальных сил, формирующихся и развертывающихся в определенной природной и общественно-исторической среде*.

В этой связи теоретико-методологический потенциал виталистской социологии определяется следующими базовыми положениями⁵. Основные понятия рассматриваемой теории — категории «жизненные силы» и «жизненное про-

странство» человека как биопсихосоциального существа, субъекта общественных отношений.

Понятие «жизненные силы человека» чаще всего выражает способность людей воспроизводить и совершенствовать свою жизнь индивидуально-личностными и организационно-коллективными средствами. Последнее позволяет использовать понятия «индивидуальная субъектность» и «социальная субъектность» человека как составляющие категории «жизненные силы человека». Становление жизненных сил человека как биопсихосоциального существа в основных сферах общественной жизни трансформируется, оформляется в виде его производственно-экономических, общественно-политических, духовно-культурных и социально-бытовых сил, т. е. способности воспроизводить и совершенствовать соответствующие стороны своей жизни. Это позволяет употреблять для более детальной характеристики соответствующих явлений общественной жизни такие категории, как «производственно-экономическая субъектность», «политическая субъектность», «духовно-культурная субъектность» и «социально-бытовая субъектность».

В западной социологической традиции применительно к аналогичным феноменам нередко употребляется и такая группа взаимосвязанных понятий: «субъектность в сфере государственного управления», «субъектность в бизнесе», «субъектность в третьем секторе» как сфере деятельности неправительственных и некоммерческих организаций». Они отражают, соответственно воспроизводство и совершенствование жизни человека в сфере государственного регулирования общественной жизни, бизнеса и «третьего сектора».

В последнее время в отечественной социологии появляются труды, характеризующие дифференциацию поведе-

ния людей, занятых в госслужбе, бизнесе и «третьем секторе». Возникает все больше оснований для характеристики соответствующих форм и содержания субъектности человека в условиях современного российского общества. Следует подчеркнуть, что для России это достаточно нетрадиционный взгляд, имеющий относительно слабую в недавнем прошлом социальную базу и традицию социального мышления.

Мы специально подчеркиваем данное обстоятельство по причине особой значимости осмысления различий субъектности, способов жизнеосуществления в названных трех сферах, обусловленных в главном характером мотивации деятельности занятых в них людей. Это позволяет во многом по-новому рассматривать формирование, характер осуществления, специфику реабилитации жизненных сил представителей различных слоев общества, тяготеющих преимущественно либо к госслужбе, либо к «третьему сектору», либо к бизнесу.

У этой сравнительно новой для нас традиции осмысления жизненных сил человека, заимствованной из западной социологии, помимо известных достоинств, есть и существенные недостатки, даже в сравнении с более привычной нам практикой выделения специфики деятельности населения в экономике, политике, социокультурной, социально-экологической и социально-бытовой сферах общественной жизни. В главном они сводятся к следующему: во-первых, ориентация на трехсекторное видение сфер жизнеосуществления людей (госслужба, бизнес, «третий сектор») существенно сужает спектр рассматриваемых явлений, ограничивает их объемное видение, обедняет представления о них. В частности, становится очевидным выпадение из поля зрения целой сферы деятельности людей в обществе — духовно-культурной. Поэтому отечественная

традиция четырехсферного деления общества для определения основных групп, видов деятельности, жизнеосуществления человека эвристически и практически нам представляется более приемлемой. Она позволяет дать более разностороннюю характеристику жизненных сил человека, его индивидуальной и социальной субъектности.

В данном плане важно определить соотношенность этой традиции осмысления жизненных сил с марксистской теорией сущностных сил человека, хорошо известной в отечественной социологии и социальной философии, а также категорией «производительные силы», употребляемой для характеристики различных этапов общественного развития. На Алтае этот аспект анализировался в трудах М.Я. Боброва и П.Н. Гуйвана в 1980-е гг. (в монографиях: «Объективные законы общественного производства материальной жизни» (Красноярск, 1986), «Общие законы развития человека» (Барнаул, 1989) и «Становление марксистской концепции человека: опыт методологического анализа» (Томск, 1985)). И хотя их рассмотрение идет преимущественно в рамках марксистской традиции, ее активное использование и содержательный анализ подготовили создание более адекватной современности социологической концепции жизненных сил человека, призванной «очеловечить» анализ общества, «оживить» в нем человека, преодолеть вулгарный экономизм и технократизм в понимании общественной жизни. Иначе говоря, формирующийся новый подход к построению современной системы социологического знания ориентируется на поиск комплексных оснований, становление новой культуры социальной жизни человека, его общественного интеллекта, социального мышления, организации совместного бытия людей, их деятельности, социальных чувств.

В отличие от традиционной марксистской позиции социология жизненных сил человека в определении базовых социальных отношений исходит из понимания фундаментального значения взаимодействия жизненных сил человека и жизненного пространства его бытия, взаимозависимости субъектов общественной и индивидуальной жизни по поводу жизненного пространства, средств обеспечения, воспроизводства и совершенствования жизни во всем ее разнообразии. Жизненное пространство при этом чаще всего понимается как среда обитания человека, позволяющая ему так или иначе воспроизводить и совершенствовать свою жизнь как совокупность элементов, составляющих естественную и социокультурную основу воспроизводства жизни человека как биопсихосоциального существа.

Особое значение в этой связи имеет характеристика существенных черт и различий жизненного пространства и жизненных сил человека. Прежде всего, понимание неразрывного единства данных понятий и явлений дает возможность рассматривать жизненные силы человека не только в пределах собственных атрибутивных характеристик, но и через осмысление развитости жизненного пространства, характера его взаимодействия с жизненными силами. Важна и стратегия анализа соотношения жизненных сил и жизненного пространства бытия человека в разрезе их дифференциации, осмысления различий, логики взаимодействия. Это приводит к необходимости рассмотрения взаимозависимости субъектов жизненных сил в обществе по поводу использования для воспроизводства и совершенствования жизни того жизненного пространства, которое их окружает, что закладывает основы понимания природы первичных, перенесенных социальных отношений как *базовой ячейки любой формы организации общественной жизни человека.*

Воспроизводство такой взаимозависимости происходит как взаимовлияние жизненных сил и жизненного пространства человека друг на друга. При этом объективно они воздействуют друг на друга своими количеством, качеством и мерой. В процессе влияния жизненных сил человека возникают первичные социальные отношения владения, пользования, распоряжения. Обратное, встречное воздействие средств жизнеосуществления, жизненного пространства на жизненные силы человека порождает первичные, перенесенные социальные отношения присвоения, распределения, потребления.

Иначе говоря, это означает, что от степени наличной развитости жизненных сил человека зависит то, как он владеет, пользуется и распоряжается своим жизненным пространством. Характеризуясь известными количеством, качеством и мерой, жизненные силы человека определяют масштаб воздействия, использования им своего жизненного пространства для воспроизводства и совершенствования жизни. С другой стороны, жизненные силы человека зависимы, испытывают воздействие средств жизнеосуществления, жизненного пространства, количество, качество и мера которого порождают отношения присвоения, распределения, потребления. Таким образом возникает органичное единство, основы формирования всей системы общественных отношений, опосредуемых производственно-экономическими, политическими, духовно-культурными, социально-экологическими и социально-бытовыми факторами и условиями конкретно-исторического бытия людей.

Ключевое значение имеет то обстоятельство, что виталистская социология учитывает особенности основных типов, каналов взаимодействия жизненных сил человека и его жизненного пространства. В качестве таковых рас-

смаатриваются, во-первых, слепое, стихийное, природное взаимодействие жизненных сил и жизненного пространства бытия человека. Во-вторых, выделяются особенности взаимодействия жизненных сил и жизненного пространства человека с помощью устойчивых систем культурных символов, формируемых религией, наукой, искусством, философией, моралью, массовым сознанием, общественной психологией. В-третьих, характеризуется и такой тип взаимодействия, как преобразующая духовная и материальная деятельность, обусловленная активной, творческой природой человеческого сознания, психики человека.

Итак, демонстрируемый виталистской социологией подход к характеристике взаимодействия жизненных сил и жизненного пространства бытия человека, воспроизводства первичных, базовых социальных отношений существенно отличается от традиционной марксистской трактовки и «родовых», и сущностных, и «производительных» сил. Такой подход не просто расширяет спектр характеристик основ социальной жизни, индивидуальной и социальной субъектности человека в обществе, но кардинально меняет угол зрения на движущие силы общественного развития, систему общественных отношений, понимание роли природных и общественных, производственных и социокультурных, духовно-идеологических компонентов, объективных и субъективных условий и факторов социального развития, эволюции культуры социальной жизни, управляемом и стихийном в ней.

В этом ракурсе трансформируются, формируются заново и представления об объекте и предмете, системе основных законов и категорий, методах и методологии, структуре социологического знания, выстроенной в логике социологии жизненных сил человека. Иначе говоря, *формируется новая основа*

воспроизводства культуры социологического мышления.

Объектом социологии как науки в рамках ее формирующейся виталистской парадигмы чаще всего является способ жизнеосуществления человека как биопсихосоциального существа, определяющий его возможности воспроизводить и совершенствовать свою индивидуально-личностную и организационно-коллективную жизнь. В этой связи *предмет* социологии — закономерности формирования и осуществления исторически конкретного способа жизнеосуществления человека как биопсихосоциального существа.

В границах данной интерпретации объекта и предмета социологии встречается их редакция, опирающаяся на содержательно-концептуальный потенциал понятия «образ жизни человека», достаточно обстоятельно раскрытого в отечественном обществознании вообще и в социологии в частности в ходе дискуссий 1970–1980-х гг., в публикациях В.И. Толстых, В.З. Роговина, Н.В. Касьяненко и др. На стадии формирования базовых представлений о виталистской социологии это вполне закономерный процесс, показывающий преемственность в развитии отечественного обществознания, несмотря на революцию в политическом, экономическом, социально-бытовом и культурно-идеологическом устройстве российского общества последних 15 лет.

Более нетрадиционно выглядит иная попытка определить объект и предмет социологии в ее виталистской парадигме, сформулированная в ходе дискуссии на межкафедральном методологическом семинаре, который проводился на факультете социологии Алтайского государственного университета в 1995–1996 гг. Она сводится к следующему: объектом социологии как науки предлагается считать процесс взаимодействия жизненных сил человека и среды его обитания, жизненного пространства бытия лю-

дей. В качестве предмета социологии в данном подходе характеризуется специфика закономерностей взаимодействия жизненных сил и жизненного пространства, средств воспроизводства и совершенствования бытия человека как биопсихосоциального существа в исторически конкретной ситуации.

Наконец, нельзя не отметить еще один вариант определения объекта и предмета социологии жизненных сил, также защищавшийся в дискуссии методологического семинара: в качестве объекта социологии предлагается рассматривать эволюцию первичных социальных отношений, их развертывание во всех сферах общественной и индивидуально-личностной жизни человека. Как предмет социологии в данном контексте характеризуются законы эволюции первичных социальных отношений, закономерности их развертывания во всех основных сферах общества: экономике, политике, духовно-культурной и социально-бытовой жизни.

Для полноты следует отметить и ряд специфических черт социологического витализма, обуславливающих его технологический, методический и организационно-прикладной потенциал. Этот аспект проблемы в настоящее время не обобщен, предстает как фрагментарно представленная социальная практика. Между тем на серьезное технологическое значение социологического витализма неоднократно указывалось в публикациях ряда ученых, специалистов, сотрудничающих с Академией наук социальных технологий и муниципального управления, Российским государственным социальным университетом, Российской академией госслужбы⁶. В основном технологический потенциал социологии жизненных сил человека сегодня выражается в следующих его возможностях, позволяющих решать актуальные проблемы обеспечения эффективного функционирования и развития субъектов социальной жизни,

общественных институтов в России рубежа XX–XXI вв.

Среди таких возможностей прежде всего отметим *эффективные технологии методик оценки основных факторов и условий распространения и противодействия эпидемии ВИЧ / СПИД, других социально обусловленных болезней*. Эти технологии активно разрабатываются и применяются, в частности, Алтайским краевым центром противодействия ВИЧ/СПИД⁷, который уже около 10 лет сотрудничает с факультетом социологии Алтайского государственного университета. В исследовательском плане применяется комплексный подход к разработке программ и методического инструментария, используемого для анализа основных факторов и условий, провоцирующих распространение ВИЧ/СПИД. В частности, комплексность подхода опирается на учет проблематики физического, психического и социального здоровья населения, оценок характера образа жизни клиентов, изучение специфики их жизненных ориентаций, культуры поведения, среды обитания, включенности в основные сферы общественной жизни.

На основе данных этих исследований разрабатываются комплексные стратегии профилактики и ликвидации заболеваемости ВИЧ/СПИД на Алтае. В организационном плане это обеспечивается деятельностью соответствующей постоянно действующей комиссии администрации Алтайского края, возглавляемой вице-губернатором, курирующим развитие отраслей социальной сферы региона. Культуроцентричность технологий борьбы с эпидемией ВИЧ/СПИД позволила преодолеть односторонне медицинский, биофизиологический подход к противодействию социально обусловленным заболеваниям в регионе, как, впрочем, и на федеральном уровне. При этом такое развитие было обусловлено не столько растущим влиянием виталистской социологии, сколь-

ко накоплением опыта практической организации борьбы с эпидемией СПИД на комплексной основе, фундамент которой составляет единство мер по защите физического, психического и социального здоровья, социальных сил человека при помощи воздействия на его среду обитания и культуру, образ жизни.

Еще один пример плодотворного влияния социологического витализма на технологии решения актуальных социальных проблем — создание и организация деятельности на Алтае краевого кризисного центра для мужчин. Организация его деятельности была построена на основе идеи, реализованной в Швеции (создание мужских кризисных центров в г. Гетеберге) на основе опыта совместного осуществления проектов факультета социологии АлтГУ с Гетебергским университетом, его институтом социальной работы в первой половине 1990-х гг. При этом содержание и формы работы по оказанию помощи мужчинам, переживающим кризис, на Алтае опирались на методологический и технологический потенциал социологического витализма.

Организация помощи мужчинам была организована так, чтобы оказать им поддержку в восстановлении физического, психического и социального здоровья путем обеспечения полноценности выполнения основных ролей мужчин *не только в семье*, в сфере быта, но и *в других сферах общественной жизни*. С самого начала работы краевого кризисного центра для мужчин на Алтае для него стала главной, определяющей субъектная роль мужчины, культура и среда ее выполнения стратегически и технологически в методике, технологиях деятельности.

Центр организован на межведомственной основе. Его учредители — краевой комитет по социальной защите, краевой кардиологический центр

комитета по здравоохранению и Алтайский госуниверситет, учебно-научно-производственный комплекс «Социология, психология и социальная работа». При этом научно-методическое основание было изначально междисциплинарным: в штатном составе центра работали не только медики, психотерапевты, но и социологи, конфликтологи, социальные работники, социальные педагоги, специалисты в области социальной психологии. Такой подход к формированию организационно-технологических принципов деятельности центра был сформирован выводами виталистской социологии. Прежде всего имеются в виду единство, целостность жизненного процесса, субъектность человека как биопсихосоциального существа, характер его взаимодействия со своим жизненным пространством, взаимозависимость физического, психического и социального здоровья людей, значение для них первичных социальных отношений (владения, пользования, распоряжения и распределения, присвоения, потребления) как взаимозависимость по поводу средств к жизни, жизненного пространства, социокультурной и природной среды обитания.

Еще один пример плодотворного влияния виталистской социологии на технологии решения актуальных проблем современного социального развития связан с разработкой и реализацией федеральной программы «Полигон», ее осуществлением на Алтае. Руководство программы (Я.Н. Шойхет, В.И. Киселев и др.) изначально приняли за основу современную экологическую и научно-технологическую концепцию рисков. Однако теория рисков, как оказалось, требует комплексного осмысления специфики жизненного пространства бытия человека, воспроизводства и сохранения его жизни, т. е. опирается на теорию и методологию витализма, в том числе и социологического.

Не случайно одним из итогов выполнения программы стало создание отраслевого Института медико-экологических проблем, ориентированного на комплексное изучение проблематики социально-экологического развития региона, воспроизводства его жизненного пространства и здоровья населения. При этом доминирует ориентация на взаимосвязанное исследование проблем физического, психического и социального здоровья.

Наконец, отметим активное развитие новых технологий социальной работы, социальной педагогики и социальной терапии, за основу которых алтайской социологической школой был принят социологический витализм. Технологически это выражается, во-первых, в том, что подготовка специалистов по данным профилям (специальностям и специализациям) ведется на базе программ, содержательно и методически модернизированных благодаря социологии жизненных сил человека (см., в частности, учебно-методические комплексы по специальностям «социология» и «социальная работа» на факультете социологии АлтГУ, а также серию публикаций, изданных по целевой учебно-научно-издательской программе «Основы качества национального социального образования для России XXI века» НМС по социологии, социальной антропологии и организации работы с молодежью, УМО классического университетского образования при Минобразовании РФ), социологии образования как отраслевой социологической теории⁸.

Во-вторых, отметим тот факт, что практическая деятельность социальных работников, социальных педагогов и специалистов в области социальной терапии опирается на отраслевую социологическую теорию — социологию социальной работы, а также социологию социальной сферы в целом. Технологически эти среднеуровневые

социологические теории ориентируют практиков не только на комплексное видение человека как биопсихосоциального существа, обладающего определенным физическим, психическим и социальным здоровьем, но и на *приоритеты культуросоциальности его жизнедеятельности*, понимание фундаментального значения первичных социальных отношений для формирования и реализации субъектности личности во всех сферах общественной жизни, ее разностороннего развития.

Эта составляющая технологического потенциала социологического витализма и в исследовательском, и в образовательном, и в социоинженерном, прикладном плане сегодня оказывается все более востребованной. И не только потому, что изменились основания и приоритеты формирования и реализации социальной субъектности человека, его социальные идеалы и ценности. Изменились условия их формирования, среда применения. Кроме того, масштабно обнаружилась *проблема социальной пассивности, апатии огромных слоев населения*, которое после первых лет перестройки и стартового периода либеральных реформ на волне критики тоталитаризма, директивного социализма и несправедливости социальных льгот партгосноменклатуры разочаровалось не только в идеалах либерально-демократических реформ, но и в собственных способностях защитить свои жизненные интересы.

В российском обществе конца XX — начала XXI в. возникло большое количество новых социальных явлений и процессов, которые не укладываются в традиционные исследовательские стратегии и технологии социального анализа. Выделилась группа проблем социальной квалиметрии, оценки, экспертизы новых феноменов социальной жизни российского общества и человека в нем⁹.

Социологический витализм, ориентированный на культуросоциальность

видения жизненных сил человека, его субъектность, оказался в новой социально-исторической ситуации как нельзя кстати. Экспертные и мониторинговые исследования ключевых социальных проблем в современной России в основе своей опираются на социологический витализм даже в том случае, если концептуально заявляют другие парадигмальные основания анализа данной проблематики, ибо проблема выживания, сохранения жизненного потенциала человека, поиск цивилизованных форм его формирования и защиты стали главными задачами дня.

Все это ставит сегодня перед социологами ответственные задачи государственного, общенационального масштаба. Их значение трудно переоценить и на фоне цивилизационных трансформаций, которые переживает человек и современный социум. Социологический витализм обязан принять эти вызовы времени, ибо он рожден ими, всей социальной историей человечества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Социология на пороге XXI века: новые направления исследований (ред.-сост. С.И. Григорьев и Ж. Коэн-Хутгер). М., 1998; *Григорьев С.И., Субетто А.И.* Основы неклассической социологии. М., 2001; *Бестужев-Лада И.В.* Альтернативная цивилизация. М., 1999; *Бобров М.Я.* Гомология. Барнаул, 1996; *Кравченко А.С., Мнацаканян М.О., Покровский Н.А.* Социология: парадигмы и темы. Учебник для вузов. М., 1997.
2. Очерки по истории теоретической социологии XX столетия (ред. Ю. Давыдов). М., 1994; *Немировский В.Г., Невирко Д.Д.* Теоретическая социология: нетрадиционные подходы. Красноярск, 1999; *Монеон П.* Современная западная социология. СПб., 1992; *Немировский В.Г.* Введение в теоретическую социологию. Универсумная парадигма. Красноярск, 1997; *Григорьев С.И.* Виталистская социология: парадигма настоящего и будущего. Избр. статьи по неклассической социологии. Барнаул, 2001.
3. *Григорьев С.И., Матвеева Н.А.* Социология образования как отраслевая теория в современном социологическом витализме. Барнаул, 2002; *Григорьев С.И.* Социологическая концепция жизненных сил региона как основа его реабилитации в условиях экологического неблагополучия // *Жизненные силы населения Сибири.* Барнаул, 1994; *Григорьев С.И., Растов Ю.Е.* Начала современной социологии. М., 1999.
4. *Григорьев С.И.* Виталистская социология: парадигма настоящего и будущего. С. 5–11, 17–25, 33–37 и др.
5. *Григорьев С.И., Демина Л.Д., Растов Ю.Е.* Концепция жизненных сил человека в структуре социологического знания. Барнаул, 1996; *Григорьев С.И.* Социологическая концепция жизненных сил человека: контекст развития социальной культуры на пороге XXI века // *Социология на пороге XXI века: новые направления исследований* М., 1998; *Григорьев С.И.* Концепция жизненных сил, индивидуальной и социальной субъектности человека: современный поиск оптимальных технологий социальной работы // *Образование и социальное развитие региона.* 1995. № 2.
6. *Иванов В.Н., Патрушев В.И.* Муниципальное управление. М., 2003; *Социальные технологии. Словарь* (ред. В.Н. Иванов, В.И. Патрушев). М., 1998; *Жуков В.И.* Социальное образование в современной России: состояние, проблемы, перспективы развития. М., 2001.
7. *Гончарова Н.П.* Социальные риски населения региона в структуре социальной безопасности (на приме-

ре развития эпидемии ВИЧ в Алтайском крае) // Сибирский социологический вестник, 2004; Григорьев С.И., Максимова С.Г., Нейфельд Е.А., Саяпина С.Г. Поведенческие риски потребителей инъекционных наркотиков в контексте эпидемии ВИЧ/СПИД // Сборник трудов конференции «Актуальные проблемы наркологии в Алтайском крае». Барнаул, 2004; Григорьев С.И., Максимова С.Г., Нейфельд Е.А., Саяпина С.Г. Проблемы социального восприятия потребителей инъекционных наркотиков (в ситуации лечения наркотической зависимости) // Сборник трудов конференции «Актуальные проблемы наркологии в Алтайском крае». Барнаул, 2004.

8. Субетто А.И. Качество жизни: грани проблемы. Кострома-М.-СПб., 2004; он же. Квалитология образования. М., 2000; Субетто А.И. Основы становления социальной квалитологии как отрасли современного социологического знания. М.-Барнаул, 2004.
9. Григорьев С.И. Социальная квалиметрия: единство задач и многообразие методов их решения в современной социологии. Барнаул-М., 2004; Ноянзина О.Е. Эффективность социальной политики в области ВИЧ/СПИДа в регионе / Медицинская экология (материалы III Международной научно-практической конференции). Пенза, Приволжский дом знаний, 2004.

РОСА

© 2005 г.
В.Г. НЕМИРОВСКИЙ

НЕКЛАССИЧЕСКИЕ И ПОСТНЕКЛАССИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ СОЦИОЛОГИИ

В конце XX — начале XXI в. наметилась тенденция перехода российской теоретической социологии от классического к неклассическому и постнеклассическому этапам развития. В этой связи следует упомянуть работу «Волновые процессы в общественном развитии», в которой социальная динамика анализируется с позиций синергетического подхода¹. Новые подходы в изучении общества («неклассическая» социология), основанные на современной научной картине мира, развиваются в рамках виталистской социологии, системосоциогенетики² на основе анализа социальной самоорганизации с позиций синергетики³. Также нужно отметить разработку системной динамики, теории катастроф, синергетики при описании математических моделей динамики социальных процессов⁴, теории циклов и социогенетики⁵, теории и измерений структурной целостности и дисгармонии социальных систем⁶. Новая парадигма социологических исследований духовной жизни выстраивается с опорой на русский антропокосмизм⁷, идеи христианской социологии и антропологии⁸, принципы и положения Интегральной социологии, в основе которой лежит «одухотворенный материализм»⁹.

Становление неклассической социологии в России происходит по двум главным направлениям: «во-первых, очевидна тенденция формирования новых социологических парадигм; во-вторых, имеет место неклассическая модернизация больших классических

социологических теорий»¹⁰. Этот процесс рассмотрен в работах А.И. Субетто в русле социогенетики¹¹. В дальнейшем этот анализ был обогащен трудами исследователей Алтайской социологической школы: С.И. Григорьева, Ю.И. Растова, Л.Г. Гусляковой и других ученых¹².

Представители Алтайской школы пришли к выводу о переходе социологии к неклассическому этапу развития. По их мнению, «категория неклассичности сегодня претерпевает бурную эволюцию своего содержания. Возникнув как символ революции в основаниях физики, в первую очередь — в связи с принципом дополнительности Н. Бора, а затем развиваясь в связи с космологическими антропными принципами, со становящимися синергетикой и системогенетикой, привнесшими новый, неклассический креационизм без Бога в основаниях современной науки — науки, исследующей законы «самотворящей природы» (например, «физика возникающего» по И. Пригожину), категория неклассичности все больше приобретает содержание революции в основаниях цивилизационного развития, а значит, в основаниях человеческого и общественного бытия как такового»¹³.

Как справедливо указывают С.И. Григорьев и Ю.Е. Растов, мы стоим на пороге прорыва российской (и в целом — мировой) социологии в новые пределы, обусловленные формированием новой научной картины мира. Предчувствие этого прорыва обозначено в трудах оте-

чественных и зарубежных историков социологии. Основанием внутренней линии развития неклассической социологии является социогенетика. Именно она позволяет понять единство организации и развития социума, роль в этом развитии человека, взаимосвязь его жизненных сил и жизненного пространства¹⁴.

Неклассический этап развития актуализирует новые проблемы. Социология предстает как «социология ноосферы». В учении о ноосфере В.И. Вернадский обратил внимание на коллективистский характер эпохи ноосферы, обусловленный необходимостью регуляции движения новой глобальной целостности «человечество-биосфера». По справедливому замечанию авторов, «в этой связи огромное значение приобретает современное переосмысление виталистских традиций в науке о человеке и обществе, формирование социологии жизненных сил человека»¹⁵.

Наряду с неклассическими в современном российском социальном познании развиваются и *постнеклассические* подходы¹⁶. Впервые в российской социологии они были сформулированы в работах В.Г. Немировского в форме универсальной социологии¹⁷.

Сегодня в российской социологической и социально-философской литературе существуют различные представления о специфике неклассических социологических теорий. Так, по мнению В.Н. Турченко¹⁸, в отличие от классической *неклассическая наука* признает необходимость сочетания рационального и умозрительного, экспериментального и интуитивного способов познания; правомерность использования условно корректных решений, выходящих за рамки классических условий корректности; объективный характер неопределенности и принципиальной непредсказуемости развития систем, находящихся в состояниях хаоса и близости к бифуркационным точкам; необходимость

учета в познавательной деятельности принципа дополнительности, взаимодействия объекта и субъекта; возможность самоорганизации материальных систем, спонтанного возникновения порядка из хаоса и обратно — вероятностного характера знаний о нелинейных и хаотических процессах; необходимость преодоления междисциплинарных барьеров, интеграции научного знания; необходимость учета при постановке, решении и интерпретации научных, моральных и идеологических факторов.

При этом, как отмечает Турченко, отсюда не следует, что неклассическая наука отвергает классическую. Принципами каждой из них нужно пользоваться при решении определенных типов познавательных задач. Согласно принципу соответствия, сформулированному Н. Бором, новая, более фундаментальная теория может включать в себя старую в качестве частного или предельного случая. Однако, по нашему убеждению, Турченко неправомерно объединяет характеристики неклассического и постнеклассического этапов развития социологии, безосновательно смешивая сущностные черты каждого из них.

Эвристически более ценным нам представляется подход М.Ю. Резника. Он использует в качестве основания для выделения специфики различных этапов развития социального знания характер отношений между познающим субъектом и объектом познания. Трудно не согласиться с тем, что на классической стадии в социальной науке между субъектом и объектом познания преобладает линейная связь, которая исключает прямое рассмотрение обратного воздействия объекта на познавательный процесс. Неклассическая стадия характеризуется включением во взаимосвязь субъекта и объекта еще одного элемента — другого субъекта. В частности, ученые интересуются со-

циальным контекстом познавательной деятельности, учитывают ограничения и погрешности, обусловленные вхождением исследователя в разные социальные группы и институты. Все чаще используются приемы «мягкой» методологии, позволяющие фиксировать качественные параметры и характеристики объекта (биографический метод, опросные, тестовые методики). Характерной особенностью нового, постнеклассического этапа развития социально-научного знания является комплексный, междисциплинарный и проблемно-ориентированный характер исследований. Здесь социальная наука освобождается от монопредметности и узкодисциплинарности, утверждается онтологический плюрализм и гносеологический релятивизм¹⁹.

Весьма похоже трактует специфику постнеклассических подходов и ряд философов, развивающих взгляды В.С. Степина²⁰. Например, В.И. Аршинов и В.Г. Буданов рассматривают процесс становления постнеклассической науки как самоорганизацию междисциплинарного знания. По их мнению, постнеклассическая наука не только обозначает границу детерминистского видения мира, ориентированного на потенциальную иерархию законов бытия, но и органически включает в свой дискурс практическую мудрость традиции. В постнеклассике в процесс коммуникации погружается антропный наблюдатель, подключая в контекст культурно-историческое измерение события-акта наблюдения, делая событие не в физическом, но историческом или мыслимом времени, посредством рефлексии над предыдущим опытом, герменевтического прочтения текста природы.

Авторы вводят представление о постнеклассическом эпистемологическом пространстве, в котором находит себя синергетический субъект. Необходимость его введения обусловлена по-

мимо прочего и тем обстоятельством, что синергетика в качестве междисциплинарного направления включает в себя и философское измерение, коммуникацию философской традиции, сопрягая ее некоторым образом с современной постмодернистской парадигмой, в которой субъект не задан изначально, но становится, не утверждает, а утверждается в разнообразии самотрансценденций, коммуникативных практик. По их мнению, постнеклассическое эпистемологическое пространство порождается ситуацией междисциплинарности, в которой самоопределяется «синергетический» субъект²¹.

Не вдаваясь в подробное обсуждение различий между неклассическими и постнеклассическими подходами, обратим внимание на следующий важный момент: многие синергетику считают центральной составляющей как неклассической, так и постнеклассической науки. Очевидно, данный вопрос требует более пристального внимания. Ведь синергетика уже прочно вошла в повседневный «обиход» социологических и социально-философских исследований²². Адекватным представляется «компромиссный» подход. Синергетика становится центральным звеном научного анализа социального мира именно на *неклассической* стадии развития социального знания. На следующем, *постнеклассическом* этапе она отнюдь не теряет значимости в качестве методологического стержня социальной науки. Однако на этом этапе акцент делается уже на *следствиях* синергетического подхода, на дальнейшем его развитии. Например, на фрактальном подходе, представлении мира в качестве голограммы.

Наряду с синергетикой ключевым принципом, объединяющим неклассическую и постнеклассическую социологию, является *принцип дополнительности Н. Бора*. Суть его состоит в использовании взаимоисключающих

классических понятий в виде так называемых дополнительных пар. Подобный подход к исследованию человеческой психики в единстве ее сознательного и бессознательного прямо вытекает из древнекитайской модели инь-ян и буддийского принципа недвойственности. В буддизме махаяны выявлены оба структурообразующих начала как разные состояния одного и того же; их можно назвать точечным (корпускулярным) и линейным (волновым). Сознание — это мгновенное, точечное проявление океана бессознательного. В каждом моменте сознания присутствует прошлое, настоящее и будущее, миг (кшана) есть вечность так же, как точка есть неразвернутая Вселенная. Они суть одно «я», только пребывают в разных состояниях: явленного и неявленного мира²³.

Отсюда следует вывод о взаимосвязи сознания человека с веществом, а бессознательного — с полем. Иными словами, человек представляет собой единство белково-нуклеиновой и полевой форм жизни. К подобным выводам пришел академик АМН СССР В.П. Казначеев, доказавший, что при посредстве полевых основ биосистем реализуются так называемые «слабые экологические связи»²⁴.

На принципе дополненности Н. Бора основаны исследования американского психолога С. Грофа. Сознание раньше рассматривалось как продукт физиологических процессов мозга. В свете новых исследований стало очевидным, что традиционный образ человека как биомшины устарел. Новый же взгляд на человека совершенно однозначно совпадает с древней мистической традицией: при определенных обстоятельствах человек может функционировать как безграничное поле сознания. Это сознание преодолевает пределы тела, пространство, время, причинно-следственные связи. Такое представление о человеке вполне совпадает с мнением

современных физиков, которые обнаружили «парадокс частицы и волны» при рассмотрении свойств света и материи.

С точки зрения классической логики это выглядит абсурдным. Однако, по мнению Грофа, есть все основания говорить о *двойственной природе человека*. Иногда его можно объяснить механистически, когда человеческое существо функционирует как физическое тело. Иногда же возникает совершенно другой образ, словно человек может действовать как неограниченное поле сознания, способное жить вне материи, времени, пространства, причинности. Следовательно, для полного объяснения феномена человека важен парадокс, который был принят в физике в отношении материи: человек одновременно и материальный объект (биомашина), и неограниченное поле сознания.

Ленинградский социолог Н.К. Серов также говорит о полевых структурах личности, проводя параллель между подобными современными терминами и древними понятиями «душа», «дух». При этом он полагает, что физическим носителем надсознания-сверхсознания (которое «отвечает» за творческую интуицию) является некое коллективное силовое поле, которое создается в произвольном физическом общении людей и воспринимается мозгом на подсознательном уровне²⁵.

Вместе с тем важно отметить и *специфические особенности постнеклассической социологии*. В частности, неверно расценивать синергетику как некую всеобъемлющую метатеорию. Существует немало ограничений для ее использования при описании процессов природного и особенно общественного развития²⁶.

Еще одну особенность постнеклассической науки выделяет В.С. Егоров. По его мнению, мономатериализм (материализм К. Маркса и Ф. Энгельса с

присущим им принципом детерминизма, т. е. причинной обусловленности настоящего прошлым и настоящим будущим, и принципом редукционизма) как мировоззренческая концепция исчерпал себя. Преодоление мировоззренческого представления о материальности мира означает кардинальное изменение не только математических и физических понятий, но и самих принципов этих наук. В результате в XXI в. человечество придет не только к необходимости интеграции наук, но и к интеграции различных способов постижения мира: мифа, религии, философии, математики, науки, литературы, искусства²⁷.

В этой связи обратимся к *российской культурно-философской традиции*. Для нее в целом характерно пристальное внимание к духовно-нравственному миру человека, экзистенциальной и религиозно-нравственной проблематике. И человека, и социум она рассматривает как неотъемлемую часть природы и космоса, стремится выйти за рамки повседневного бытия в бескрайний мир трансцендентности. Речь идет в первую очередь о русском антропоцентризме и философии всеединства. Они во многом предвосхитили формирование новой научной картины мира. Аналогичные принципы и подходы на Западе развиваются в настоящее время в рамках кибернетики, синергетики и других направлений системного анализа.

Надо сказать, что и на Западе идеи русского антропокосмизма находят подтверждение и продолжение в исследованиях современных ученых. Например, в работах И. Пригожина и представителей его школы о диссипативных структурах, Ф. Дайсона (рассматривающего себя как продолжателя К.Э. Циолковского) о космических условиях существования жизни и др. Особый интерес представляет модель астрофизика и системного теоретика Э. Янча, воспроизводящая некоторые положе-

ния теории Пригожина. Янч стремился выстроить закономерную последовательность в самоорганизации универсума от момента Большого взрыва (согласно взглядам многих современных ученых, положившего начало нашей Вселенной) до возникновения и эволюции жизни на Земле и последующего развития человечества.

Особое место в постнеклассическом социальном познании принадлежит *диатропике* (от греческого *diatropos* — разнообразный, разнохарактерный) как науке о разнообразии, т. е. тех общих свойствах сходства и различия, которые обнаруживаются в больших совокупностях объектов. Диатропика порождена современной научной картиной мира. Здесь важно подчеркнуть, что эта картина связана с социологической парадигмой не прямо, а посредством познавательных моделей. Последние представляют собой приемы организации и истолкования конкретного материала учеными разных специальностей, но сходного миропонимания. Для науки нового времени характерны пять познавательных моделей: схоластическая (трактующая природу как текст, как шифр), механистическая (природа как машина, как часы), статистическая (природа как баланс средних величин), системная (природа как организм), *диатропическая* (природа как сад, как ярмарка)²⁸. В разные эпохи, в разных странах господствовали те или иные познавательные модели, но все они присутствуют в науке практически всегда. В последние десятилетия происходит переход от статистической к системной познавательной модели. Но последняя уже не вполне соответствует новой научной картине мира, на базе которой формируется диатропическая модель. Причем эта модель не заменяет собой предшествующие, а скорее является продолжением их развития и взаимодействия. Так, если Г. Галилей и И. Кеплер рассматривали мир как кни-

гу, И. Ньютон и П. Лаплас — как часы, Ч. Дарвин и Дж. Максвелл — как баланс случайностей, а В.И. Вернадский и Э. Янч — как организм, то ученые ближайшего будущего, возможно, будут представлять его как сад вслед за Г. Лейбницем, который свободно оперировал всеми пятью моделями.

Диатропическая познавательная модель концентрирует внимание на общих свойствах разнообразий независимо от природы элементов, образующих данные множества. Основным понятием диатропики, как указывает Ю.В. Чайковский, является ряд, подобно тому как для опытных и наблюдательных наук это факт. И так же как факт не имеет смысла вне объясняющей схемы, так и ряд немислим для диатропики без сопоставления с другим рядом, зато ряды для сопоставления могут быть взяты из далеких областей знания. Подобное сопоставление — элементарная операция диатропики, причем ряд не обязательно целостная система, нередко он представляет собой простую упорядоченность изучаемого множества. На основании такой операции можно выделить архетип — обобщенный образ изучаемого объекта, будь то строение птицы, дерева, общества или социального института (именно генерализованным архетипом и является разработанный нами в 1991 г. *диатропический принцип минимального универсума*²⁹). На данной базе развивается *новое направление постнеклассической социологии — универсумная социология*.³⁰ Она обрела немало сторонников.

Отнюдь не случайно социология становится все более междисциплинарной и деидеологизированной, углубляется понимание чрезвычайной сложности, многомерности и многослойности человеческого бытия. Например, благодаря успехам социобиологии, зоопсихологии и этологии в научных представлениях стирается грань между со-

циальностью животных и человека. Многие социальные потребности присущи не только людям, но и животным. То же можно сказать и об элементах абстрактного мышления. Поэтому отличительная черта человека как родового существа — не столько социальность (животные и даже насекомые, например, пчелы, муравьи, термиты, образуют достаточно сложно организованные социумы), сколько духовность, т. е. способность к творчеству, стремление к высшим ценностям.

Итак, социум — неотъемлемая часть высокоорганизованной Вселенной, взаимосвязанная с другими ее элементами. Социальная реальность является отражением реальности духовной, в которой кроются источники многих событий в общественной жизни людей. Наше общество — самоорганизующаяся система, эволюция которой совершается в соответствии с общематериальными закономерностями. Эти закономерности выражены в *диатропическом принципе минимального универсума*. Последний выражает наименьшее количество характеристик, необходимых для описания любой развивающейся системы. Нами был использован диатропический принцип «сопоставления рядов», причем эти ряды берутся из разных областей научного знания. В результате их сопоставления формируется «архетип» — особая матрица, которая в данном случае отражает законы развития материального. Кратко его можно описать следующим образом: *два элемента, три уровня, пять состояний, семь слоев, двенадцать качеств*. Описанная матрица может быть «наложена» на любой социум или его элемент для определения структуры или динамики.

Как известно, социология достаточно тесно соприкасается с психологией, прежде всего в изучении мотивации, массового поведения, механизмов социализации и во многих других аспек-

тах. Поэтому показательно, что весьма похожая картина наблюдается сегодня и в этой близкой к социологии гуманитарной дисциплине. Наряду с сохранением различных направлений классической психологии все большую силу набирают *трансперсональные* подходы, которые отражают развитие *неклассического* этапа развития этой науки. Как известно, к числу основоположников *трансперсональной психологии* относятся швейцарский ученый К.Г. Юнг, создатель гуманистической психологии А. Маслоу, идеи которых получили развитие в произведениях С. Грофа, Р. Ассаджиоли, Ч. Тойча, К. Уилбера, Л. де Моза и др. В России идеи трансперсональной психологии разрабатывают В. Майков, В. Козлов, Е. Файдыш. Широко известны книги А. Налимова, М. Щербакова, Э. Цветкова и др.

Это направление психологии изучает *трансперсональные переживания* (т. е. переживания, в которых чувство самотождественности выходит за пределы индивидуальной, или личной, самости, охватывая человечество в целом, жизнь, дух и космос) и связанные с ними явления³¹.

К сожалению, сторонники неклассической социологии, как правило, не акцентируют внимание на том, что *классическая психология не сочетается с неклассической социологией*. Исключение составляют С.И. Григорьев и А.И. Субетто, которые справедливо подчеркивают, что с позиций неклассической социологии по-новому ставится проблема «социологии веры», социального бессознательного, социально-психологической археологии. На самом деле методологические подходы, реализуемые в *неклассической социологии*, прямо соответствует подходам, на которых основана *трансперсональная психология*.

В последние годы в широком спектре теорий «трансперсонального проек-

та» наместились весьма существенные изменения. Достаточно яркий пример — работа Х. Феррера. Автор критикует привнесенный из эмпиристской науки интрасубъективный эмпиризм, который подчинил себе трансперсональную теорию и наводил ее неуместными требованиями воспроизводимости, проверяемости и фальсифицируемости. Эти требования связывали трансперсональную теорию с эпохой Просвещения, породившей классическую науку. Попытки утвердить научный статус трансперсональных подходов с позиций классической науки не соответствовали логике внутреннего развития этих дисциплин. Феррер же доказывает, что «трансперсональные и духовные феномены представляют собой не индивидуальные внутренние переживания, а события соучастия (т. е. возникновение трансперсонального бытия, которые могут происходить в человеке, взаимоотношении, сообществе, коллективном самоотождествлении или месте)». Автор предлагает «перевести весь трансперсональный проект с внутрисубъективной основы, приспособленной к субъект-объектной модели познания, на основу соучастия, которая свободная от ржавых картезианских цепей»³².

Как видим, подобные трактовки в известной мере сближают ракурс анализа трансперсональной психологии и современной постнеклассической (универсальной) социологии, концентрируя внимание на различных формах субъект-субъектных отношений, на соучастии исследователя в изучаемом им бытии.

Более того, намечился явный переход трансперсональных подходов к диатропической модели познания, в частности, отказ от представлений о духовном освобождении как постижении некоей Единой Истины или высшей духовной реальности. Предлагается своего рода «Океан освобождения». Феррер рисует следующий образ: «каждый

духовный берег обладает независимым статусом, и для его достижения нужно использовать соответствующую лодку»³³. Иными словами, речь идет о сугубо *диатропическом* поиске единства в разнообразии.

Итак, основанная на современной научной картине мира постнеклассическая социология имеет следующие характеристики: развитие междисциплинарного и комплексного подхода к анализу социальной реальности; синтез социогуманитарного и естественно-научного знания; использование полипарадигмальных подходов; включение современных направлений системного анализа (синергетика, диатропика, фрактальный подход и др.); опора на традиционную восточную философию и русский антропокосмизм; расширение представлений о предмете социологии и стирание междисциплинарных различий с другими социогуманитарными науками³⁴. Наконец, постнеклассическая социология является социологией универсумной, рассматривая социум в единстве его природно-космических связей и измерений.

Значительно больше внимания постнеклассическая социология уделяет качественным методам. Так, преодолевая до сих пор широко распространенное в современной отечественной социологии представление о человеке как о сугубо рациональном существе, постнеклассическая социология рассматривает его в единстве сознательных и бессознательных, рациональных и эмоциональных проявлений. В частности, еще в конце 1980-х гг. мы ввели в социологический оборот понятие «ценностные переживания», правомерность и эффективность которого были защищены в докторской диссертации³⁵. Дело в том, что наряду с ориентациями на рациональные ценности (такие, как «чистая совесть», «богатство», «комфорт», «здоровье» и т. п.) существуют ориентации на комплексы ценностных пере-

живаний. Причем если первые зачастую бывают усвоены лишь на вербальном уровне, то вторые играют определяющую роль в мотивации социальной деятельности людей. Разработан и тест «Эмоциональная направленность личности», с помощью которого за 15 лет опрошены десятки тысяч респондентов³⁶.

Важным направлением постнеклассической (универсумной) социологии является изучение бессознательных слоев массового сознания. Для этого активно используются не только традиционные методы математической статистики, например, факторный анализ, но и специальные методы, заимствованные из психологии: прожективные методики, ассоциативные тесты, групповые медитации. Большое значение имеет и такой метод исследования, как личная автоэтнография. Думается, что немалые перспективы для развития методов познания социума с позиций постнеклассической социологии сулит применение трансперсональных подходов. Так, В. Брод и Р. Андерсон раскрывают широкий спектр исследовательских методик, ориентированных не только на анализ переживаний, ценностей, смыслов, трансцендентности, но и на развитие важных человеческих качеств³⁷.

По сути постнеклассическая (универсумная) социология из социологии *изучающей* становится социологией *конструирующей*. На этом этапе резко усиливается ее социально-конструирующая, общественно преобразующая функция. Происходит переход от разработки «практических рекомендаций для заказчика» к участию в их реализации, социологическому сопровождению социальных изменений. Все большую роль в работе социолога играют специальные тренинги, сочетающие в себе анализ социальной ситуации с целенаправленной работой по ее изменению, повышению эффективности

деятельности социального субъекта, обеспечению социальной гармонии. Например, тренинги по развитию корпоративной культуры или разработанный и активно используемый нами тренинг по анализу и формированию смысловых ориентаций.

Как известно, любая социальная теория проверяется временем и прежде всего конкретной социальной практикой. Можно без преувеличения сказать, что эти испытания она прошла успешно³⁸. На основе принципа минимального универсума Д.Д. Невирко разработана интегральная модель социализации личности, учитывающую как ритмику этого процесса, так и воздействие на него различных внешних и внутренних факторов. На ее базе проведены обширные эмпирические исследования. В течение десяти лет данная модель успешно используется в системе подготовки специалистов для органов МВД России³⁹.

Универсумный подход эффективен и для социологического анализа массового сознания, ибо позволяет исследовать ценностные переживания, представления о смысле жизни и отношении к смерти, грех как социальный феномен⁴⁰. Этот принцип отражает не только стабильную, но и транзитивную структуру социума, что позволяет эффективно использовать его для анализа современного российского общества. В частности, С.В. Гришаев на базе универсумного подхода предложил новые теоретико-методологические представления о социальной структуре общества. Он раскрыл особые функции ядра и периферии социальных групп, обосновал важную роль маргинальных групп в трансформации социальной структуры, показал реальные процессы, происходящие в современном российском обществе⁴¹.

Важно отметить прогностические возможности универсумного подхода в социологии. Как считает белорусский

социолог В.И. Кудрявцева, данный подход применительно к социальному прогнозированию непосредственно связан с общей тенденцией глобализации и космоизации социальной реальности и социологического знания и логически развивает концепцию единства социо- и космосферы. На его основе создана уникальная модель социального прогнозирования, которая представляет собой информационную систему описания и прогнозирования социального поведения в применении к конкретным социальным объектам, обладающим собственной спецификой социально-исторического и культурного развития⁴².

Таким образом, на постнеклассическом (универсумном) этапе развития социологии преодолевается распад, дезинтеграция, утрата собственного предмета социологической науки, свойственные эпохе постмодерна⁴³. Нет сомнения, что в ближайшем будущем отечественная социология будет оставаться мультипарадигмальной наукой. Продолжится интенсивное развитие различных теоретических направлений и школ в отечественной социологии. И мы будем свидетелями «соревнования» между ними.

ЛИТЕРАТУРА

1. Волновые процессы в общественном развитии. Новосибирск. 1992.
2. Григорьев С.И., Субетто А.И. Основы неклассической социологии. Барнаул, 2000; Социология на пороге XXI века: основные направления исследований. М., 1999; Субетто А.И. Россия и человечество на «перевале» истории в преддверии третьего тысячелетия. СПб., 1999; Субетто А.И. Разум и антиразум. СПб., 2003.
3. Василькова В.В. Порядок и хаос в развитии социальных систем. СПб., 1999.

4. *Плотинский Ю.М.* Математическое моделирование динамики социальных процессов. М., 1992.
5. *Яковец Ю.В.* Циклы, кризисы, прогнозы. М., 1999.
6. *Давыдов А.А.* Методическое пособие по измерению структурной дисгармонии социальных систем. М., 1990; *Давыдов А.А., Чураков А.Н.* Модульный анализ и моделирование социума. М. 2000; *Давыдов А.А.* Системный подход в социологии. Законы социальных систем. М., 2004.
7. *Тоненкова М.М.* Социология духовной жизни России: новая парадигма. Нижний Новгород, 2000; она же. Базовые направления духовно-творческого развития российского социума в III тысячелетии. Нижний Новгород, 2000.
8. *Куракина О.Д.* Русский космизм как социокультурный феномен. М., 1993.
9. *Кукса Л.П.* Интегральная социология. В шести книгах. Книга первая. Новосибирск, 2004.
10. Неклассическая социология в современной России: накопление методологического потенциала и технологических возможностей. М., Барнаул, 2003. С. 5.
11. *Субетто А.И.* Социогенетика: системогенетика, общественный интеллект образовательная генетика и мировое развитие (интегративный синтез). СПб.-М., 1994.
12. Социология на пороге XXI века: основные направления исследований; *Григорьев С.И., Субетто А.И.* Основы неклассической социологии; *Григорьев С.И.* Виталистская социология: парадигма настоящего и будущего (избранные статьи по неклассической социологии). Барнаул, 2001; *Григорьев С.И., Гуслякова Л.Г.* Социология для социальной работы. М., 2002.
13. *Субетто А.И.* Неклассическая социология: сущность, основания возникновения и развития // Социология на пороге XXI века. М., 1999. С.18–19.
14. *Григорьев С.И., Растов Ю.Е.* Основы современной социологии. М., 2002. С. 111.
15. *Григорьев С.И., Субетто А.И.* Там же. С. 53.
16. *Немировский В.Г., Невирко Д.Д., Гришаев С.В.* Современная социология: классические и постнеклассические подходы к анализу социальной реальности. М., 2003.
17. *Немировский В.Г.* Основы теоретической социологии. Красноярск, 1991; он же. Введение в теоретическую социологию. Красноярск, 1994; он же. Современная социология и российские культурные традиции // Социологические исследования. 1994. № 3.
18. *Турченко В.Н.* Проблема классичности и неклассичности социологии // Неклассическая социология в современной России: накопление методологического потенциала и технологических возможностей. С. 24–25.
19. *Резник Ю.М.* пути системной реорганизации и интеграции социального знания (очерки о судьбе отечественного обществознания) // Личность. Культура. Общество. М., 2000. Том II. Вып. 2. С. 72–73.
20. *Степин В.С.* Философская антропология и философия науки. М., 1992; он же. Теоретическое знание. М., 1999.
21. *Аришинов В.И., Буданов В.Г.* Когнитивные основания синергетики. <http://www.synergetic.ru/science/print.php?print=arshbu1>
22. *Васильскова В.В., Яковлев И.П., Барыгин И.* и др. Волновые процессы в общественном развитии. Новосибирск, 1992; *Васильскова В.В.* По-

- рядок и хаос в развитии социальных систем. СПб., 1999; *Мельник В.В.* Философия бифуркационного менеджмента. Тюмень, 2001; *Ново-крещёнов А.В.* Самоорганизация территориальных общностей и местное самоуправление. Новосибирск, 2002.
23. *Григорьева Т.П.* Образы мира в культуре: встреча Запада с Востоком // Культура, человек и картина мира. М., 1987. С. 262–299.
 24. *Казначеев В.П., Стирин Е.А.* Феномен человека: комплекс социоприродных свойств // Человек в системе наук. М., 1989. С. 121–133.
 25. *Серов Н.К.* Личность и время. Л., 1989. С. 131, 164–165.
 26. *Казначеев В.П.* Учение В.И. Вернадского о биосфере и ноосфере. Новосибирск. 1989; *Венда В.Ф.* Волны прогресса. М., 1989. С. 38. Нелинейный мир постнеклассической науки (по материалам Круглого стола) // Синергетическая парадигма. Когнитивно-коммуникативные стратегии современного научного познания. М., 2004. С. 564.
 27. *Егоров В.С.* Постнеклассическая наука и современное миропонимание // Синергетическая парадигма. Человек и общество в условиях нестабильности. М., 2003. С. 73–74.
 28. *Чайковский Ю.В.* Элементы эволюционной диатропики. М., 1990. С. 9–17; он же. Молодежь в разнообразном мире // Социол. исслед. 1988. № 1.
 29. *Немировский В.Г.* Введение в теоретическую социологию. С. 24–30.
 30. *Немировский В.Г.* Введение в теоретическую социологию; он же. Основы теоретической социологии; он же. Современная социология и российские культурные традиции; *Немировский В.Г., Невирко Д.Д.* Теоретическая социология. Нетрадиционные подходы. Красноярск, 1998; *Немировский В.Г., Грицков Ю.В., Павлов А.В.* Образы социальной реальности. Красноярск. 1999; *Немировский В.Г.* Универсальная диагностика российского общества. Красноярск, 2001; он же. Базовые ценности в массовом сознании. Ценностные переживания, смысл жизни и отношение к смерти, грех как социальный феномен. Красноярск, 2002; он же. Современная социология. Красноярск. 2002.
 31. *Майков В., Козлов В.* Трансперсональная психология. Истоки, история, современное состояние. М., 2004.
 32. *Ферфер Х.* Новый взгляд на трансперсональную теорию. Человеческая духовность с точки зрения соучастия. М., 2004. С. 200.
 33. Там же. С. 223.
 34. *Немировский В.Г., Невирко Д.Д., Гришаев С.В.* Классические и постнеклассические подходы к анализу социальной реальности. С. 5.
 35. *Немировский В.Г.* Концепции смысла жизни в массовом сознании студенческой молодежи: методология и опыт социологического исследования. Док. дис. Вильнюс. 1990.
 36. *Немировский В.Г.* Базовые ценности в массовом сознании. Ценностные переживания, смысл жизни и отношение к смерти, грех как социальный феномен; *Немировский В.Г.* Общая социология. Ростов-н/Д., 2004.
 37. *Braud W., Anderson R.* Transpersonal Research Methods for the Social Sciences: Thousand Oaks, CA: Sage. 1998.
 38. *Немировский В.Г.* Региональные социологические школы на пороге XXI века // Социол.исслед. 2002. № 3. С. 135–136.
 39. *Невирко Д.Д.* Особенности социализации личности в авторитарных институтах России 90-х годов. Красноярск, 1999; *Невирко Д.Д., Шарыпова В.А., Шинкевич В.Е.* Социология. Красноярск, 2001.

40. Григорьев С.И., Немировский В.Г. В поисках смысла жизни и социальной справедливости: студенчество России на пороге XXI века. Барнаул-Красноярск. 1995; Немировский В.Г. Базовые ценности в массовом сознании. Ценностные переживания, смысл жизни и отношение к смерти, грех как социальный феномен.
41. Гришаев С.В. Социальная структура и рынок труда: развитие и взаимодействие (опыт социологического исследования в регионах Сибири в 90-х годах). Красноярск. 2000.
42. Кудрявцева В.И. Начала космономии. Минск. 2001.; она же. Методологические основы социального прогнозирования (универсумный подход). Канд. дис. Минск. 2001.
43. Немировский В.Г. Универсумная парадигма современной российской социологии как перспектива развития// Социология. Научно-теоретический журнал. Минск, 2004. № 1. С. 39–49.

© 2005 г.

А.М. СЕРГИЕНКО

ПОЛОЖЕНИЕ И СТРАТЕГИИ ПОВЕДЕНИЯ НАЕМНЫХ РАБОТНИКОВ НА РЫНКЕ ТРУДА*

В годы реформ в сельской экономике, прежде всего в аграрной сфере, произошли кардинальные изменения, связанные с формированием частной собственности, акционированием коллективных хозяйств и развитием фермерства. Ситуация на сельском рынке труда за этот период значительно ухудшилась и остается достаточно напряженной, что определяется продолжающимся ухудшением финансово-экономического положения агропромышленного комплекса (несмотря на демонстрируемое статистикой позитивное изменение в динамике валовой продукции сельского хозяйства с конца 1990-х гг.); деградацией социальной сферы и, как следствие, ограниченным по объему и структуре предложением рабочих мест; их низкой инвестиционной привлекательностью; заметным увеличением в последние годы числа сел, оставшихся без эффективных работодателей; традиционно низкими доходами и глубоким проявлением бедности. Данные проблемы усугубляются сравнительно низкими финансово-экономическими возможностями региональных и муниципальных органов управления в регулировании сельского рынка труда.

В связи с этим рассмотрим, как изменилось социально-экономическое положение сельских наемных работников, являвшихся основной категорией тружеников в дореформенной экономике села, и каковы стратегии их пове-

дения на рынке труда, предопределившие во многом такую динамику. В качестве информационной базы использовались результаты социологических опросов, проведенных сотрудниками Института экономики и ОПП СО РАН и Центра социально-экономических исследований и региональной политики в 2001–2002 гг.¹, в том числе данные 1) выборочных опросов населения трудоспособного возраста: сельских и городских жителей Алтайского края (N = 800, в том числе 400 крестьян, 2001 г.) и сельских жителей трех регионов Сибири — Алтайского края, Новосибирской области и Республики Алтай (N = 1100, 2002 г.); 2) экспертных опросов руководителей региональных и муниципальных (сельских районных и поселковых) органов управления, сельских центров занятости, сельскохозяйственных предприятий (N = 19, 2001 г.; N = 53, 2002 г.).

Опросы населения проводились по квотной выборке с выделением групп, различающихся статусом занятости (наемные работники, самозанятые, работодатели и безработные), демографическими характеристиками, отраслевой принадлежностью основного занятия и местом жительства.

Опрошенные нами респонденты проживали в 43 сельских районах, различающихся уровнем урбанизации и удаленностью от городов и районных центров. В 2001 г. исследованием было охвачено 302 сельских наемных работника, в 2002 г. — 865. В последнем слу-

* Работа выполнена при поддержке РГНФ (грант №04-03-00352а), а также Независимого института социальной политики и Фонда Форда (проект № SP-02-1-05).

чае структура опрошенных такова: 56% рабочих (в том числе квалифицированных — 33%), 29% специалистов, 8% служащих (технический и обслуживающий персонал) и 7% руководителей высшего и среднего звена. Отраслевой состав сельских наемных работников отражает специфику преимущественно сельскохозяйственной занятости. Две трети из них заняты в сельском хозяйстве, 19% — в отраслях социальной сферы (образование, культура, здравоохранение, жилищное и коммунальное хозяйство, бытовое обслуживание), остальные — в торговле (4%) и других отраслях. Половина опрошенных сельских наемных работников имеют высшее либо среднее профессиональное образование. Каждый пятый — высшее. Более половины опрошенных являются представителями старшей категории занятых (от 40 лет и старше), на долю молодежи (до 30 лет) и работников среднего возраста приходится по 22%.

Динамика социально-экономического положения сельских наемных работников. Как изменилась структура занятости и профессионально-квалификационный состав сельских наемных работников с начала 1990-х гг.? Анализ динамики структуры занятости представителей младшего и среднего трудоспособного возраста (от 20 до 39 лет включительно) показал, что 82% сельских наемных работников сохранили свой статус занятости, 10% стали самозанятыми (занятыми только семейным крестьянским хозяйством, индивидуальной трудовой деятельностью, предпринимателями, не использующими наемный труд) и 8% — безработными (не имели работу на момент опроса). В целом за рассматриваемый период доля наемных работников среди экономически активного населения сократилась примерно на 15% при более значительном увеличении удельных весов безработных, предпринимателей и особенно самозанятых.

Положение мелкого предпринимателя и самозанятого многие респонденты нашли более предпочтительным, чем положение почти бесплатного наемного труженика сельскохозяйственного предприятия. С одной стороны, работник сам перешел в мелкие предприниматели, привлекаемый свободой и возможностью зарабатывать «свои кровные», с другой — к этому его подтолкнули массовая реорганизация сельхозпредприятий и закрытие объектов социальной сферы, приведшие к сокращению рабочих мест в явной или скрытой форме. Самозанятыми стали как бывшие рядовые работники (преимущественно квалифицированные рабочие и специалисты), так и руководители колхозов и совхозов. Среди безработных же оказались в равной степени неквалифицированные рабочие и служащие. В свою очередь категорию наемных работников пополнили главным образом бывшие учащиеся и студенты (17% нынешнего состава), среди представителей других категорий занятости — прежде всего самозанятые.

В целом изменение статуса занятости и положения в профессионально-квалификационной структуре коснулось каждого третьего современного наемного работника. Наиболее стабильные позиции заняли квалифицированные рабочие, специалисты и служащие (примерно 70% из них сохранили свои позиции), наименее устойчивые — наемные руководители и неквалифицированные рабочие (только около половины из них не поменяли свой статус).

Наиболее значительные изменения в профессионально-квалификационной структуре коснулись рядовых работников: уменьшилась доля квалифицированных рабочих и служащих (на 20% в обоих случаях), а также произошло более заметное увеличение не только доли неквалифицированных рабочих (на 35%), но и специалистов (на 23%). При этом доля молодых и среднего возраста

руководителей высшего и среднего звена сократилась почти на 15%.

Далее рассмотрим основные характеристики социально-экономического положения наемных работников на рынке труда, акцентируя внимание на реализации их социально-трудовых прав.

Результаты нашего исследования позволили выявить значительные масштабы нарушений прав наемных работников на сельском рынке труда: в анализируемый период не менее 2/3 респондентов сталкивались с нарушениями своих прав. При этом эксперты отметили низкий уровень информированности сельских наемных работников о трудовых правах. Об том же свидетельствуют и данные опроса. Только 60% респондентов в основном представляют свои трудовые права, ничего не знают о них 11%, остальные «что-то слышали об этом».

Оплата труда. Наиболее высокий уровень нарушений трудовых прав опрошенные сельские наемные работники и эксперты связывают с оплатой труда. В частности, руководители сельскохозяйственных предприятий отнесли к таким нарушениям в первую очередь задержки по выплате заработной платы, установление ее на необоснованно

низком уровне и выплату в натуральной форме. Так, 60% наемных работников сталкивались с задержками заработной платы, средний срок задолженности по ней составлял в конце 2002 г. пять месяцев, для каждого двадцатого он превышал 2–3 года (табл. 1). Оценивая справедливость оплаты труда, 3/4 сельских наемных работников отметили, что их труд оплачивается низко, не в соответствии с трудовым вкладом и квалификацией. Каждый восьмой подчеркнул, что его труд практически не оплачивается.

Оплата труда является в настоящее время главной причиной увольнения наемных работников по собственному желанию, в первую очередь в связи с ее низким уровнем (по этой причине уволился каждый третий опрошенный безработный) и задержками (каждый пятый безработный). Именно низкая заработная плата (в первую очередь по мнению низкооплачиваемых работников) и, как следствие, отсутствие денежных накоплений являлись основными препятствиями трудовой и предпринимательской активности.

Высокая доля оплаты труда в натуральной форме также является фактором, заметно снижающим трудовую

Таблица 1. Нарушения прав сельских наемных работников на рынке труда, %

Нарушения	Сельские наемные работники	В том числе работники:		
		Сельского хозяйства	Социальной сферы	Других отраслей
Задержки по заработной плате	60,2	66,4	55,3	24,6
Средняя задержка по заработной плате, мес.	4,8	6,3	1,1	2,5
Необоснованно низкая заработная плата	74,7	77,3	73,3	63,3
Выплата заработной платы производится преимущественно в натуральной форме	20,3	28,5	0,6	4,6
Доля натуроплаты в оплате труда	35,2	35,1	30,5	38,3
Ненормируемый рабочий день, высокая интенсивность труда	30,2	30,4	25,5	22,9
Отказ в предоставлении очередного отпуска, сокращенный отпуск	10,4	12,0	5,0	6,3
Отсутствие компенсационных выплат за работу во вредных условиях	15,8	19,9	4,3	7,4

активность сельских работников. По результатам исследования, натуроплата (зерном и кормами почти в 3/4 случаев, а также мясом, молоком и другими продуктами питания, молодняком животных, реже — дровами и углем) используется на сельских предприятиях, где работает большая часть всех опрошенных наемных работников, и составляет в среднем 35% от выплачиваемой суммы. Для каждого пятого сельского наемного работника такой вид оплаты стал основным (табл. 1). Эта ситуация сильно отличается от характера оплаты труда самозанятых: в подавляющем большинстве случаев (99%) оплата их труда производится деньгами.

Условия труда и социальные гарантии. Основными проблемами условий труда для сельских наемных работников является в целом их неблагоприятный характер («физически тяжелая работа», «вредные условия», «условия труда, опасные для жизни») и высокая интенсивность, ненормируемый рабочий день (30% опрошенных) (табл. 1). Указанные проблемы также довольно часто становятся причинами увольнений. Так, каждый седьмой опрошенный сельский безработный уволился с последнего места работы из-за ненормируемого рабочего дня и высокой интенсивности труда и каждый десятый — из-за его физической тяжести и вредных условий. Для сравнения: самозанятых волнует в основном отсутствие выходных и отпусков.

В условиях формирования рыночных отношений специфика сельского труда и сравнительно малая рентабельность сельскохозяйственного производства во многом предопределили крайне низкий уровень социальных гарантий. Для наемных работников это проявилось в отсутствии компенсаций при производственных травмах и за работу во вредных условиях, за сверхурочность и сокращенный отпуск, а также в

отказе в предоставлении отпуска, реже — в отсутствии «социального пакета» (медицинского полиса и пенсионного страхования, выплат по больничным листам) (табл. 1). Для самозанятых последняя проблема (невключенность в систему медицинского и пенсионного страхования), напротив, является определяющей.

Российские ученые (Т. Заславская, В. Радаев, Р. Рывкина, М. Шабанова и др.) отмечают широкое распространение неправовых трудовых практик на российском рынке труда. Данные нашего исследования показывают, что село не является исключением. Неформальные трудовые отношения широко практикуются на предприятиях торговли и общепита, строительства и сельского хозяйства. В целом каждый десятый нанятый трудится на основе устной договоренности. По мнению работодателей, наемные работники соглашаются на неофициальное оформление трудовых отношений не только из-за незнания своих трудовых прав, но и в силу «безысходности, необходимости иметь хоть какие-то средства к существованию».

Как отмечают Н. Власова, З. Калугина, В. Кузнецов, О. Фадеева и другие российские исследователи, масштабы неформальной занятости в аграрной экономике напрямую зависят от экономического положения сельскохозяйственных предприятий². И чем ниже уровень социально-экономического развития такого предприятия, тем большую роль в выживании селян имеет семейное крестьянское хозяйство. Экономически сильные предприятия не только снижают потребность работников в ведении крупных семейных хозяйств, но и значительно улучшают условия его ведения за счет оказываемой помощи.

Масштабы и глубина нарушений социально-трудовых прав связаны во многом с отраслевой спецификой занятости сельских наемных работников.

Так, большинство нарушений характерно в первую очередь для сельского хозяйства (табл. 1). Это проявляется в чрезвычайно низком уровне оплаты труда; более значительных ее задержках и высокой степени натурализации; сверхнормативной физической тяжести труда; отсутствии условий для профессионального роста и повышения квалификации, компенсаций за работу во вредных условиях и сверхурочную работу; существенной доле невыплат по больничным листам, при производственных травмах; а также в более масштабном распространении нетрудовых практик.

Безработица, ее масштабы и причины. Проблема отсутствия вакантных рабочих мест на сельском рынке труда является в настоящее время причиной реальной и скрытой безработицы и главным сдерживающим фактором увольнения. Именно эта причина останавливает 43% сельских наемных работников в стремлении в ближайшее время сменить место работы. При этом почти половина всех респондентов в той или иной степени испытывает опасение потерять свое место работы и каждый десятый — постоянную тревогу. Такая тревога связана в основном с плохим положением предприятия, его возможной ликвидацией и уже происходящими сокращениями рабочих мест (так считает 1/3 представителей рассматриваемой категории), а также с невозможностью найти другую работу (1/5).

Наемные работники попадают в безработные из-за отсутствия каких-либо оплачиваемых рабочих мест, тем более соответствующих специальности. Так, кроме причин увольнения с последнего места работы, связанных с личностью респондента (здоровье, семейные обстоятельства) и его неудовлетворенностью условиями и оплатой труда, назывались «внешние» причины (не зависящие от его желания), связанные с активным сокращением в последнее десятилетие имеющихся рабочих мест

(сокращение штатов или ликвидация предприятия, окончание срока временной работы).

По оценкам экспертов, каждый четвертый трудоспособный сельский житель фактически является безработным, в отдельных поселках — даже каждый второй. Руководители региональных и муниципальных органов управления считают, что кроме общеизвестных экономических причин (сезонность работ, недостаток квалифицированного управления всем комплексом сельскохозяйственных работ) масштабы безработицы и дефицита подходящих рабочих мест на селе обусловлены низким уровнем образования и качеством рабочей силы, деградацией сельских работников за последние десять лет, их нежеланием работать, деградацией. Опрошенные нами руководители сельскохозяйственных предприятий подчеркнули, что основными кадровыми проблемами являются даже не квалификация работников, а прежде всего их недисциплинированность, пьянство, склонность к хищениям и растаскиванию собственности предприятия.

Материальное положение и бедность. В результате ухудшения условий и оплаты труда, роста безработицы в годы реформ наблюдалось массовое обнищание сельских работников и их семей. По оценкам экспертов, бедность охватила половину всего сельского населения. В два с половиной раза (с 17,5 до 43%) выросла доля бедных семей сельских работников, материальное положение которых, по их мнению, таково, что «средств хватает только на питание» или они «еле сводят концы с концами, семья практически голодает». Причем доля последней, наиболее неблагополучной группы выросла в три раза (с 2 до 6%). Соответственно сократилась доля сравнительно благополучных семей, в том числе семей со средним материальным положением («живем нормально, средств хватает на все

самое необходимое») — на 1/4 (с 66 до 53%) и обеспеченных семей («живем, ни в чем себе не отказывая») — почти в семь раз (с 13 до 2%).

В последние годы (после 1998) происходило дальнейшее ухудшение материального положения сельских наемных работников и их семей. И к концу 2002 г. заметно больше было семей, чье положение, по мнению самих работников, ухудшилось (28%) в сравнении с улучшившимися положением (17%). Для почти половины семей изменений не произошло.

В условиях формирования рыночных отношений безработица является благоприятной средой роста бедности. При практически равных первоначальных показателях материального положения семей наемных работников и безработных в начале 1990-х гг. в категорию бедных на момент опроса (2002) попало свыше половины всех семей опрошенных безработных (53%), в том числе 11% — в группу «почти голодающих».

Поведение и мотивация сельских наемных работников на рынке труда. Трансформация активности россиян на

рынке труда проявилась в развитии гибкости и многообразии способов зарабатывания, индивидуализации сознания и социально-экономического поведения, неравномерности динамики активности, значительном расслоении по возможностям ее проявления социальными группами, различающимися статусом занятости, доходами, демографическими, территориальными и другими характеристиками³. Все это в определенной степени можно отнести и к поведению селян на рынке труда.

В годы реформ для сохранения социально-экономического положения, поддержания уровня жизни своей семьи подавляющее большинство сельских наемных работников увеличивало трудовую нагрузку в основном посредством дополнительной занятости и развития семейного крестьянского хозяйства (табл. 2). Из-за плохой экономической ситуации на многих сельскохозяйственных и других сельских предприятиях это происходило в условиях вынужденного сокращения занятости на основном месте работы как в админист-

Таблица 2. Стратегии поведения сельских наемных работников на рынке труда, %

Действия	Сельские наемные работники	В том числе работники:		
		Сельского хозяйства	Социальной сферы	Других отраслей
Расширял семейное подворье	33,4	36,8	26,0	27,6
Увеличивал интенсивность труда	24,2	26,4	18,0	22,4
Повышал образование, квалификацию	23,5	15,5	48,0	29,3
Искал другое основное место работы	20,9	18,7	20,0	29,3
Добивался регулярности выплат заработной платы	16,6	15,5	30,0	8,6
Добивался повышения уровня зарплаты	15,6	11,9	24,0	20,7
Искал дополнительную работу	15,2	14,0	18,0	17,2
Участвовал в реализации продукции предприятия	10,3	10,4	0,0	19,0
Продавал, сворачивал ЛПХ	7,6	8,3	6,0	6,9
Использовал оборудование предприятия в целях дополнительного заработка	5,6	7,8	2,0	1,7
Снизил трудовую нагрузку	5,0	5,2	2,0	6,9
Пытался открыть свой бизнес	3,6	4,1	2,0	3,4
Ушел с дополнительной работы	2,0	2,1	4,0	0,0
<i>Ничего специально не предпринимал</i>	13,2	15,5	10,0	8,6

ративном порядке (путем перехода на условия неполной занятости), так и в скрытой форме.

В годы реформ семейное крестьянское хозяйство стало для наемных работников столь же важным источником доходов, как и заработная плата: от 77 до 88% респондентов по разным оценкам имели такие доходы в 2002 г., в 1992 г. их было в 1,5 раза меньше. В настоящее время семейное подворье дает большинству владельцев незначительный доход, но позволяет семье выжить (60% ответов), и только чуть более трети получают значительный дополнительный доход. Около половины респондентов (43%) являются владельцами высокотоварных хозяйств, они продают на рынке половину и более выращенной сельхозпродукции. В среднем доходы от семейного подворья составляют в семейном бюджете сельских работников свыше 40% от совокупных доходов.

При длительных задержках заработной платы около половины сельских работников живут главным образом за счет семейного хозяйства. Лишь 20% респондентов, оказавшихся в такой ситуации, добиваются выплаты заработной платы, обращаясь к директору, в администрацию предприятия. Но надо признать, что даже активные обращения к работодателю, как правило, не заканчивались убедительной победой работника. Чаще всего они вели лишь к частичным уступкам в виде расчетов в натуральной форме, в том числе покупок продуктов в магазине предприятия «под зарплату». Только 5% опрошенных активно искали дополнительную работу.

В сравнении с ведением семейного хозяйства масштабы другой дополнительной занятости относительно невелики, в нее вовлечены только 13% наемных работников. Дополнительная занятость связана главным образом с неформальными видами обслуживания: выполнением сельскохозяйствен-

ных (обработка земли и сбор урожая) и строительных работ, ремонтом и пошивом одежды и обуви, заготовкой топлива, сбором и обработкой грибов и ягод, оказанием транспортных услуг. Такая занятость имеет в основном разовый характер (в половине случаев), реже — сезонный или временный (по 1/3 случаев) и приносит работникам пятую часть всех доходов. Специфика сельского рынка труда, где положение наемного работника крайне неустойчиво и незащищено, нашла свое отражение в выборе респондентами предпочтительных сфер занятости. Только 38% опрошенных пожелали остаться наемными работниками, почти половина всех респондентов хотели бы иметь собственное дело, но заниматься исключительно семейным хозяйством согласились бы только 6% респондентов.

В отличие от самих сельских работников эксперты дали сравнительно низкую оценку активности первых на рынке труда: почти 2/3 из них отметили, что население ведет себя в основном пассивно, и лишь около 1/3 оценили эту активность как среднюю. По результатам сравнительного анализа стратегий поведения горожан и селян на рынке труда сельские наемные работники реже повышали свое образование, требовали увеличения заработной платы, искали работу в соответствии с квалификацией и реализовывали другие конструктивные и инновационные стратегии. Среди них больше тех, кто ведет себя на рынке труда пассивно, не предпринимая специально никаких действий для улучшения своего положения (13 и 20%, по разным оценкам, против 9 и 14% среди горожан).

Социально-экономическое положение сельских наемных работников (их доходы и материальное положение, статус занятости, уровень образования и квалификации, отраслевая принадлежность занятия и др.) является в настоящее время ведущим фактором их актив-

ности на рынке труда. Так, например, наиболее важным в трудовой деятельности респонденты считают размер заработной платы (почти 90% ответов) и регулярность ее выплаты (77%). От 30 до 40% респондентов отметили условия и режим труда, а также немногочисленные социальные льготы, предоставляемые работникам на предприятии (жилье, льготное питание и др.). Для каждого пятого сельского работника большую роль играет социально-психологический климат в трудовом коллективе.

Кроме социально-экономического фактора на активность на сельском рынке труда значительно влияют социально-демографические (пол, возраст и здоровье) и территориальные характеристики положения населения (функциональный статус села как места жительства, его людность, близость к городам).

Наиболее выигрышное положение на рынке труда занимают в настоящее время представители среднего трудоспособного возраста, получатели средних по размерам доходов, жители крупных сел (преимущественно районных центров) и урбанизированных районов, занятые предпринимательством и торговлей, мужчины, квалифицированные работники с высшим и преимущественно средним профессиональным образованием. Эти группы отнесены экспертами к наиболее активным на рынке труда.

Современное положение на рынке труда вызывает у большинства сельских наемных работников напряжение, беспокойство, неуверенность в своем будущем и будущем своих детей. На это указало более 70% респондентов, в том числе 13% — ощущали на момент опроса сильное напряжение, отсутствие какой бы то ни было перспективы, находились «на грани нервного срыва». И каждый десятый в таких условиях оставался равнодушным, испытывал апатию ко всему. Негативные состояния и ощущения наиболее остро переживала

1/4 наемных работников, сталкивающихся с проблемами крайне низкой оплаты труда, ее значительных задержек и выплат в натуральной форме и резко оценивающих несправедливость этой ситуации.

Анализ основных характеристик сельских наемных работников, находящихся в неблагополучном социально-экономическом и психосоциальном положении (в состоянии напряжения либо, напротив, апатии, равнодушия ко всему), показал, что в их число вошли преимущественно занятые в сельском хозяйстве представители старшего трудоспособного возраста (старше 50 лет), неквалифицированные работники (часто без профессионального образования), длительно или постоянно безработные, женщины, жители небольших периферийных сел, а также злоупотребляющие алкоголем. Для таких категорий работников характерны проигрышные позиции на рынке труда, и именно они являются основными группами риска бедности. Кроме того, выделенные категории работников часто не способны решить проблемы своей занятости и доходов самостоятельно, без помощи государства и коллективной взаимопомощи со стороны односельчан.

В целом результаты анализа свидетельствуют о крайне неблагополучном социально-экономическом положении сельских наемных работников на рынке труда, массовых нарушениях их социально-трудовых прав, что в конечном счете приводит к разрушению трудовой мотивации и формирует высокий уровень бедности. Масштабы проявления большинства негативных процессов на сельском рынке труда, связанные главным образом с сельскохозяйственным трудом, намного значительнее, чем в городе, и постоянно увеличиваются.

Если оставить село без внимания со стороны государства, не проводить особой политики по отношению к сельским сообществам, то развитие этих

процессов может привести к дальнейшему распространению неправовых трудовых практик, а также к катастрофическим масштабам социального расслоения, обнищания и люмпенизации сельского населения, к снижению экономической активности и декартизации рабочей силы на фоне роста батрачества, преступности, алкоголизма и наркомании. Общество разобьется на подавляющее большинство тех, кто вынужден будет выживать за счет семейного крестьянского хозяйства, и малочисленную группу тех, то будет занят частным (зачастую теневым) бизнесом. В результате многие деструктивные стратегии поведения сельские мигранты перенесут в города.

Учитывая современное неблагоприятное положение наемных работников на сельском рынке труда и его последствия, в социально-экономической политике помимо традиционного набора мер, связанных как с прямой денежной и натуральной помощью, так и с уже зарекомендовавшими себя экономическими и социальными практиками защиты и включения работников в активную экономическую деятельность, настоятельно необходимо шире использовать сравнительно новые технологии регулирования сельского рынка труда. Для этого необходимо перейти от преимущественно пассивных политик занятости к активным. Кроме того, особое внимание требуется уделить развитию социального партнерства и инновационных механизмов, активной адаптации наемных работников в реальной экономике, формированию у них стратегии защиты собственных интересов. Одним из таких направлений социально-экономической политики должно стать создание условий для развития сельских сообществ на основе стратегии коллективной взаимопомощи и выживания с использованием технологий самоорганизации сельских жителей.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Калугина З.И.* Сельский рынок труда в современной России // Регион: экономика и социология. 2004. № 1. С. 145–168; *Сергиенко А.М.* Экономическая активность населения на рынке труда и социальная политика России: трансформационные процессы на рубеже XX–XXI вв. Барнаул: Аз Бука, 2003; *Сергиенко А.М., Калугина З.И., Родионова Л.В., Фадеева О.П. и др.* Экономическое поведение населения и социальные эксклюзии на сельском рынке труда // Социальная политика: реалии XXI века. М.: Поматур, 2004. С. 160–196; Социальная многоликость Сибири в период общественных перемен / Под ред. З.И. Калугиной. Новосибирск, 2003; *Фадеева О.П.* Западно-сибирское село: иллюзии экономического роста и реалии занятости // Отечественные записки. 2004. № 1. С. 359–368.
2. *Калугина З.И.* Сельский рынок труда в современной России // Регион: экономика и социология. 2004. № 1; *Сергиенко А.М., Калугина З.И., Родионова Л.В., Фадеева О.П. и др.* Экономическое поведение населения и социальные эксклюзии на сельском рынке труда; Социальная многоликость Сибири в период общественных перемен / Под ред. З.И. Калугиной; *Фадеева О.П.* Западно-сибирское село: иллюзии экономического роста и реалии занятости // Отечественные записки. 2004. № 1. С. 359–368; Рефлексивное крестьяноведение: Десятилетие исследований сельской России / Под ред. Т. Шанина, А. Никулина, В. Данилова. М.: МВШСЭН, РОССПЭН, 2002.
3. *Сергиенко А.М.* Экономическая активность населения на рынке труда и социальная политика России: трансформационные процессы на рубеже XX–XXI вв. Барнаул: Аз-Бука, 2003.

© 2005 г.
Л.В. РОДИОНОВА

ТРУДОВЫЕ МИГРАЦИИ ГОРОЖАН В ГОДЫ РЕФОРМ

В период либерального реформирования трудовые миграции подверглись заметной трансформации. Изменились их масштабы, интенсивность, направления и механизмы, появились новые виды и формы, сформировались специфические модели миграционного поведения, существенно возросло их влияние на многие стороны жизни общества, семьи и отдельных людей. Однако современные миграционные процессы, связанные с работой, недостаточно изучены и слабо управляемы. На ликвидацию «белых пятен» в данной области был направлен проект «Трудовая миграция и ее влияние на образ жизни городского населения в странах СНГ», осуществленный Независимым исследовательским Советом по миграции стран СНГ и Балтии под руководством Ж.А. Зайончковской при финансовой поддержке фондов Макартуров и Форда.

В статье представлены результаты исследования, проведенного в рамках этого проекта в Барнауле. Хотелось описать черты социального портрета изучаемой группы мигрантов; оценить масштабы, направления и эффективность трудовых миграций; выявить стратегии поведения трудовых мигрантов и факторы, их определяющие; обозначить проблемы, с которыми сталкиваются лица, работающие на выезде и возможные пути их решения. Информационной базой анализа послужили данные телефонного опроса 522 домохозяйств, отобранных с помощью генератора случайных чисел, в

ходе которого было выявлено и опрошено по краткой анкете 57 мигранта из 53 домохозяйств, и опроса 116 трудовых мигрантов по углубленной анкете, занимавшихся в 1992–2000 гг. работой на выезде и выявленных методом «снежного кома».

Распространенность поездок и социально-экономические характеристики трудовых мигрантов. В 10% представителей опрошенных домохозяйств Барнаула имелись лица, занятые работой на выезде. В основном это главы домохозяйств. Среди опрошенных мигрантов 60% составляли мужчины и 40% женщины, две трети из них состояло в браке. В возрастной структуре преобладали лица в младшем и среднем трудоспособном возрасте (до 45 лет), их доля составляла 87%. Изучаемая категория населения отличалась повышенным по сравнению со среднегородским уровнем образования, 73% трудовых мигрантов имели на момент опроса высшее и среднее профессиональное образование, в том числе более 40% — высшее. Занятие (работу, учебу) по постоянному месту жительства имели 84% респондентов. Профессиональный состав лиц, работающих на выезде, характеризовался значительным разнообразием и включал 47 профессий. Среди них преобладали продавцы, водители, предприниматели, преподаватели, инженеры, строители (удельный вес этих профессиональных групп варьировал от 5 до 14%), доля бухгалтеров, экономистов и военнослужащих равнялась от 1 до 5% и менее одного процента со-

ставляли летчики, психологи, охранники, дизайнеры, музыканты, судебные приставы, государственные служащие и другие. Сам факт вовлеченности в трудовые миграции свидетельствовал о высокой экономической активности ее участников.

Уровень материального благосостояния подавляющего большинства трудовых мигрантов был весьма высок. Они имели благоустроенное жилье, дачи, все необходимые в быту современные товары длительного пользования, хорошо одевались и питались. Две трети респондентов владели автомобилем (иногда не одним), 75% — видеомагнитофоном, более 50% — автоматической стиральной машиной и морозильной камерой, треть — компьютером, сотовым телефоном, микроволновой печью. Примерно у половины трудовых мигрантов была полностью решена жилищная проблема, а 16% респондентов заявили, что они и члены их семей «имеют практически все, что хотели бы иметь». Вместе с тем примерно 5% опрошенных отметили, что их семьи живут за гранью бедности и «работа на выезде позволяет им хоть как-то сводить концы с концами».

Как правило, семьи трудовых мигрантов располагали не одним источником доходов, однако в структуре доходов работа на выезде занимала первое место. Далее в порядке убывания значимости находились собственный бизнес, работа на государственных и частных предприятиях, занятость в кооперативах и личных подсобных хозяйствах по месту постоянного проживания.

География поездок и основные сферы занятости трудовых мигрантов. География поездок с целью заработка весьма обширна. Это города и сельские населенные пункты Алтайского края, Сибири и Дальнего Востока, европейской части России, страны ближнего и дальнего зарубежья, расположенные в Азии, Европе и Северной Америке. Бо-

лее 60% трудовых миграций было ориентировано на внутрисоссийское пространство, при этом максимальной притягательной силой для барнаульцев обладали Новосибирская и Кемеровская области. Из зарубежных стран наибольшей популярностью у трудовых мигрантов пользовались Китай, Турция, Германия, Казахстан, Греция и Польша — на них приходилось почти 2/3 всех заграничных поездок на работу. Пространственное распределение трудовых потоков во многом зависело от вида деятельности мигрантов и в свою очередь определяло частоту, длительность и способ организации поездок с целью заработка.

Основными сферами приложения труда мигрантов являлись: челночная торговля, работа по найму на государственном или частном предприятии, оказание услуг частным лицам, ремонт квартир и строительство дач, домов в индивидуальном порядке.

В начале 1990-х гг. «челноки» буквально спасли потребительский рынок России². В условиях острейшего дефицита отечественных товаров они обеспечили население дешевыми одеждой, обувью, продуктами бытовой химии, посудой, другими товарами, преимущественно китайского или турецкого происхождения. Сегодня, когда рынок относительно насытился, стал более разнообразным и дифференцированным, значительная часть населения, по-прежнему, предпочитает покупать основные потребительские товары на рынках у лиц, занятых челночным бизнесом в силу дешевизны предлагаемых ими товаров. В отсталых и депрессивных регионах, где наблюдается повышенная концентрация бедности и к каковому относится Алтайский край, роль «челноков» в удовлетворении потребительского спроса населения остается наиболее существенной.

В Барнауле закупкой или реализацией товаров в других городах и селах РФ

или других странах занималось около 50% опрошенных. География коммерческих поездок характеризовалась наибольшим многообразием по сравнению с другими видами трудовых миграций, однако более 60% этих поездок было связано с Новосибирском. Средняя продолжительность занятости челночным бизнесом — 5,7 года, затраты времени на одну поездку — 2,3 суток, число поездок в месяц, совершаемых одним человеком, — 1,6. При этом размах вариации анализируемых показателей составил 11 лет, 13 суток, 3,9 поездок соответственно; наиболее распространенная периодичность поездок — 2 раза в месяц. Большинство «челноков» (от 53 до 72%) выезжали за товаром в одиночку, закупами товар оптом, а продавали в розницу, имели постоянных поставщиков и покупателей, доставляли товар преимущественно автомобильным транспортом и реализовали его в своем городе на рынке, чаще всего самостоятельно, иногда с помощью родственников. Собственный магазин или киоск имело 18% респондентов и примерно столько же прибегало к услугам наемных работников при реализации товара.

Челночный бизнес способствовал формированию предпринимательских качеств у значительной части россиян, первоначальному накоплению капитала и становлению частнокапиталистического уклада в экономике. Работой по найму было занято немногим более 40% респондентов. В основном они работали в сфере услуг, на промышленных предприятиях, в торговых, строительных и транспортных организациях. Виды деятельности этой категории мигрантов были весьма разнообразны. Назовем некоторые из них: грузоперевозки, добыча нефти, ремонт мостов, штукатурно-малярные и электромонтажные работы, установка витрин, закупка и реализация товаров, разработка компьютерных программ, чтение лекций,

проведение психологических тренингов, выступление с концертами, организация туристических поездок, работа в кафе и ресторанах.

Более половины респондентов работали на выезде по специальности. У 50% работающих не по специальности выполняемая работа соответствовала уровню их образования, знаниям, опыту; примерно у 40% требовалась меньшей квалификации и у 10% — более высокой квалификации. Работа на выезде по найму не отличалась стабильностью. За время выездной занятости каждые пять из десяти работников сменили место работы не менее четырех раз. Такое «непостоянство» обусловлено как спецификой отдельных видов трудовой деятельности, так и многими другими причинами, в частности, неудовлетворительными отношениями в коллективе, желанием поработать за границей.

Уровень социальной защиты рассматриваемой категории граждан был крайне низок. Это проявлялось в неисполнении и нарушении трудового законодательства со стороны работодателей, отсутствии эффективных механизмов контроля за их действиями, распространении теневых трудовых отношений. Результатом подобных нарушений зачастую являлось бесправное положение наемных работников и отсутствие у них гарантий в таких сферах, как оплата и условия труда, режим работы, процедуры увольнения. Как правило, эти работники не имели оплачиваемых отпусков, больничных листов, бесплатных медицинских услуг, путевок и т. п.

На выезде наемные работники в основном жили без семьи и общались с близкими только по телефону. Фактически семьи оказывались разделенными на длительное время, и некоторые из них не выдерживали подобных испытаний: примерно у 6% респондентов семья распалась.

Ремонт и строительством квартир, дач и домов в индивидуальном по-

рядке было занято 8% опрошенных. Эта категория работников отличалась надежной деловой репутацией и характеризовалась высокой квалификацией, безукоризненной дисциплиной, добросовестностью, желанием и способностью трудиться весь световой день и без выходных, трезвостью, неприхотливостью в быту. Более 80% из них имели сезонный характер занятости, выезжали на работу с бригадой и проживали там у родных и знакомых, без семьи, работу находили через родственников и друзей, объявления о своих услугах давали крайне редко. В отличие от других категорий трудовых мигрантов ареал занятости строителей был ограничен в основном пределами Алтайского края. За рассматриваемый период только один человек выезжал на работу в Новосибирск и один — в Канаду.

Мотивация трудовых миграций. Среди мотивов, побудивших трудовых мигрантов искать работу за пределами своего города, доминировали социально-экономические. Для подавляющего числа опрошенных приход в сферу выездной занятости носил вынужденный характер и был обусловлен различными неблагоприятными обстоятельствами: «закрылось предприятие», «уволили с работы», «не смог найти работу в своем городе», «очень низкая зарплата на работе по месту жительства», «многочисленные задержки заработной платы». Негативные последствия проводимых социально-экономических реформ послужили главной причиной поиска альтернативной сферы занятости и новых источников доходов. Другая группа мигрантов стала заниматься работой на выезде по доброй воле с целью «реализовать свой профессиональный и деловой потенциал», «попробовать себя в другом деле», «хорошо заработать и обеспечить достойную жизнь для себя и своих близких». Негативная мотивация была характерна примерно для 60% респондентов, пози-

тивная — для 40%. Последнюю группу можно охарактеризовать как наиболее преуспевающую, в иерархии по материальному благосостоянию ее представители, как правило, занимали более высокие позиции.

Проблемы, риски, препятствия. В интервью трудовые мигранты назвали около пятидесяти проблем, с которыми они сталкивались в своей выездной деятельности. Их можно дифференцировать по разным основаниям: степени обобщения, масштабам распространения, продолжительности действия, характеру проявления, причинам возникновения и возможностям разрешения. Более подробно опишем проблемы, общие для многих категорий трудовых мигрантов и получившие наиболее массовое распространение.

Проблемы взаимодействия с государственными и местными органами управления. С подобными проблемами столкнулись 32% опрошенных. Они касались оформления документов, регистрации, таможенного и паспортного контроля, различного рода административных ограничений, необоснованных претензий со стороны милиции и госавтоинспекции. Приведем отдельные характерные высказывания трудовых мигрантов по поводу этих проблем.

- «Огромные очереди в паспортной службе, и слишком много времени требуется на оформление временной прописки по месту работы и временной выписки по месту постоянного жительства».
- «Надоели постоянные проверки документов, обыски на наличие наркотиков».
- «Часто задерживают товар на таможне, а товар скоропортящийся».
- «Местная администрация не разрешает ставить палатку в более людных местах».
- «Долго визу оформляю, не успеешь оглянуться, а срок ее действия уже закончился».

Организационно-экономические проблемы составляли одну из самых многочисленных групп и затронули почти половину мигрантов. Они были связаны с несовершенством хозяйственного механизма, высокими издержками, различного рода организационными неувязками, низким уровнем жизни населения, нарушением принципов организации заработной платы, вынужденным несоблюдением законов трудовыми мигрантами и распространением теневых экономических отношений в рассматриваемой сфере.

Дисфункции хозяйственного механизма проявлялись в нестабильности налогового законодательства, большом количестве налогов, высоком уровне налоговых ставок и таможенных сборов, недоступности кредитов, несовершенстве хозяйственного учета и провоцировали нарушение законов со стороны трудовых мигрантов. Высокие издержки касались прежде всего транспортных расходов, арендной платы, закупочных цен. Несоответствие уровня заработной платы стоимости рабочей силы вело к сокращению доходов от выездной работы либо непосредственно, либо через снижение покупательной способности населения. Необустроенность рабочих и торговых мест, складских помещений, отсутствие грузчиков, неувязки с предоставлением контейнеров и доставкой грузов, простои из-за отсутствия строительных материалов также значительно осложняли жизнь трудовых мигрантов.

Представим отдельные мнения, суждения и оценки трудовых мигрантов относительно экономических проблем.

- «Не успеешь приспособиться к одним налогам, появляются другие».
- «Если платить все налоги, работа будет себе в убыток».
- «Из-за высоких госпошлин идем на нарушение законов и товар декларируем лишь частично».

- «Кредиты можно получить только под двойной-тройной залог, поэтому стараемся рассчитывать главным образом на себя и собственные средства».

- «Оплату производят не в полном объеме и по частям».

- «Из-за отсутствия денег у населения довольно часто реализую товар под заработную плату, затем возникают проблемы со сбором денег».

Тяжелые условия труда и быта, отсутствие социальных гарантий. Воздействию этих проблем подверглось свыше 40% опрошенных. Они проявлялись в высокой интенсивности труда, ненормируемом рабочем дне и работе без выходных дней; отсутствии, высокой арендной плате или неблагоустроенности жилья, его значительной удаленности от места работы; дорогим и некачественным питанием; отсутствии медицинского и пенсионного страхования. Вот как звучат некоторые из перечисленных выше проблем в интерпретации самих мигрантов.

- «Работаем по 12–16 часов в сутки, практически без выходных».

- «Бытовые условия неважные: жилье холодное, вода отсутствует, электроплиты сломаны».

- «Спим в машине, умываемся из канистры, едим всухомятку».

- «Медпомощь практически отсутствует, приходится пользоваться только платными медицинскими услугами».

Рэкет и другая преступность. Трудовые мигранты, особенно занятые челночным бизнесом, довольно часто сталкивались с рэкетом, воровством, поборами со стороны местных чиновников, подвергались разбойным нападениям. На проблемы такого рода указали 17% опрошенных. Обращаться за помощью в милицию, по мнению респондентов, не имело смысла, поскольку многие ее представители сами занимаются вымогательством. Приведем

наиболее яркие высказывания трудовых мигрантов по этому поводу.

- «Из-за бандитизма на дорогах опасно перевозить и товар, и деньги, в одну из поездок обстреляли автобус».
- «Без взятки невозможно оформить ни одной бумажки».
- «Милиция придирается без причин, лишь бы что-то с тебя стясти».
- «Местная милиция — это местный рэкет».

Проблемы личного характера испытали на себе 65% опрошенных. В большей степени они затронули женщин, занятых челночной торговлей. Эти проблемы были обусловлены сверхзанятостью трудовых мигрантов, значительными физическими и психическими перегрузками, частыми разлуками с близкими. Выражались они в ухудшении здоровья и взаимоотношений в семьях мигрантов, распаде их семей, алкоголизме мужей (жен), дефиците времени на воспитание детей и общение с родными.

Глубинные причины возникновения подавляющего большинства рассмотренных проблем носят системный характер, и их решение связано с преодолением коррупции в государственных и местных органах управления, совершенствованием хозяйственного механизма, ускоренным развитием инфраструктурных отраслей, обустройством российских границ, ограничением теневых экономических отношений.

Эффективность и социально-экономические последствия трудовых миграций. С точки зрения большинства социальных критериев работа на выезде эффективна как для самих трудовых мигрантов и их семей, так и для общества в целом. Трудовые миграции обеспечили занятость значимой доли граждан (по нашей оценке — около 8% экономически активного населения, включая занятость на сопряженных рабочих местах). Тем самым они способ-

ствовали сохранению или увеличению их доходов, преодолению бедности, снижению напряженности на рынке труда, сокращению социальной нагрузки на государственные и местные органы управления, расширению возможностей для оказания помощи социально уязвимым группам населения. Здесь действует принцип взаимозаменяемости: чем больше число лиц, способных самостоятельно обеспечить достойное существование себе и своим близким, тем меньше число нуждающихся в прямой государственной поддержке и тем на большую помощь последние могут рассчитывать.

Около 70% респондентов отметили улучшение благосостояния своих семей в результате работы на выезде. С помощью выездных заработков большинству удалось обеспечить своим семьям качественное питание, покупку хорошей одежды, улучшить жилищные условия, открыть или расширить собственный бизнес, приобрести дорогостоящие товары (автомобили, мебель, бытовую радио- и электротехнику и т. д.), оказать материальную помощь родителям и взрослым детям, выезжать отдыхать за границу и на хорошие курорты России, обеспечить качественное медицинское обслуживание, оплачивать обучение детей. При этом наибольших успехов добились лица с достижительной мотивацией.

Позитивный характер изменений в материальном положении большинства мигрантов в рассматриваемый период на фоне преимущественно негативных общегородских, региональных и российских тенденций в данной области показывает, что эта категория граждан в основном успешно адаптировалась к новым экономическим условиям, нашла свою нишу и способ не только сохранить привычный уровень благосостояния, но и существенно его повысить.

Наряду с решением материальных и денежных проблем работа на выезде

дала возможность этой социальной группе повидать мир, побывать во многих странах, попробовать себя в новом деле, приобрести хороший деловой опыт, обрести самостоятельность и независимость. Благодаря доходам от выездной деятельности каждый седьмой респондент открыл или расширил собственный бизнес. Кроме того, эти миграции выступили одним из механизмов интеграции России в международный рынок труда, развития межрегиональных и межстрановых социально-экономических и культурных связей, формирования новых социальных сетей и способствовали сохранению потребительского рынка и относительной стабильности в обществе.

Выездная деятельность носила преимущественно теневой характер, о чем косвенно свидетельствовали отсутствие лицензии на право заниматься работой на выезде (характерно для 42% опрошенных), оформления на работу по устной договоренности (46%), отсутствия регистрации по месту выездной работы (63%) и обязательных социальных гарантий со стороны работодателей (медицинского и пенсионного страхования, оплачиваемого отпуска и т. д. — 74–88%), участие в этой работе государственных служащих. Распространение теневых экономических отношений вело, с одной стороны, к ущемлению социально-трудовых прав трудовых мигрантов и сокращению налоговых поступлений в бюджеты всех уровней и во внебюджетные фонды, а, с другой, — к относительно высоким доходам, обеспечивающим повышенный уровень и качество жизни большей части занятых работой на выезде.

Среди других отрицательных последствий этой специфической занятости можно выделить ухудшение здоровья (отметили 30% опрошенных), дефицит времени на воспитание детей (20%), напряженность в семейных отноше-

ях (18%). Субъективные оценки выездной занятости преимущественно положительные. Лишь один респондент выказал сожаление о том, что стал заниматься такой работой.

В целом «мигрантская жизнь» устраивала 80% респондентов, главным образом благодаря относительно высоким и стабильным заработкам.

Планы и перспективы. Субъективные оценки перспектив развития трудовых миграций не столь однозначны: 14% респондентов к моменту опроса уже прекратили заниматься этим видом деятельности, еще примерно 5% собирались оставить выездную работу в ближайшее время, 22% опрошенных с дальнейшими перспективами не определились и около 55% заявили, что будут заниматься работой на выезде при любых обстоятельствах. При этом из первой группы почти половина опрошенных планировала вновь вернуться к выездной трудовой деятельности, поскольку найти подходящую работу по месту постоянного проживания они не смогли.

Несмотря на довольно оптимистичные прогнозы относительно участия в трудовых миграциях, жизнь вносит в эти процессы свои коррективы, усиливается конкуренция со стороны крупного бизнеса. Ужесточается государственный контроль за деятельностью трудовых мигрантов, не ослабевает коррупционно-бюрократическое давление. Все это не способствует экономической самостоятельности населения и развитию трудовых миграций. Необходимо разработать эффективные механизмы государственного регулирования трудовых миграций и борьбы с негативными явлениями в социально-экономической сфере, синхронизировав их внедрение во времени. Вместе с тем проводимые в настоящее время реформы в социальной сфере, пока только ухудшающие условия жизни большинства россиян, могут выступить своеобразным фак-

тором активизации трудовых миграций.

Итак, результаты исследования показали, что в годы социально-экономических преобразований трудовые миграции стали одной из массовых стратегий активного экономического поведения городского населения (в основном это высокообразованные мужчины и женщины в возрасте до 45 лет, разнообразных профессий, главы домохозяйств). География трудовых поездок отличалась значительным многообразием и охватывала евро-азиатские и североамериканские страны, при этом наибольшей притягательной силой обладали соседние российские регионы. Основными сферами приложения труда мигрантов являлись челночная торговля, строительство, ремонтные работы, сервисные услуги. Работа на выезде стала способом выживания для одних семей, сохранения привычного уровня жизни для других и повышения материального благосостояния — для третьих. Кроме того, трудовые миграции способствовали развитию межрегиональных и международных социально-экономических и культурных связей, сохранению потребительского рынка, снижению напряженности на рынке труда, формированию предпринимательских качеств и становлению частнокапиталистического уклада в экономике. Выездная работа стала способом самореализации и условием экономической безопасности значительной части россиян, фактором, способству-

ющим социальной стабильности в обществе.

Трудовые миграции имеют преимущественно теневой характер и слабо управляемы. Попытки государства усилить степень их управляемости (например, через ужесточение таможенного контроля) ведет к ухудшению экономических условий для занятий работой на выезде и отказу от этого вида деятельности определенной части населения. Важно найти такие механизмы, которые позволяли бы эффективно согласовывать интересы общества и трудовых мигрантов.

ЛИТЕРАТУРА И ПРИМЕЧАНИЯ

1. В четырех других российских городах: Москве, Смоленске, Ставрополе и Иркутске, где также проводилось обследование, доля мигрантских домохозяйств составляла от 8 до 12% (Зайончковская Ж.А. Трудовая миграция: плюсов больше, чем минусов // Человек и труд. 2001. № 11. С. 18–19).
2. Миграционная ситуация в странах СНГ/ под ред. Ж.А. Зайончковской. М., 1999.
3. См. также: Миграция населения. Вып. 2: Трудовая миграция в России. / под ред. О.Д. Воробьевой. М., 2001; Россия-Казахстан: фронтьерские миграции/ под ред. Ж.А. Зайончковской и М.Н. Сдыкова. М., 2002; Трудовая миграция в СНГ: социальные и экономические эффекты/ отв. ред. Ж.А. Зайончковская. М., 2003.

© 2005 г.
И.В. ГНИДЕНКО

ЛАТЕНТНОЕ ВЛИЯНИЕ НА ОРГАНЫ ВЛАСТИ

Скрытое влияние различных социальных сил, этнических групп, теневых фондов и организаций на деятельность органов власти во все времена в большей или меньшей степени было актуальным. Об этом свидетельствуют многие зарубежные хроники, летописи, исторические изыскания российских ученых, труды, посвященные истории масонства (см. труды О. Платонова, А. Солженицына, А. Сенина, А. Прохожева и др.).

В «Двенадцати Цезарях» Светония, а еще ранее в «Политике» Платона было многократно зафиксировано такое социальное явление, как латентное влияние на органы власти различных общественных сил, социальных групп, их отдельных представителей, пользующихся авторитетом в определенных кругах общественности. Основой влияния были, как правило, родственные связи, национальные и финансово-экономические интересы, религиозные верования и политические пристрастия.

Необходимо сразу определить, что мы понимаем под термином «латентное влияние на органы власти» (или власть): это то, что не регулируется действующими нормами закона или прямо этими нормами запрещено. Именно поэтому такое влияние либо не афишируется его акторами, либо в силу каких-либо причин не осознается как таковое. Проблема латентного влияния на современные органы власти мало разработана. Все, что встречается в социологической и политологической

литературе, посвящено либо «политическому влиянию» (в основном самих органов власти), либо влиянию групп давления (их очень часто называют лобби) на органы власти. Термин «латентное влияние на органы власти» подавляющим большинством авторов не используется. Отсутствует он и в специализированных словарях по социологии и политологии.

Косвенно проблемы латентного влияния на органы власти (в основном с акцентом на лоббизм¹) касаются некоторые исследователи. Но эта проблема в их работах не находит должного освещения, многие ее даже не выделяют отдельно, несмотря на ее серьезность и многовековую историю.

О данной проблеме писали М. Вебер, Р. Михельс, Г. Моска, Т. Парсонс, В. Парето. Так, Вебер, говоря о традиционном господстве, отмечал, что оно опирается исключительно на силу традиций, и правитель, который нарушает эти традиции, подвергает опасности законность собственной власти². То есть фактически такой правитель оказывается в зоне латентного влияния обычаев, традиционной практики отношений государства и общества, и ему необходимо их учитывать, чтобы сохранить власть. Такой подход характерен для большинства остальных исследователей: Н. Смелзера, Л. Пай, Г. Алмонда, Г. Пауэла, Р. Дарендорфа, М. Крозье, Э. Геллнера, Дж. Уотербери, Д. Ронга, С. Айзенштадта, Л. Ронигера³, Р. Лемаршана, Л. Грациано, К. Легга, Т. Ригби, Дж. Уоллertonа, Ф. Уильсона, Р. Хар-

рисона и др. Все они отмечали феномен внешнего влияния на органы власти, но никто из них не говорил о феномене *латентного влияния на органы власти*.

Ситуация начала меняться в последнее десятилетие XX в. В России исследователи стали интересоваться подобным феноменом, учитывая зарубежный опыт⁴. Круг авторов, затрагивающих данную проблему, достаточно широк: М. Афанасьев, Л. Бабаева, И. Бунин, В. Гимпельсон, Г. Дилигенский, А. Зудин, В. Кабалина, А. Кара-Мурза, Н. Кисовская, И. Клямкин, В. Колосов, О. Крыштановская, В. Лапаева, Ю. Левада, А. Магомедов, А. Мухин, А. Салмин, Е. Охотский, А. Панарин, В. Разуваев, В. Стрелецкий, М. Чешков, Е. Шестопапал и др.

Например, Алексей Мухин в своей книге «Бизнес-элиты и государственная власть»⁵ рассказывает (именно рассказывает, а не создает социологическую теорию) о современных механизмах влияния и лоббирования, применяющихся в России. В книге не говорится о том, что это влияние носит латентный характер. Оно определяется как способность крупной коммерческой компании с помощью своих экономических возможностей добиваться выгод или преимуществ, закрепленных властными решениями (законами, указами и т. п.). Мухин выделяет несколько форм такого влияния: «откровенный» лоббизм за денежное вознаграждение; лоббизм за вознаграждение в виде совместного владения коммерческими структурами (или опосредованного владения коммерческими структурами и т. п.); совместная деятельность государственных чиновников и представителей крупного капитала (например, помощь в проведении переговоров с зарубежными партнерами, предложение услуг той или иной компании в нужное время и в нужном месте и т. п.). Автор книги отмечает, что

последний вид совместной деятельности имеет наибольшее распространение [там же, с. 26–27]. Вместе с тем речь шла о «полулегальных видах сотрудничества» и «криминальной деятельности».

Несколько иначе воспринимает ситуацию М.Н. Афанасьев. Он считает, что большое влияние на современный российский госаппарат имеют «теневые» (т. е. латентные) факторы. К ним он относит семейно-родственные связи; земляческие связи; связи однокашников (выпускников одного ВУЗа); отношения личной преданности и покровительства⁶. Свою точку зрения Афанасьев подкрепляет результатами специального исследования⁷, которое позволило выявить такую особенность: «чем больше стаж работы госслужащих, тем с большей уверенностью они говорят о распространении подобных отношений»⁸. И практика показывает, что чем больше у чиновника опыт работы в органах власти, тем большее влияние на его карьеру начинают оказывать связи родства и преданности-покровительства. А действие таких факторов, как исполнительность и квалифицированность, снижается. Кроме выявления самих факторов «теневого» влияния на госаппарат Афанасьев пытается выяснить, как это влияет на «административную среду» (имея в виду карьерный рост чиновников). И приходит к выводу: «служебный рост чиновника зачастую зависит от «внешнего» воздействия, т. е. поддержки той или иной экономической структуры» [там же].

Главной причиной наличия в административной среде неофициальных «теневых» связей автор считает «их укорененность в сознании и психологии чиновников» [там же, с. 73]. Он аргументирует вывод тем, что большая часть чиновников считает, что госаппарат «без таких связей не мог бы нормально работать» или, по крайней мере, что они «заметно влияют на работу» [там же, с. 74].

Нам кажется необходимым точнее разобраться с вопросом, что есть социальное влияние вообще. В самом общем виде его можно определить как фактор, который при прочих равных условиях может изменить поведение индивида в желаемом направлении. Главное существенное различие в понимании влияния и власти состоит в том, что в понятии влияния подчеркивается *момент неопределенности* в отношении вероятности желаемых последствий в случае, когда один субъект осуществляет влияние на другого, в отличие от власти, которая предполагает намного большую степень вероятности в достижении желаемых эффектов⁹.

«Толковый словарь социальных технологий» говорит о «социальном влиянии», «которое понимается как изменение знаний, установок поведения или эмоций человека с помощью действия других индивидов, групп или других общностей. Социальное влияние может быть принудительным (основное средство давления, где возможно наказание за отказ подчиниться); награждающим (средство давления — награда за согласие подчиниться); легитимным (признание законности); информационным и экспертным (основанным на убеждении в компетентности источника социального влияния); референтным (основанным на идентификации объекта социального влияния с его субъектом)¹⁰.

Иногда влияние определяется как «способность человека воздействовать на принятие решений, тот или иной выбор или способ поведения других людей», а влиятельное лицо — как «человек, оказывающий существенное воздействие на принятие ключевых решений в определенной области деятельности»¹¹. Или это — целенаправленное изменение представлений, мнений, поведения личности или группы путем воздействия; одна из форм реализации власти; изменение представле-

ний, мнений, поведения индивидов или группы, происшедшее стихийно под воздействием других людей через механизмы подражания, психического заражения, диффузии культурных образцов и т. п.¹² Далее приводится определение «горизонтально-вертикального влияния», под которым понимается «форма влияния одних индивидов или групп на других в рамках преимущественно одного и того же общественного слоя (горизонтальное) или сверху вниз по ступеням социальной иерархии (вертикальное)» [там же, с. 41].

Влияние — это, как правило, максимально уравновешенный, двусторонний процесс отношений людей. Переход от власти к влиянию, таким образом, означает стремление устранить ту асимметрию взаимодействий, взаимозависимости людей, которая в наибольшей степени присуща властному типу отношений.

Самым предельным выражением власти в этом смысле является власть тирана, диктатора — человека, который по общепринятому пониманию присвоил все средства власти. Недаром одним из главных условий существования тирании является необходимость независимости, отдаленности и отделенности людей власти от масс. Чем ближе стоят они к массам, тем больше опасность того, что из боязни потерять свою власть они начнут подчиняться массам в большей степени, чем массы подчиняются им.

Усиление роли политического влияния в жизни общества предопределяет интерес к механизмам осуществления влияния. В этом отношении большую роль играют политические партии как основное средство связи между обществом и властью. Политические партии — лишь один из механизмов осуществления политического влияния. Наряду с ними большую роль могут играть группы давления, группы интересов, отдельные монополистические объединения и т. д.

Одним из важнейших механизмов, с помощью которого осуществляется политическое влияние и регулируется массовое политическое поведение, являются выборы. Они помогают современным правительствам сохранить свою силу и власть, так как широкое вовлечение масс в избирательные кампании снижает угрозу подрыва существующего порядка. Выборы — в юридическом смысле свидетельство легитимности власти. Однако на деле выборы часто создают иллюзию принятия гражданами политических решений, так как реально они, во-первых, ничего не требуют от избранников, а всего лишь выражают коллективное согласие, во-вторых, избирают только должностных лиц, не принимая непосредственного участия в формировании курса их политической деятельности. Можно утверждать, что в литературе чаще всего нет разделения на публичное и латентное влияние. Хотя последнее очень часто связывают с группами давления (группами интересов, лобби)¹³.

К важнейшим группам давления иногда относят самостоятельные государственные структуры: власть военную и экономическую. Военная власть есть явная и очевидная силовая власть в государстве, которая часто противостоит гражданской власти и потому, несомненно, может оказывать влияние на реализацию властных полномочий. Степень влияния военной власти различна в разных государствах и часто находится в прямой зависимости от степени развития демократических процессов.

Так, в странах со слабо развитыми демократическими структурами, например, в странах Латинской Америки, влияние власти военных на государственную политику очень сильно и проявляется часто в непосредственном физическом воздействии на правящие структуры в форме государственных

переворотов. Понятие военной хунты как влиятельной силы в государстве связывается именно с этими странами. Влияние военных кругов в развитых демократиях также имеет место, но принимает там более цивилизованные формы, известные нам под названием влияния военно-промышленного комплекса¹⁴. Что касается экономической власти, которая в общем остается внешне анонимной и не имеет такого открытого воздействия на властные структуры, как военная, то она часто представляет собой единственную фактическую актуально доминирующую власть в государстве.

Однако чаще под группами влияния лобби понимают специфические демократические институты воздействия паравластных структур на формальные структуры власти в демократически устроенном обществе. Само слово «лобби» появилось в англоязычных странах (до сих пор одни исследователи считают, что это произошло в США, другие же указывают на Великобританию). Буквально оно означает «коридор», т. е. место, где встречаются наиболее активные представители некоторых групп интересов, главным образом производственных или коммерческих. Они часто не входят в состав лиц, обладающих мандатом на власть и оказывающих влияние на принятия правительственных решений.

В США, например, широко известно лоббистское фермерское движение, которое состоит из экспертов в области предоставления субсидий земельным собственникам. Согласно поздним поправкам к федеральному законодательству, изданному в Вашингтоне и носящему название «Лобби-Акт», группы лоббистов обязаны предоставлять Конгрессу США сведения о средствах своего финансирования и давать список «аккредитованных членов», если они хотят быть допущенными в коридоры власти. Таким образом, наше

представление о лоббистских структурах как о теневых или подпольных структурах власти, незаконно оказывающих давление на процессы принятия политических решений, не совсем верно. Лоббистские структуры в развитых демократических обществах *легализованы* и контролируются, составляя неотъемлемую часть их сложных властных структур, процессов влияния и взаимовлияния, обеспечения баланса интересов, взаимозависимости различных социальных сил в обществе. Однако на практике группы влияния нередко не содействуют достижению компромисса и канализации требований своих членов.

На деле нередко возникает ситуация, когда «групповые ассоциации с частичной монополией, усиленные официальным признанием, оказываются склонными совместно с департаментскими бюрократами присваивать право формулировать альтернативные политические решения в рамках их функционального сектора»¹⁵. Сотрудничество между правительством и руководителями заинтересованных групп настолько тесно и постоянно, что весьма трудно провести линию разграничения между их действиями, к тому же оно зачастую вообще осуществляется в обход парламента¹⁶, т. е. никак и никем не регулируется. И мы, соответственно, можем предположить, что подобная практика уже существует и у нас, т. е. подобные контакты могут осуществляться на уровне как российского правительства, так и региона, а также субъекта местного самоуправления.

Группы влияния в общепринятом понимании представляют собой организации, предназначенные для воздействия на власть в направлении, благоприятствующем реализации именно тех интересов, которые эти группы преследуют. При характеристике групп влияния усиленный акцент делается на организационном факторе, и это характер-

но даже для тех случаев, когда речь идет об ассоциациях с очень ограниченной уставной деятельностью, что позволяет выделить несколько типов таких групп.

Во-первых, это группы, деятельность которых осуществляется в форме спонтанного давления (забастовки случайного характера, импровизированные манифестации) или же чисто индивидуальных поступков (публичная голодовка, открытое письмо, самоубийство как протест). При этом группы влияния очень сильно отличаются от чисто политических образований: целью их стратегии является не захват государственной власти, не ее осуществление. Существует одна и та же стратегия формирования интересов. Они должны максимально точно соответствовать требованиям своей реальной или вероятной социальной базы. С другой стороны, они должны помочь этой социальной базе по возможности наиболее полно осознать свои интересы, из чего следует необходимость проведения определенной пропаганды. И, наконец, их третья задача — это иерархизация всех многочисленных требований, выдвинутых их социальной базой, а также выделение приоритетных целей для осуществления давления на общественные власти, стремление оказать на нее давление извне.

Для понимания сущности групп влияния (иногда их называют группы давления или группы интересов) важно осмыслить процесс обретения ими определенных интересов. Первый важный шаг на пути формализации данной конкретной группы влияния состоит в четком формулировании ее требований в политически адекватной форме. В этом отношении очень важно разграничить две категории лобби¹⁷. Первая — это группы влияния широкого профиля. Основа их существования базируется на относительной гомогенности какого-либо одного слоя населения, инте-

рессы которого они намерены по всем спектрам защищать перед лицом администрации. Некоторые из таких групп имеют социоэкономическую базу (например, федерации профсоюзов, ассоциации предпринимателей). С определенной натяжкой к подобным объединениям можно отнести союзы потребителей.

В то же время это лобби имеет социокультурную основу и ориентируется на самые разные социальные слои и группы населения. Таковы различные церковные ассоциации, организации женщин, организации бывших фронтовиков; ассоциации этнокультурных меньшинств, студентов или родителей учеников. Общая черта всех групп широкого профиля состоит в том, что у них доминируют интересы гражданской консолидации действий неправительственных, негосударственных организаций «третьего сектора», защищающих именно гражданские интересы людей.

Вторая крупная категория, которую выделяют при классификации групп давления, — это группы населения со специфическими интересами. Прежде всего следует отметить, что основа их существования не в наличии какой-либо реально существующей социальной базы, а в особом *деле*, во имя которого и организуется определенное действие. Именно это происходит при формировании различных лиг в защиту окружающей среды, животных, движений в защиту узников совести, политических заключенных, забастовщиков и т. д. Во всех этих случаях группа давления формируется на точной и четкой платформе, формализованные интересы которой можно разделить на три основные категории: приобретение экономических благ в форме заработка или других материальных средств; приобщение к процессу принятия решений; получение вознаграждения или поощрения символического типа, т. е.

того, с чем связывается престижность в конкретном обществе (приобретение определенных предметов роскоши, особо ценимых в данном обществе, различных титулов, наград, дипломов, знаков отличия и т. п.).

Эти интересы, однако, выражаются не прямо. Всякая группа, чтобы найти себе союзников среди представителей власти и нейтрализовать противников в сфере общественного мнения, стремится выразить свои личные интересы в терминах общего интереса — прием, который очень близко примыкает к средствам манипулирования общественным сознанием. Так, например, выражая свои требования через средства массовой информации, врачи никогда не будут формулировать их в терминах доходов или прибыли. На первый план они всегда будут выставлять интересы больного. Преподаватели никогда не будут говорить о страхе потерять свою работу, а будут отстаивать необходимость сохранения культурных традиций, повышения уровня образования населения. Одним словом, будут действовать в рамках поддержки общей концепции культуры¹⁸.

В классической социологии латентное влияние так или иначе всегда рассматривалось в связи с процессами стихийной истории, складывающейся в результате социально-классовой, общественной дифференциации, деления общества на социальные институты, социокультурные общности. Здесь группы латентного влияния по существу видятся в традиционном социологическом знании как элементы социальной структуры общества, социальные слои, обладающие специфическими интересами, не совпадающими (или совпадающими частично) с государственными и общественными интересами данного социально-исторического сообщества.

Что касается групп и технологий лоббирования интересов различных социальных слоев, то они в классичес-

кой социологии хорошо известны, признаны естественным явлением демократического общества. При этом грань между легальным и латентным, «теневым» лоббированием далеко не всегда четко определена.

Формирующаяся в конце XX и XXI столетия неклассическая социология обозначает более широкий спектр анализа латентного взаимодействия различных социальных слоев с государственным управлением, более разносторонне определяет подходы к характеристике сущности данного явления в различных социальных флуктуациях, системах, социально-исторических и социокультурных единствах. При этом широко используются современные идеи синергетики, диатропической картины мира, динамики современной социальной культуры, логики нового взаимодействия глобального, национального и регионального, а также общественного, социально-группового и личностного, индивидуального¹⁹. Впрочем, анализ данной проблематики только начат.

ПРИМЕЧАНИЯ И ЛИТЕРАТУРА

1. Например, проблем лоббизма касаются: отечественные социологи в работе «Лоббизм в России: этапы большого пути». М., 1995; Дж. Пейдж в работе *Political authority and bureaucratic power*. Brighton, 1985; *Samuel E. Finer. Anonymous Empire. A Study of the Lobby in Great Britain*. London, 1958; *Meynaud J. Les groupes de pression en France*. Paris, 1958; *Milbrath L. The Washington Lobbyists*. Chicago, 1964.
2. *Weber M. Staatssoziologie*. Berlin, 1956. S. 101.
3. Например, С. Айзенштадт и Л. Ронигер считали, что неформальные персональные связи чиновников и представителей бизнеса (что и есть основа латентного влияния на органы власти) обеспечивают их необходимыми и желаемыми ресурсами. Но в целом их работа посвящена клиентарным отношениям: *Eisenstadt S.N., Roniger L. Patrons, clients and friends. Interpersonal relations and the structure of trust in society*. Cambridge, 1984.
4. Например, статьи Зудина А.Ю. (МЭ и МО, 1996, № 3, 4, 5); Афанасьева М.Н. (опубликованы в журнале «Полис» в 1990-е гг.).
5. *Мухин А.А. Бизнес-элита и государственная власть: Кто владеет Россией на рубеже веков?* М., 2001.
6. *Афанасьев М.Н. Клиентелизм и российская государственность: Исследование клиентарных отношений, их роли в эволюции и упадке прошлых форм российской государственности, их влияния на политические институты и деятельность властвующих групп в современной России*. М., 2000.
7. Весной 1995 г. было опрошено 128 управленцев-слушателей Российской академии государственной службы работавших на главных, ведущих, старших и младших должностях в органах государственной власти и управления 47 регионов, а также в федеральных государственных органах. *Афанасьев М.Н. Государев двор или гражданская служба? (Российское чиновничество на распутье)* // Полис, 1995, № 6. С. 67–80.
8. *Афанасьев М.Н. Государев двор или гражданская служба? (Российское чиновничество на распутье)* // Полис. 1995. № 6. С. 72.
9. *Технология власти (философско-политический анализ)*. М., 1995. С. 27.
10. *Социальные технологии: Толковый словарь / Отв. ред. В.Н. Иванов*. Москва; Белгород, 1995. С. 16–17.
11. *Шмаров А., Полунин Ю. Все влиятельные люди России* // Эксперт. 2000. № 38. С. 51.

12. Социологический энциклопедический словарь. На русском, английском, немецком, французском и чешском языках. М., 1998. С. 41.
13. Политология: Энциклопедический словарь / Общ. Ред. и сост.: Ю.И. Аверьянов. М., 1993. С. 80–82, 159–160.
14. Технология власти (философско-политический анализ). С. 91–96.
15. *Harrison R.J.* Pluralism and corporatism: the political evolution of modern democracies. L., 1980. P. 23.
16. *Wilson Ph.* Reagan and the republican revival // *Commentary*. N.Y., 1980. Vol. 70. № 4. P. 30.
17. А.Ю. Зудин, например, подразделяет группы давления на отраслевые и территориальные, в основе которых лежат бизнес-структуры (См., например, Зудин А.Ю. Россия: бизнес и политика (стратегии власти с группами давления) // МЭ и МО, 1996, № 5. С. 17–25).
18. Технология власти (философско-политический анализ). С. 100–105.
19. *Субетто А.И.* Синергетика. М., 1994; *Григорьев С.И., Субетто А.И.* Основы неклассической социологии. М., 1999; *Немировский В.Г.* Универсальная теория социального развития российского общества. Красноярск, 2002; *Социология жизненных сил человека: от метафоры к концепции* / Ред. С.И. Григорьев, Л.Д. Демина. М., 1999.

© 2005 г.
А.Н. ДОМАШЕВ

ИСТОКИ ПАТРИОТИЧЕСКОГО РОССИЙСКОГО ДВИЖЕНИЯ

Рассмотрение истоков национально-патриотического движения в России продиктовано особенностями современного состояния этого движения. С одной стороны, сегодня мы наблюдаем значительный подъем национального самосознания, с другой стороны, — определенный организационный хаос. Проблема состоит в том, чтобы спрогнозировать развертывание двух названных моментов: насколько мощно и последовательно будет развиваться национальное самосознание в русской культуре и какую форму политической и концептуальной реализации оно примет.

Национально-патриотическое движение стало заметным со времен перестройки как одна из альтернатив постперестроечного развития России. Однако началось это движение гораздо раньше, его идеологические предпосылки формировались уже давно. Можно выделить следующие формы реализации социокультурного содержания патриотического движения в истории России.

В качестве самостоятельной формы патриотического движения выступает национально-освободительное движение русского народа против иностранных интервентов в начале XVII в. Оно возникло в ответ на угрозу захвата русского престола польским королевичем Владиславом в начале 1611 г. Патриарх Гермоген обратился с призывом вступить в борьбу с поляками-интервентами. Движение разворачивалось в условиях кризиса верховной власти в лице

«Семибоярщины». Первое ополчение возглавил рязанский воевода П.П. Ляпунов, который выдвинул идею «Борьбы за Веру и Отечество против ненавистных поляков». Его призыв нашел отклик среди казаков России. Наиболее активными участниками движения были тульский атаман И.М. Заруцкий и суздальский атаман А. Просовецкий. Под знамена первого ополчения собрались представители городов, бывшие «тушинцы» и вольные казаки. Все они поклялись «...стоять за один, быть в любви и братстве и до конца бороться за общее дело — освобождение столицы и изгнание интервентов». 6 апреля 1611 г. Москва была освобождена, в руках боярского правительства и поляков оставались Китай-город и Кремль. Но первое ополчение не смогло решить главной задачи — полностью освободить страну от интервентов. Ответом на сохранявшуюся угрозу порабощения стало формирование второго ополчения во главе с князем Д.М. Пожарским и купцом К. Мининым. В апреле 1612 г. было сформировано временное правительство — «Совет всей земли». В результате военных действий 26 октября 1612 г. штурмом был взят последний оплот интервентов — Кремль.

Смутное время показало русским людям, что созданное московскими князьями единое государство необходимо и им. Когда на чашу весов была поставлена сама судьба Московского царства — облик этого царства восторжествовал в умах и сердцах русских людей над стремлениями «себе полег-

чить». Спас государство лишь мощный патриотический подъем всех здоровых сил общества. Из аморфной толпы, которая сначала покорно ходила в Новодевичий монастырь «умолять Бориса Годунова стать царем», потом, по подсказке Василия Шуйского, громила родственников и друзей Марины Мнишек и, наконец, свергла и самого Шуйского, русские люди в ходе Смуты превратились в русский народ, осознавший свою ответственность за судьбу Родины. Неслучайно ополчения получили эпитет народных. Они были созданы благодаря инициативе «снизу» и ставили целью не захват власти для своих руководителей, а очищение страны от интервентов и восстановление прежнего способа управления государством.

В Смуту резко возросло самосознание русского народа. Люди уяснили, что являются не просто подданными царя, а гражданами Отечества и должны защищать не владения господина, а свою Родину, свой дом, своих детей, жен и матерей. Понятие патриотизма входит в сознание самых широких общественных слоев, способствуя формированию гражданского общества.

В середине XVIII в. патриотическое движение приобретает форму антинорманнской идеологии. «Норманнская теория» — версия варяжского происхождения государственности Руси, изначальной несамостоятельности Руси и России. Это название исходило от версии о норманнском происхождении варяга Рюрика, призванного княжить на Русь в IX в. и давшего имя династии рюриковичей. Несмотря на неоднозначный смысл этого исторического сюжета и неочевидную национальную принадлежность Рюрика (варяг — это профессиональный воин, варяги были сословием, которое состояло в очень большой степени из славян) именно его сделали символом Руси.

Норманнскую теорию «создали» немцы, причем, что парадоксально, в

недрах Российской Академии наук (Г.З. Байер, Г.Ф. Миллер, А.Л. Шлетцер). Именно с ними воевал М.В. Ломоносов — первый по сути ученый-славянофил. Норманисты, стремясь оправдать немецкое засилье в России и сохранить захваченное иностранцами при попустительстве придворной клики положение, выступили с отрицанием способности русского народа к самостоятельному историческому развитию. Образование древнерусского государства и все важнейшие события в его экономической, политической и культурной жизни приписывали норманнам (варягам), утверждая, что они будто бы стояли по культурному развитию и социально-политическому строю выше славянского населения Руси, что находится в полном противоречии с историческими фактами.

При описании дальнейшей истории русского народа норманисты и их последователи отводили решающую роль западным влияниям в развитии русской государственности, национальной культуры и науки, по существу отрицая их самостоятельный характер. Если рассматривать эту теорию без патриотического аспекта, то основания для подобного отношения были. Идея монархической государственности действительно пришла с Запада. Но Рюрик был носителем идеи не одновластия, а военной демократии (что подтверждает его княжение в Новгороде, где как раз и существовала система военно-вечевой власти). Монархическая идея пришла во времена Ивана Калиты, который прибирал к рукам будущую основу монархии — ее культовое освящение. Он перенес в укрепляющуюся Москву из Владимира резиденцию митрополита, заложив тем самым основы для введения патриаршества. Воплотил же эту идею Иван IV, провозгласивший себя кесарем, царем по подобию западных монархий.

Россия заимствовала с Запада огромное количество идей, технологий,

образовательных институтов. И наконец, сам факт участия в государственном и ином управлении в России значительного количества иностранцев — Миллера и Шлетцера, фаворита Бирона и проч. Да и сам царский род Романовых был наполовину немецким. Эти факты говорили в пользу «норманнской теории». Однако «норманисты» постоянно упускали из виду обстоятельства, которые следует положить на другую чашу весов, чтобы осмыслить «норманнскую теорию» как противоречивую систему. Стоит подсчитать, сколько проблем пришло с Запада на Русь и сколько было потерь в связи с этим, сколько Запад забрал в обмен на то, что дал. Эти вопросы требуют специального рассмотрения.

Другой формой воплощения социокультурного содержания патриотического движения стало движение 1812 г. Оно получило развитие в связи с агрессией извне — вторжением армии Наполеона в Россию 12 июня 1812 г. Появилось твердое убеждение, что сокрушить агрессора можно силами не только армии, но и всего народа. Первым эти идеи сформулировал Александр I, понимавший необходимость использовать пространство страны, мужество и упорство народа. При этом он не соглашался на мирные переговоры с противником до полного его изгнания. В первые дни войны царь выпустил манифест о создании народного ополчения. Позднее он одобрил инициативу дворянства по поводу формирования военных отрядов и вооружения крестьян для борьбы с захватчиками. По существу первые обращения Александра I к народу узаконили партизанскую войну. Но она и так уже начинала разгораться стихийно на территории, захваченной противником. В этом смысле власть, армия и народ были охвачены единым патриотическим порывом независимо от сложнейших социально-экономических противоречий в стране, от кре-

постного права. Именно это сделаю войну России против наполеоновского нашествия Отечественной. Под таким названием она и вошла в историю нашей Родины.

Славянофильство может быть определено в качестве одной формы патриотического движения, возникшего в ответ на попытки игнорирования особенности исторического пути России. Запад на славянофильские размышления ответил мощной концептуальной интервенцией в форме марксизма и на корню задушил всякие национально-патриотические поползновения русских. Новые «норманисты» в споре со славянофилами ответили на пустые размышления действием.

Однако история возвращает нас к этому спору. Вопросы, остро обсуждавшиеся славянофилами, порождают мощное брожение масс, которые в той или иной форме осмысливают идею оригинальности русского народа и самостоятельного пути России в истории. Несомненно, славянофилы были правы в том, что «обустройство» России по правилам Швейцарии было немислимо. Взять хотя бы величину сил и средств, требующихся для обустройства России и Швейцарии. Славянофилы видели разницу в мировоззрении европейцев и русских. Коротко говоря, эта разница лежала в утверждении мировоззренческих ориентиров. Если западный человек был вскормлен кантианством — идеологией приоритета формы над содержанием (поскольку форма извлекает содержание из хаоса), — то русский человек интуитивно стоял за правду — единство формы и содержания. Поэтому западный человек — это «формирователь», невзирая на насилие. Для него то, что вне его привычек, представленный и его норм жизни — хаос и абсурд. Русское же сознание стремится «войти в положение» — в содержание, старается всегда разобраться, понять, чем «дышит» форма. Поэтому Запад всегда

экспансия, а Россия — перерождение всего, что освоено. Итак, вопрос, поставленный славянофилами, открыт до сих пор, и он является главным в национально-патриотическом движении, наибольшим раздражителем в формировании идеологических ориентиров современного национально-патриотического сознания.

В конце XIX — начале XX в. формами патриотического движения, выражающими его социокультурное содержание, стали неославянофильство и русский религиозный ренессанс. Они выражали духовно-нравственные поиски выхода России из исторического тупика войн и революций. Н.А. Бердяев, В.Н. Соловьев, И.А. Ильин, П.И. Новгородцев, Е.А. Трубецкой, К.Н. Леонтьев осознавали угрозу, нависшую над Россией в виде марксистской идеологии, завоевывавшей все большую популярность в обществе. Универсалистским тенденциям русские религиозные философы противопоставляли идею мессианства России, сохранения ее индивидуальности, своеобразия. По мысли философов, только самобытная, создающая собственную культуру Россия способна осуществлять свою историческую миссию, создавать условия для жизнеосуществления своих граждан. Особую роль в борьбе России с грозящей ей потерей индивидуальности должно было сыграть православие. Оно должно было стать тем стержнем, вокруг которого произойдет кристаллизация черт русской культуры.

События 1917 г. раскололи российское общество на два лагеря — белый и красный. Каждая из сторон пыталась присвоить себе исключительное право заботы о судьбе России и видела в этом свою особую миссию. Противоречия между сторонами переросли из идеологических дискуссий в военное противостояние — гражданскую войну. Представляется возможным рассмотреть военное патриотическое движе-

ние 1917–1922 гг. как особую форму выражения социокультурного содержания патриотического движения.

В развязывание полномасштабной гражданской войны свой «вклад» внесла каждая из противоборствующих сторон. Либерально-демократические партии, не сумев после февраля 1917 г. провести необходимые реформы, создать новую государственность, способствовали усилению социальной напряженности в стране. Вина в перерастании социальной напряженности в вооруженное противоборство лежит и на большевиках. Провозгласив в своих программных документах идеалом социального равенства «уничтожение деления общества на классы», большевики фактически проигнорировали большой пласт вопросов, связанных с возможной адаптацией имущих классов к новой жизни, ограничившись немногочисленными суждениями о необходимости диктатуры пролетариата, перевоспитания миллионов крестьян, сотен тысяч служащих, буржуазных интеллигентов, подчинения их пролетарскому государству, победы над буржуазными привычками и традициями. Сама форма прихода большевиков к власти, первые шаги пролетарской диктатуры в ликвидации эксплуататорских классов, использование террора для удержания советской власти — все это подтолкнуло значительную часть российского общества к вооруженному противостоянию. Нарастание напряженности в стране после разгона Учредительного собрания в январе 1918 г., заключение Брестского мира в марте 1918 г., чрезвычайные меры по организации хлебозаготовок углубили раскол российского общества и ввергли страну в пучину кровопролитной гражданской войны.

Антибольшевистские силы не были однородны ни по социально-классовому происхождению, ни по их политическим убеждениям. Предпринятый

большевиками штурм частной собственности сплотил на время помещиков, капиталистов, торговцев, верхние слои интеллигенции, офицерства, казачества. Поддерживали белое движение часть высокооплачиваемых рабочих, зажиточное крестьянство. Все эти разнородные силы объединяла идея восстановления государственности и порядка. Однако сложный клубок противоречий и взаимных обвинений, столкновения интересов раздирали белое движение изнутри, в силу чего единый центр сопротивления большевикам не сложился. Впоследствии А.И. Деникин признавал, что руководители белого движения были вождями без народа, они не учитывали «силу сопротивления или содействия народной массы».

Самостоятельной формой патриотического движения является советский патриотизм. Он возник и получил развитие после Октябрьской революции 1917 г. и в ходе строительства социализма и коммунизма. Советский патриотизм был частью государственной идеологии СССР. Многие его идеи были традиционны: любовь и преданность Отечеству, создание экономической и оборонной мощи, укрепление суверенитета государства, готовность защищать его от врагов. В то же время характерной чертой советского патриотизма стала неразрывная связь с пролетарским интернационализмом, дружбой народов стран социализма, с освободительно-патриотическим движением народов «третьего мира» против империализма и всех форм колониализма. Особенностью советского патриотизма был его классовый характер.

Современное патриотическое движение возникло в период перестройки и имело два источника. Первый — естественный — желание людей познать свою историю, найти свои корни и ответить на волнующие вопросы современности. Дело даже не в том, что это

делалось из чувства протеста. Официальная точка зрения была просто нетехнологичной, она не могла осветить самых важных проблем истории. Второй источник возникновения современного национально-патриотического движения — искусственное использование национальной волны в разрушительных целях теми, кто был заинтересован в ликвидации Советского Союза.

Большое государство можно разрушать разными путями. Существует прямая агрессия — война. Но есть и другой способ — разрушить его изнутри. Разложение идет по пути «шинкования мозгов» — введения в сознание логических вирусов, внедрения упаднических идей и идеологий. Эту задачу хорошо выполнил «веер» упаднических и «примитивизирующих» человеческие отношения идей и теорий: экзистенциализм, персонализм, фрейдистский психоанализ. Основная задача внедрения этих идей была проста: обратить человека к его маленьким проблемам, комплексам, «психологической требухе» (выражение писателя Ю. Трифонова), вывести сознание человека из оборота общественной мысли и замкнуть его на себе. С другой стороны, человек нейтрализуется как активный деятель, который может управлять процессами.

Второй способ борьбы — внутренний социальный взрыв. Возбудить человека, массы и повести их на разрушение. С чего начался распад СССР? С возбуждения подавленных национальных чувств. Возбудить национальные чувства, но подавить национальную мысль. Чувства без мысли всегда легко управляются извне. Что и произошло в конце 1980-х — начале 1990-х гг.: всплеск эмоций, которыми очень грамотно управляли извне. Данный период можно вполне точно назвать бессознательным, поскольку любую серьезную мысль захлестывала волна эмоций.

Первые национальные организации возникли на антисоветской почве, на

отрицании всего того, что представляла советская власть по отношению к русскому народу, его истории, культуре. Катализатором этого процесса были два фактора в конце 1980-х гг. В первую очередь была открыта однозначно русофобская сторона Октябрьской революции. Многие факты подтвердили, что за лозунгами большевиков стояли определенные цели: разрушить Россию и использовать русский народ в качестве материала для мировой революции. Второй информационной бомбой, разорвавшейся в 1980-е гг., стало описание принципа распределения продукта труда между национальными республиками. Таковы антисоветские истоки национальных движений в России. Они порождали серьезное отторжение от деятельности нерусских республик. Это касалось как пресловутой «независимости» Прибалтики, так и Казахстана.

Однако по мере того как разрывалась очередная информационная бомба, вскрывалась истинное лицо западной политики по отношению к России, и на смену антисоветской национальной волне подошла волна антизападная. В первых, огромное большинство населения почувствовало, что Запад не собирается с Россией дружить и что единственный приемлемый для Запада вариант «дружбы» — отношения господина и раба. Во-вторых, население стало понимать, что Западу совершенно безразлично, какой в России строй, как он называется и каким богам там молятся. Западу безразлично одно: сила России и ее целостность. Именно это было целью разрушительной политики Запада по отношению к нашей стране. Никаких задач смены строя в России Запад не ставил. Он ставил целью разрушение любого строя, ликвидацию любой формы самостоятельности России и в конечном итоге — узурпацию страны. Подтверждением этому служит Директива СНБ США 20/1 от

18 августа 1948 г., которая четко укладывалась в сформированную доктрину нового мирового порядка, где русским и России отводилась роль колонии, поскольку русские не входили в так называемый «золотой миллиард» состоятельных и главенствующих народов. По данным ООН, сырья и энергии хватает (при оптимальном использовании) только на 1 млрд человек. На 1 января 1990 г. на Земле проживало уже более 5,5 млрд.

В золотой фонд «одного миллиарда» входят только такие страны, как США, Япония, страны ЕС, а 4/5 населения Земли из Азии, Африки, бывшего СССР, Латинской Америки, обладающие основной массой сырья, вытеснены с «места под солнцем», и их земли по существу являются сырьевыми колониями вышеназванных стран.

Давно уже существует выработанный Западом двойной стандарт. С одной стороны ведется разговор о правах человека, а с другой — существует четкая установка на оправдание любой оккупации. Последнее время акценты расставляются еще более четко: россияне не только нецивилизованны, они еще и враждебны цивилизации! Как видим, все ясно и определено. Сначала Россию ввергают в хаос, затем этот хаос представляют как нецивилизованность и получают право на оккупацию. Вмешательство США во внутренние дела Югославии и Ирака четко вписываются во внешнеполитическую концепцию Дж. Буша, озвученную им во время инаугурации в январе 2005 г.

Все названные факторы являются причиной возникновения национально-патриотического движения, способствовали и способствуют развертыванию его в России. Однако сила действия разрушительных сил и глубина причин распада России не породили пока адекватной силы противодействия. Более того, Россия не может излечиться от основных недостатков. Первый из

них — синдром лидерства, второй — отсутствие мощной самостоятельной конструктивной идеологии.

Итак, причинами возникновения современного национально-патриотического движения стали как внешние факторы — усиление западного давления с угрозой западной экономической и финансовой оккупации России, намерение Запада расчленивать страну; так и внутренние — отсутствие государственной идеологии, способной выступить в качестве конкурентоспособной в методологическом, правовом, законодательном, политическом планах, а также отсут-

ствие организационной стратегии, собственной образовательной программы и методичной работы с кадрами.

Внешние обстоятельства являются причиной возникновения современного национально-патриотического движения, внутренние способствуют более мощному и глубинному его развертыванию. Анализ факторов развития патриотического движения подтверждает, что в его основе лежит стремление сохранить национально-культурную специфику, защитить национальные интересы, возродить национальное самосознание.

© 2005 г.

А.В. НЕМИРОВСКАЯ

СТРУКТУРА ИМИДЖА РЕГИОНАЛЬНЫХ ВЛАСТЕЙ В МАССОВОМ СОЗНАНИИ

Имидж власти — целостное восприятие (понимание и оценка) властей различными социальными группами, формирующееся на основе хранящейся в памяти информации о различных сторонах деятельности властей. Другими словами, понятие имиджа властей включает в себя две составляющие. Во-первых — описательная (информационная) составляющая, которая представляет собой образ властей или совокупность всех представлений о властях. Во-вторых — оценочная составляющая, которая возникает в силу того, что хранящаяся в памяти информация не воспринимается безразлично, а пробуждает оценки и эмоции касательно образа власти, связанных с его принятием или осуждением. Люди оценивают власти и их действия через призму своего прошлого опыта, ценностных ориентаций, общепринятых норм и моральных принципов. Таким образом, имидж власти можно рассматривать как существующую в сознании людей систему представлений (образов) и оценок, объектом которых она является.

Итак, имидж — эмоционально окрашенный образ-представление, имеющий характер стереотипа, путем ассоциаций наделяющий объект дополнительными ценностями (социальными, психологическими, эстетическими и т. д.), не обязательно имеющими основания в реальных свойствах самого объекта, но обладающих социальной значимостью для воспринимающих такой образ. Следовательно, изучение

имиджа должно базироваться на методах исследования психических образов (метод экспертных оценок), а также на качественных и количественных методах, применяемых в социологии.

Имидж абстрактен, находится на вербальном уровне массового сознания и не связан с потребностями людей. Более того, имидж власти отражает социальные ожидания определенных социальных групп¹. Если имидж властей соответствует потребностям людей, возникает чувство доверия как эмоционально выраженное осознание способности властей выполнить свои обещания и соответствовать ожиданиям людей. Иначе говоря, доверие — это эмоциональная оценка способностей властей удовлетворять потребности населения. Имидж можно характеризовать как позитивный, если население доверяет власти. Соответственно, чтобы улучшить имидж, власти необходимо вызвать доверие населения.

Поскольку имидж — психический образ и является идеальным объектом, он не подлежит прямому изучению, а может быть оценен только по характеристикам реагирования людей, их эмоциональным и ценностным отношениям, по тому, как люди воспринимают региональную власть (а также личностные черты и особенности наиболее ярких и статусных ее представителей), ее поведение в различных ситуациях, отношение к различным объектам.

Основными задачами нашего исследования являлись анализ структуры имиджа региональных властей в массо-

вом сознании жителей одного из крупных регионов Сибири. Специфика нашего подхода состоит в изучении массового сознания населения на двух уровнях:

а) социальных стереотипов, которые очень подвижны и слабо влияют на социальное поведение;

б) значительно более устойчивых, но мало осознанных представлений, непосредственно связанных с реальным поведением².

Традиционные социологические опросы, результаты которых широко публикуются средствами массовой информации, отражают лишь верхний, неустойчивый слой массового сознания на конкретный момент времени. Значительно более глубокую информацию дает изучение «нижних» слоев массового сознания с помощью разного рода психологических тестов или статистических методов анализа данных, в частности, корреляционного и факторного анализа. Для обобщения данных по различным индикаторам социального самочувствия населения был применен факторный анализ, который мы понимаем как совокупность моделей и методов, ориентированных на выявление, конструирование и анализ внутренних (латентных, скрытых) факторов по информации об их внешних проявлениях.

В настоящем исследовании анализ социальных стереотипов (сформировавшихся главным образом под влиянием СМИ) сочетается с изучением более глубоких, слабо осознанных феноменов в массовом сознании жителей одного из регионов Сибири. Надо сказать, что зачастую они не совпадают и даже противоречат друг другу: при простом суммировании ответов на первый план выходят одни факторы, в действительности же важнейшими являются другие. Подобные противоречия есть лишь отражение классического психологического несоответствия между словами, мыслями и поступками лю-

дей. Его важно учитывать для правильного понимания любых социальных процессов в регионе.

В исследовании использовалась многоступенчатая районированная выборка, составленная в соответствии с половозрастной структурой населения региона, городов и районов, где проводился опрос. При этом использовался метод формализованного интервью, позволяющий получить значительно более достоверную информацию, нежели метод анкетного опроса. В июле-августе 2004 г. были опрошены 1002 жителя одного из крупных Сибирских регионов.

Опрошенное население региона достаточно критично оценивает деятельность органов власти и их руководителей за последние два года. Так, положительно деятельность *губернатора края* оценили 12% опрошенных краевой центр — 6%, города края — 10%, районы края — 19%), скорее положительно, чем отрицательно — 38% (соответственно 31%, 40% и 42%), скорее отрицательно, чем положительно — 21% (28%, 19%, 17%), отрицательно — 9% (15%, 9%, 5%). Как видим, существует определенная поселенческая специфика в оценке органов власти: как правило, жители городов края более критично оценивают деятельность органов власти, чем представители краевого центра и сельчане. Эти показатели составляют для администрации края, соответственно, 37% и 44% (баланс = -7%), для Законодательного собрания края — 38% и 40% (баланс = -2%), для главы городской (районной) администрации — 46% и 40% (баланс = +6%), для городского (районного) совета — 26% и 49% (баланс: -23%).

Как видим, наиболее позитивно респонденты оценивают деятельность главы городской (районной) администрации, наиболее негативно — городского (районного) совета. При этом значительная доля отрицательных оценок

работы городского (районного) совета во многом связана с непониманием людьми их задач и функций: каждый четвертый из опрошенных жителей края не смог ответить на данный вопрос. Необходимо отметить, что результаты анализа населением деятельности органов власти в регионе в целом по краю непосредственно выражаются характеристикой «средняя температура по больнице», ибо самым существенным образом зависят от места жительства респондентов.

Итак, оценка населением деятельности органов власти и их руководителей определяется не только объективной ситуацией в оцениваемой сфере, но и во многом местом жительства респондентов, их традиционным менталитетом и психологией, информированностью о работе властных структур, уровнем политической культуры.

Между тем представление населения о функциях различных органов власти, о специфике их деятельности во многом оставляет желать лучшего. Например, к задачам бизнеса 2% опрошенных относят социальную защиту населения, 7% — охрану общественного порядка, 23% — физическую культуру и спорт. К функциям администрации края 12% отнесли оборону, 42% — организацию торговли и бытового обслуживания населения, 33% — организацию высшего профессионального образования.

Интересно, что, судя по ответам респондентов, наиболее важная задача Законодательного собрания края — социальная защита населения (29% опрошенных). Надо сказать, что в целом население представляет себе задачи Законодательного собрания края значительно хуже, нежели администрации края или федеральных органов власти. Исследование показало, что многие из жителей региона не дифференцируют различные органы власти, воспринимая их в общем как «начальство».

Рассматривая основные структурные компоненты имиджа, необходимо подробнее остановиться на таких компонентах, как миссия, легенда и цели субъекта имиджа³. Миссия — это компонент символической структуры имиджа, содержащий оценочно и эмоционально нагруженную информацию о том, во имя чего субъект — прообраз имиджа — существует в обществе и занимается своей деятельностью, в чем состоит смысл его существования в данном качестве. Легенда возникает при актуализации как минимум трех компонентов идеологии: целей, которые субъект имиджа ставит перед собой, наличие реальных дел, которые подтверждают эффективное движение к этим целям, и миссии, которая показывает, для чего ставятся такие цели и во имя чего они выполняются. Когда эти три компонента логично, правильно и непротиворечиво увязаны между собой, возникает особый эффект восприятия — легенда. Если же хотя бы один из трех элементов отсутствует или плохо согласуется с другими элементами, имидж утрачивает цельность и становится негативным, как мы видим из результатов опроса. Когда респонденты не видят в действиях и высказываниях властей ответа на вопрос, во имя каких целей власти действуют (миссия), то у реципиентов имиджа складывается впечатление, что власти преследуют свои меркантильные интересы. С другой стороны, власти, активно демонстрирующие миссию, но не подкрепляющие ее реальными действиями, также вызывают разочарование, сформируется негативный имидж.

Большинство опрошенных жителей региона воспринимают действия краевых и местных властей как эгоистические, т. е. направленные на *удовлетворение личных карьерных устремлений* (72% — краевые, 73% — местные власти) или *собственное обогащение* (68% — краевые, 74% — местные орга-

ны власти). Примерно каждый пятый опрошенный считает, что действия властей направлены на *повышение уровня жизни людей*, а каждый третий — на *экономическое и социальное развитие региона*. В целом респонденты оценивают действия краевых властей несколько более позитивно, чем местных. Выделяется очень четкая поселенческая специфика в оценках респондентов: жители столицы региона оценивают деятельность властей существенно более критично, чем жители городов края или сельчане. Последние наиболее лояльны в оценках действий краевых властей.

Достаточно показательны для анализа отношения населения края к власти ответы респондентов на вопрос: «Чьи интересы, на Ваш взгляд, представляют и защищают краевые органы власти?» Лишь каждый пятый из опрошенных полагает, что краевые власти представляют и защищают интересы *всего населения региона*. Судя по ответам опрошенных, многие жители края воспринимают действия краевых властей как продиктованные интересами тех слоев, к которым сами они, как правило, не относятся: по мнению более половины респондентов, краевые власти представляют и защищают интересы *крупных предпринимателей региона*, половины — *чиновников, государственных служащих*. Каждый четвертый считает, что краевые власти защищают интересы *криминальных структур или российского капитала из других регионов страны*.

Для изучения внутренней структуры подобных представлений использовался факторный анализ. В результате были выделены пять факторов, характеризующих комплексы представлений, которые присущи определенным группам респондентов.

■ Первый фактор, наиболее значимый, выражает мнение, что краевые власти представляют и защищают

интересы *крупных предпринимателей региона, чиновников, государственных служащих*, отчасти — *отдельных этнических групп*. Описательная сила фактора — 16,8%.

■ Второй фактор описывает представления опрошенных, в соответствии с которыми власти края защищают интересы *всего населения региона и государства в целом*. При этом отрицается мнение, что власть защищает интересы отдельных этнических групп и крупных предпринимателей. Описательная сила: 12,8%.

■ Третий фактор характеризует мнение, согласно которому краевые власти защищают интересы *российского капитала из других регионов страны и зарубежного капитала, иностранных инвесторов*. Сторонники этого взгляда не согласны, что власть защищает интересы чиновников и отдельных этнических групп. Описательная сила: 12,1%.

■ Четвертый фактор описывает представления, согласно которым краевые власти представляют и защищают интересы *наиболее бедных слоев населения, интеллигенции, работников культуры, науки, образования края*. При этом отвергаются взгляды, в соответствии с которыми власть защищает интересы чиновников, государственных служащих и отдельных этнических групп. Описательная сила: 9,6%.

■ Пятый фактор выражает мнение о том, что власти края защищают интересы *средних слоев населения*, а не чиновников, государственных служащих. Описательная сила: 8,5%.

Итак, в массовом сознании опрошенных жителей региона преобладает мнение о «государственно-олигархическом» характере краевых властей. Слабее выражены представления о том, что власть представляет и защищает интересы всех жителей края и государ-

ства в целом, как и положено по Конституции (второй фактор). Еще менее значимы представления о краевой власти как о «не местной», как о власти «чужих, «не наших», «капитала из-за рубежа и других регионов страны» (третий фактор). Наконец, присутствуют и откровенно идеалистические взгляды, в соответствии с которыми власть защищает интересы или бедных людей, или интеллигенции, или средних слоев населения, но никак не чиновников и госслужащих (четвертый и пятый факторы).

С целью изучения представлений жителей региона об «идеальном» (желаемом) имидже руководителя региона был задан вопрос: «Как вы полагаете, какими качествами должен обладать руководитель региона?» Сразу отметим, что на вербальную значимость тех или иных качеств руководителя края во многом влияют социальные нормы и ценности, существующие в обществе. На вербальном уровне наиболее распространены два качества: деловое (*опытный хозяйственник, знающий производство, бизнес, сельское хозяйство*) и нравственное (*честный, порядочный человек*). Каждое из них отметили 70% опрошенных.

Несколько отстают от них такие качества, как *хороший организатор, при организации дела умеет расставить людей самым эффективным образом — 65%* и *способен отстоять интересы края перед федеральными властями — 57%*.

Далее следуют качества: *хорошо разбирается в законах, умеет их создавать и улучшать — 43%*, *самостоятельный человек, отказывающийся действовать по чьей-нибудь указке — 40%*, *имеет детально разработанную программу развития экономики края — 37%*.

Менее значимы качества: *очень умный человек — 30%*, *имеет ясную гражданскую позицию, понимает, куда надо двигаться — 28%*.

Не более пятой части респондентов указали следующее качество: *способен договариваться с оппонентами, идти на компромисс — 18%*, *прошел хороший жизненный путь, вызывает симпатию своей биографией — 16%*.

Остальные качества отметили менее десятой доли опрошенных. К совершенно незначимым для опрошенных красноречивым качествам относятся: *хороший оратор, умеющий убеждать в своей правоте — 9%*; *выделяет много времени на прием граждан — 8%*; *богатый, материально обеспеченный человек — 8%*; *хороший семьянин — 7%*; *лично привлекательный, обаятельный в общении человек — 6%*; *оказывает материальную помощь избирателям — 4%*; *принадлежит к одной из крупных политических партий — 3%*.

Использование факторного анализа показало, что наряду с внутренней противоречивостью желаемых образов руководителя региона существуют серьезные противоречия между поверхностным, вербальным уровнем массового сознания и его глубинными слоями. В частности выделяются девять факторов, каждый из которых описывает специфический образ идеального руководителя региона. Причем эти образы по своей значимости не слишком отличаются друг от друга.

- Первый фактор характеризует социальные и личностные качества: *хороший семьянин; очень умный человек; выделяет много времени на прием граждан*. При этом отрицаются деловые и профессиональные качества: *способен отстоять интересы региона перед федеральными властями; хороший организатор, при организации дела умеет расставить людей самым эффективным образом, опытный хозяйственник, знающий производство, бизнес, сельское хозяйство и т. п.; имеет детально разработанную программу развития экономики*

края. Описательная сила фактора: 8,5%.

- Второй фактор выражает следующие качества: способен договариваться с оппонентами, идти на компромисс; принадлежит к одной из крупных политических партий, богатый, материально обеспеченный человек. При этом отвергаются качества: честный, порядочный человек; оказывает материальную помощь избирателям; выделяет много времени на прием граждан. Описательная сила: 7,4%.
- Третий фактор описывает признаки: хорошо разбирается в законах; хороший оратор. При этом отвергаются качества: имеет детально проработанную программу; лично привлекательный, обаятельный в общении человек; выделяет много времени на прием граждан. Описательная сила: 6,4%.
- Четвертый фактор характеризует качества: опытный хозяйственник, знающий производство, бизнес, сельское хозяйство; лично привлекательный, обаятельный в общении человек; принадлежит к одной из крупных политических партий. Описательная сила: 6,1%.
- Пятый фактор выделяет качества: имеет детально проработанную программу развития экономики края; выделяет много времени на прием граждан. Отвергаются такие качества, как честный, порядочный; хороший оратор, умеющий убеждать в своей правоте. Описательная сила: 6,1%.
- Шестой фактор: богатый, материально обеспеченный человек. Отрицается необходимость следующих характеристик: имеет ясную гражданскую позицию; самостоятельный человек, отказывающийся действовать по чьей-либо указке. Описательная сила: 5,7%.
- Седьмой фактор характеризует ка-

чества: самостоятельный человек, отказывающийся действовать по чьей-нибудь указке. Считаются ненужными качества: прошел хороший жизненный путь, вызывает симпатию своей биографией; очень умный человек. Описательная сила: 5,6%.

- Восьмой фактор объединяет качества: хорошо разбирается в законах, умеет их создавать и улучшать; очень умный человек. Описательная сила: 5,3%.
- Девятый фактор описывает признаки: хороший оратор, умеющий убеждать в своей правоте; способен договариваться с оппонентами, идти на компромисс; хороший организатор, при организации дела умеет расставить людей самым эффективным образом. Отвергается: самостоятельный человек, отказывающийся действовать по чьей-нибудь указке. Описательная сила: 5,2%.

Как видим, единый образ желаемого руководителя в массовом сознании населения отсутствует и представляет собой набор по крайней мере из девяти несовпадающих, внутренне крайне противоречивых имиджей, каждый из которых отражает представления определенной группы населения.

В настоящее время социально-нормативная система российского общества находится в «полуразрушенном» состоянии, включает в себя противоречивые элементы прежних «социалистических» и пришедших им на смену «капиталистических» норм и ценностей, а также поднявшиеся из глубин массового подсознания рудиментарные ценностные представления. Все это непосредственно определяет внутреннюю противоречивость и подчас алогичность желаемого имиджа руководителя региона.

Обращает на себя внимание, что в большинстве образов в той или иной

мере отвергаются такие важные деловые и личностные качества, как *опытный хозяйственник, знающий производство, бизнес, сельское хозяйство и т. п.; честный, порядочный человек; очень умный человек; самостоятельный человек*. Большинство опрошенных подсознательно считают эти качества бесполезными для руководителя края.

Напротив, элементы образа *богатый, материально обеспеченный человек; хорошо разбирается в законах, умеет их создавать и улучшать; хороший оратор, умеющий убеждать в своей правоте; способен договариваться с оппонентами, идти на компромисс; принадлежит к одной из крупных политических партий* некоторой частью опрошенных неосознанно воспринимаются как важные элементы желаемого образа руководителя края.

Таким образом, выявлены серьезные противоречия между поверхностным, вербальным уровнем массового сознания и внутренними, мало осознанными побуждениями людей. Отсутствует четкая система социальных и нравственных ценностей в массовом сознании. В целом население региона (очевидно, не отличаясь в этом плане от жителей всей страны) «атомизирова-

но», разделено на отдельные, специфические социальные слои и группы. Выделяется серьезная специфика мнений респондентов в зависимости от их половой принадлежности, места жительства, возраста.

Все это оказывает непосредственное влияние на структуру имиджа региональных властей, которая в известной мере страдает отсутствием цельности и незавершенностью. Надо подчеркнуть, что подобная структура имиджа региональных властей является безотносительной к конкретным руководителям, поскольку, согласно исследованиям за последние 15 лет, независимо от персонажей, занимающих руководящие посты, структура имиджа региональных властей в массовом сознании населения в целом остается стабильной.

ЛИТЕРАТУРА

1. Общая и прикладная политология. Под общ. ред. В.И. Жукова, Б.И. Краснова. М., 1997. С. 912.
2. *Немировский В.Г.* Современная теоретическая социология. Красноярск, 2003. С. 155.
3. *Перелыгина Е.Б.* Психология имиджа. М.: Аспект Пресс, 2002. С. 152.

© 2005 г.

Н.С. ТИМЧЕНКО, О.В. ХОДОРЕНКО

ПРОБЛЕМЫ КАДРОВОЙ ПОЛИТИКИ АЛТАЙСКИХ ЛЕЧЕБНО-ПРОФИЛАКТИЧЕСКИХ УЧРЕЖДЕНИЙ

Проходящий в настоящее время процесс либерализации системы здравоохранения означает привнесение рыночных механизмов в сферу деятельности отдельных медицинских учреждений, формирование новой культуры управления ими. В дореформенный период лечебно-профилактические учреждения (ЛПУ), являясь центральным звеном системы охраны здоровья населения, представляли собой организации, построенные на принципах жесткой иерархии и полного подчинения государству как в вопросах формирования основных целей, так и в вопросах ресурсного обеспечения. Заметное сокращение государственного участия в делах ЛПУ вызывает необходимость модернизировать их систему управления с целью рационального функционирования, обеспечения конкурентоспособности в предоставлении медицинских услуг.

Настало время внедрения и широкого распространения идеологии менеджизма в практике управления современными медицинскими организациями. Менеджмент, представляя собой особую технологию, способную обеспечить рациональное использование ограниченных ресурсов для реализации поставленных целей, открывает перспективы в преодолении возникших в государственном секторе здравоохранения трудностей, вызванных дефицитом средств, выделяемых обществом на социальные цели. Дискуссионным является вопрос об ограничениях ис-

пользования основных постулатов идеологии менеджизма, в частности, ориентации на получение прибыли в рамках такого социального института, как здравоохранение, которое относится к незначительному числу социальных институтов, несущих громадную общественную нагрузку.

Эффективным представляется использование теории современного менеджмента в управлении персоналом современной больницы. Необходимость новаций в управлении персоналом в ЛПУ связана не только с формулировкой новых ценностных ориентиров в деятельности системы здравоохранения в целом, но также с изменением отношений между человеком и организацией. В современной медицине происходит интенсивная смена поколений: ценностные установки относительно содержания труда и вознаграждения у молодых врачей, приходящих в больницу, сильно отличаются от установок старшего поколения. Это не может не отражаться на профессиональном поведении, требованиях, предъявляемых к организации.

Сердцевина процесса управления персоналом в организации — ее кадровая политика. Актуальны анализ состояния этой политики в ЛПУ, выявление сторон, отличающихся высокой степенью несоответствия требованиям новой внешней среды, а также планирование изменений. В 2004 г. нами было проведено исследование проблем и противоречий в кадровой работе 56 ЛПУ Алтайского края (N=300). Анкетный опрос специалистов концентрировался на

темах планирования персонала, его найма, адаптации, системы компенсации и вознаграждения, профессионального обучения, оценки кадров, управления организационной культурой. Помимо этого нас интересовал вопрос об организационных формах осуществления кадровой политики.

Всех респондентов мы условно разделили на две группы: «функциональные специалисты» (специалисты по кадрам, руководители кадровой службы организации и заместители главного врача по кадрам), в чьи должностные обязанности непосредственно входит работа с персоналом, и «нефункциональные специалисты» (главные врачи, их заместители, заведующие отделениями и др.), основные обязанности которых не связаны напрямую с кадровой работой. Группа функциональных специалистов составила 63%, т. е. больше половины выборки. И здесь женщин оказалось 100%, в целом же их доля равнялась 87% респондентов. В группе нефункциональных специалистов женщин было 61%.

Для показателей уровня образования специалистов характерно следующее: высшее медицинское образование имели 33% респондентов (его имеют в основном нефункциональные специалисты), среднее специальное немедицинское образование — 29%, высшее немедицинское и среднее образование одинаково — 15%, среднее специальное медицинское образование — 8%.

20% руководителей кадровых служб ЛПУ имеют только среднее образование, большая их часть не обладает специальной подготовкой. 94% из них выразили готовность к повышению профессиональной квалификации. Более половины опрошенных (52%) не смогли четко артикулировать свое представление о содержательных аспектах кадровой работы. Среди них функциональные специалисты составляли 52%. Иными словами, только половина спе-

циалистов, занимающихся реализацией кадровой политики ЛПУ, отдает себе отчет в том, чем они занимаются.

Кадровая работа в организации является одним из факторов, влияющих на качество работы с персоналом, так как она вносит в управленческую деятельность системность и целенаправленность. Так, 42% респондентов фиксируют наличие кадровой службы в своем ЛПУ, 51% отрицательно ответили на соответствующий вопрос и 7% затруднились с ответом, что, вероятно, следует интерпретировать как признание отсутствия этой службы. Парадоксально выглядят ответы, в которых отрицается наличие кадровой службы, но при этом респонденты (40% от общего числа ответивших) представляют себя в качестве начальника (руководителя) кадровой службы. По основным направлениям кадровой работы принципиальных различий в деятельности больниц с кадровой службой и без нее не выявлено. Возможно, это объясняется тем, что данная служба чаще всего представлена деятельностью одного специалиста, что препятствует разработке комплексной и разнонаправленной программы кадровых мероприятий.

Планирование персонала осуществляется в 54% больниц и отсутствует в 41% организаций. Анализ кадровых ресурсов, без чего невозможно осуществлять мероприятия по адаптации персонала к потребностям организации, проводится преимущественно один раз в год (54% опрошенных). При определении факторов, влияющих на прогнозирование потребности в сотрудниках, на первых позициях оказались те, которые условно можно отнести к внутрисистемным (выход сотрудников на пенсию; текучесть кадров). При этом специалисты фактически не обращают внимания на средовые факторы, трансформирующие содержание и формы медицинской деятельности (развитие медицинской

техники и появление новых технологий; возможные изменения политики в сфере здравоохранения; изменения в демографическом составе населения). Это отметили только 18% респондентов. Не учитываются и изменения в структуре болезней населения, рост конкуренции со стороны частной медицины.

Анализ кадрового состава ЛПУ и прогнозирование потребностей в нем призваны стать основой разработки комплекса мероприятий в рамках кадровой работы, имеющих целью снять обнаруженный в ходе этих процедур «зазор». В то же время по данным исследования лишь 46% респондентов подтвердили, что разрабатываются конкретные программы удовлетворения потребностей в персонале, включая мероприятия по найму, подготовке, переподготовке сотрудников и т. д.; 34% специалистов затруднились дать какой-либо ответ; 19% выбрали вариант ответа «фиксируем это расхождение».

По оценкам специалистов современный рынок труда медицинских работников характеризуется противоречивыми тенденциями. С одной стороны, он недостаточен по отдельным категори-

ям медицинских работников (62% опрошенных), с другой — перенасыщен по отдельным категориям медицинских работников (30%). В этих условиях специалисты опираются на смешанный вариант набора сотрудников. Предпочтение ему отдали 89% респондентов.

Практику целевого обучения будущих сотрудников, возникшую как реакция на деформацию рынка медицинских работников и трансформацию их личных желаний в выборе места работы, не используют в 43% случаев. В 39% случаях дан положительный ответ. Такая форма привлечения будущих специалистов касается в основном сельских районных больниц, где процент положительных ответов относительно ее использования (71%) значительно выше, чем по выборке в целом и в других типах больниц (городских и краевых). При отборе кандидатов основное внимание уделяется уровню профессиональной подготовки и наличию практического опыта сотрудника. Менее значимы умение взаимодействовать с другими людьми и высокая личная культура.

Требования к кандидатам на вакантную должность во многом обуслови-

Рисунок 1.
Методы отбора кандидатов

вает тот набор методов, к которым чаще всего обращаются специалисты в процессе отбора персонала (рис. 1). Наиболее распространено личное собеседование с кандидатом (89% опрошенных). Вторую позицию в иерархии методов отбора занимает анализ личных документов кандидата (82% респондентов). Собственно, можно говорить о том, что эти два метода составляют весь арсенал средств отбора персонала в современном ЛПУ.

Процедура отбора заканчивается принятием решения о приеме кандидата. Как правило, оно является продуктом усилий главного врача и руководителя той структуры, в которой будет работать кандидат. Так ответили 48% респондентов. 41% респондентов заявили: «это исключительное право главного врача». Очень редко такое решение принимается руководителем подразделения (7% участников опроса). При этом следует особо отметить, что из числа лиц, принимающих решение о приеме кандидата на работу, исключены специалисты по кадровым вопросам.

По результатам опроса видно, что большинство вновь приходящих на работу сотрудников, за исключением мо-

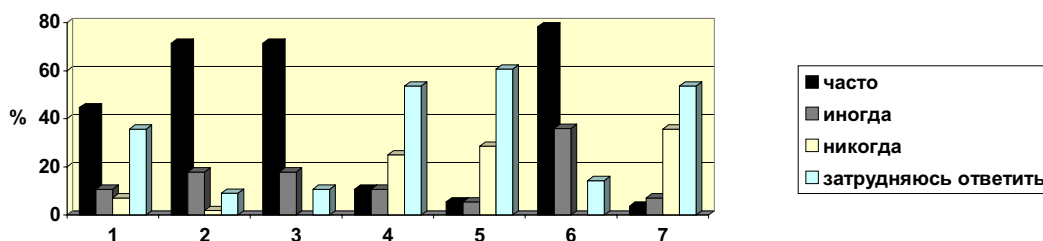
лодых специалистов, сами решают проблему своей адаптации, что сказывается на качестве и результатах деятельности организации в целом. Управление процессом адаптации практически отсутствует.

Анализ ответов также показал, что система стимулирования трудового поведения сотрудников современного ЛПУ ограничено используется в процессе управления персоналом. Так, не более трети больниц имеют возможность выработать собственную политику в области материальной компенсации и стимулирования работников. Но и в этих больницах преимущественное место занимают те виды компенсаций и льгот, которые ориентированы на улучшение бедственного материального состояния сотрудников.

Необходимость в профессиональном развитии персонала не вызывает у специалистов сомнения: никто из них не выбрал альтернативу «не согласен», а сумма вариантов альтернатив «согласен» и «скорее согласен» составила по выборке 84%.

В выборе методов профессионального обучения основной упор делается на совершенствование практических

Рисунок 2.
Формы профессионального обучения

- 1 — лекции ведущих специалистов по конкретным медицинским проблемам
- 2 — медицинские конференции
- 3 — курсы повышения профессиональной квалификации
- 4 — ординатура (аспирантура)
- 5 — инструктаж на рабочем месте
- 6 — психологические тренинги (личностного развития, коммуникативные игры)

навыков. Быстрые темпы изменения медицинской техники, внедрение новых технологий влекут за собой необходимость доведения теоретических знаний и практических навыков сотрудника до требуемого уровня, гарантирующего качественное исполнение им обязанностей. Курсы повышения квалификации и внутрибольничные конференции, а также лекции по конкретным медицинским проблемам позволяют поддерживать приемлемый уровень профессиональных знаний. Низкий уровень распространения таких форм профессионального обучения, как ординатура и аспирантура, связан с тем, что они относятся к послевузовской ступени обучения и ориентированы на дальнейшую научную деятельность специалиста. Такая форма профессионального развития, как психологический тренинг, занимает последнюю позицию в рейтинге, и это можно объяснить особенностями управленческой культуры. За этим скрыта своеобразная проекция ценностных установок руководителей ЛПУ, не признающих важность персонала в функционировании и развитии организации.

Аттестация сотрудника играет важную роль в процессе управления персоналом и является основной формой оценки кадров. Главные проблемы, связанные с процедурой аттестации, по мнению респондентов, связаны с тем, что она не отражает личностные качества сотрудника, связанные с его профессиональной деятельностью (30% опрошенных), а также его реальные профессиональные качества (четверть опрошенных). Незначительная часть специалистов отметили отсутствие связи аттестации с другими направлениями кадровой работы: с материальным вознаграждением за результаты деятельности (7%); перемещением внутри больницы (2%); процессом профессионального обучения и развития специалиста (2%). Почти каждый третий рес-

пондент не смог определить своего отношения к процедуре аттестации.

На вопрос о том, какие методы оценки помимо аттестации используются в работе с персоналом, большая часть респондентов (89%) не сумела ответить. Но и те специалисты, которые дали ответы, не вполне верно понимают, что такое методы оценки персонала. В их суждениях речь в основном идет о критериях оценки деятельности сотрудников, а не о формах этого процесса. В качестве примера приведем следующие высказывания: *профессиональная грамотность; соблюдение принципов деонтологии; отсутствие жалоб пациентов*. Был назван метод сбора информации о сотруднике (личное наблюдение), была указана связь процедуры оценки с системой компенсации (тарификация в зависимости от вклада в работу). Только в одном случае респондент верно указал возможные иные варианты оценки персонала: тестирование и конкурсы профессионального мастерства.

Создание атмосферы единения среди сотрудников организации становится сегодня одним из приоритетных направлений кадровой работы. По нашим данным, лишь 25% респондентов согласились с тем, что укрепление и гармонизация отношений в трудовом коллективе входят в сферу компетенции специалиста по кадрам. 48% опрошенных отметили, что развитие трудовых отношений происходит само по себе, без специального участия кого-либо. В качестве самостоятельного варианта ответа в числе лиц, занимающихся проблемой укрепления и развития трудовых отношений, специалисты называют администрацию больницы в целом (4%), руководство больничных служб (3%) и заведующих отделениями (5%). Такие же данные, как по выборке в целом, получены в подвыборках, выделенных по параметру «наличие / отсутствие кадровой службы».

Для характеристики кадровой работы и оценки ее качества значима информация о том, существует ли (и в каких формах) контроль за данным видом управленческой деятельности. Факт контроля за состоянием работы с персоналом в своем ЛПУ признают 64% респондентов, отрицают 13%, и 23% специалистов не смогли ответить на вопрос. Более высокий процент по позитивной (68%) и низкий по негативной (10,7%) альтернативам имеют ответы представителей медицинских учреждений, не имеющих кадровой службы. Особый интерес вызывают ответы нефункциональных специалистов, так как эта группа демонстрирует отличающиеся от выборки результаты. Так, количество положительных ответов у них равно 78%, негативных — 6%. Но именно здесь были сделаны весьма красноречивые исправления в формулировках вопроса анкеты. Два участника опроса заменили формулировку «контроль за состоянием работы с персоналом» на «контроль за состоянием работы персонала».

Эффект искажения сути вопроса проявился в самостоятельных ответах респондентов о средствах контроля за состоянием работы персонала. 46% респондентов отметили: *контроль за отработкой рабочего времени (11%)*; *качество выполняемой работы (11%)*; *отчеты заместителей главного врача и заведующих отделениями (5%)*; *общие обходы главного врача по отделению (4%)*; *соблюдение графика работы (4%)*; *наблюдение (2%)*; *отзывы сотрудников (2%)*; *взаимодействие с руководителями среднего звена (2%)*; *контроль вышестоящей организации (2%)*; *отсутствие жалоб со стороны пациентов (2%)*; *ведется табель учета рабочего времени (2%)*; *контроль за выполнением условий коллективного договора (2%)*; *хронометраж рабочего времени (2%)*; *учет текучести кадров*

(2%); *планирование обучения кадров (2%)*; *беседы (2%)*; *постоянный контакт с администрацией отделения (2%)*; *разбор историй болезней (2%)*; *прямые и обратные связи (2%)*; *самоконтроль (2%)*; *контроль главной сестры (2%)*; *работа отдела контроля качества (2%)*.

Как видно из приведенного списка, лишь немногие из ответов имеют действительное отношение к обсуждаемой проблеме. Это прямые и обратные связи, беседа (если имеется в виду интервью с сотрудниками), наблюдение, отзывы сотрудников, отчеты заместителей главного врача и заведующих отделениями. Ответ «прямые и обратные связи» характеризуется высоким уровнем неопределенности, но при этом в нем содержится указание на необходимость отслеживать обратную реакцию персонала на влияние по различным направлениям кадровой работы. Ответ — отчеты заместителей главного врача и заведующих отделениями — можно отнести к статистическому подходу в анализе качества кадровой работы, а все другие — к оценке, основанной на обзоре мнений.

Другие приведенные суждения касаются либо критериев оценки кадровой работы (отсутствие жалоб со стороны пациентов, учет текучести кадров, работа отдела контроля качества и др.), либо форм контроля за работой персонала (взаимодействие с руководителями среднего звена, контроль за отработкой рабочего времени, общие обходы главного врача по отделению, разбор историй болезней и т. д.).

В этом же русле выстроены ответы респондентов на вопрос: «Какие меры предпринимаются в случае выявления проблем в работе с персоналом?» В основном речь идет о мерах, принимаемых руководством для устранения проблем в работе персонала. Здесь назывались: *индивидуальные и групповые беседы (23%)*; *административ-*

ные взыскания (16%); совещания (5%); собрание коллектива (4%); учеба (4%); производственно-кадровая комиссия (2%); увольнение (2%); снижение доплат (2%); разбор на медицинском совете (2%); кодирование от алкоголя (2%).

Заметим, что не было получено ни одного ответа, содержащего в себе предложения по улучшению кадровой работы, разработке плана конкретных кадровых мероприятий. Приведенные суждения скорее можно отнести к области руководства персоналом и его мотивации. Количество не сумевших или не пожелавших ответить здесь оказалось больше, чем в предыдущем вопросе (61% против 54%), хотя они логически связаны между собой.

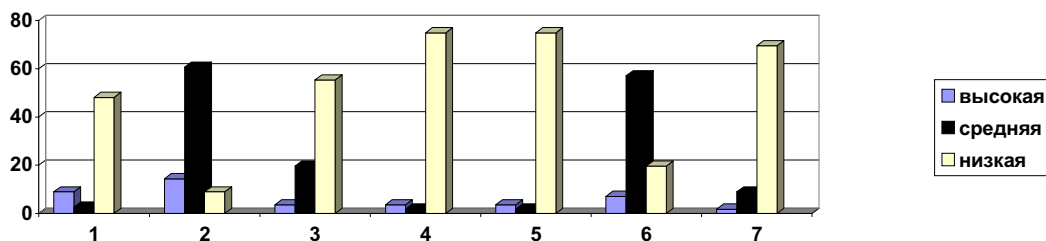
Оценивая отдельные показатели эффективности системы работы с персоналом (рис. 3), респонденты отмечают низкие показатели прогулов, нарушений трудовой дисциплины, жалоб пациентов, конфликтности в коллективе, текучести кадров, а также средние показатели удовлетворенности сотрудников работой и отсутствия на работе по болезни.

Высокоэффективной существующую в больнице систему управления персоналом считает каждый пятый специалист, 48% респондентов фиксируют необходимость в корректировке и дальнейшем развитии системы, на ее отсутствие вообще указывают 5%, четверть из них затруднилась оценить систему работы персонала. Таким образом, взгляд специалистов на действенность системы управления персоналом более строг (68% позитивных оценок), чем у руководителей (84%).

Более критическая оценка действующей системы кадровой работы присутствует в ответах специалистов, представляющих больницы с кадровой службы. В них 57% респондентов свидетельствуют об упущениях в кадровой работе.

Изменение этой ситуации специалисты видят в оказании помощи ЛПУ, в организации кадровой работы на современном уровне со стороны краевых органов управления здравоохранением. Так полагают 71% респондентов. 14% участников опроса либо не видят необходимости в такой поддержке, либо затруднились ответить.

Рисунок 3.
Показатели эффективности системы работы с персоналом

- 1 — текучесть кадров
- 2 — удовлетворенность сотрудников работой
- 3 — конфликтность отношений в коллективе
- 4 — отсутствие персонала на работе без уважительных причин
- 5 — нарушение трудовой дисциплины
- 6 — отсутствие сотрудников на работе по болезни
- 7 — жалобы пациентов на плохое отношение медперсонала

Порядок предпочтения организационных форм помощи со стороны краевых органов управления здравоохранением выглядит следующим образом. Самый высокий рейтинг имеет такая форма помощи, как методическое руководство (52% ответов), затем следует организация курсов повышения квалификации для сотрудников кадровых служб и специалистов по кадрам (43% отвечавших). Для 36% респондентов интерес представляет целенаправленное обучение специалистов по кадровой работе в вузах по соответствующим специальностям, 32% специалистов согласны с проведением лекций и конференций по проблемам управления персоналом.

Таким образом, выявленные в ходе исследования характеристики кадровой работы позволяют утверждать, что в современных ЛПУ доминирует пассивная кадровая политика, для которой характерно отсутствие выраженной программы действий в отношении персонала, а кадровая работа сводится к ликвидации негативных последствий. Одной из проблем осуществления кадровой работы в ЛПУ является ее слабая структурированность, проявляющаяся в отсутствии в большинстве больниц служб управления персоналом. На качество кадровой работы оказывает влияние недостаточный уровень профессиональной подготовки специалистов.

© 2005 г.

А.Г. ГУСЛЯКОВА

СОЦИОЛОГИЯ СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ В КОНТЕКСТЕ НЕОВИТАЛИЗМА

Социальная работа как явление общественной жизни в современном виде (институционально) возникла во второй половине XIX — начале XX в. Она стала результатом усложнения жизнедеятельности человека и общества, развития гуманистических традиций социального бытия, следствием эволюции производства и социальной сферы, роста влияния последней, а также доли занятого в ней трудоспособного населения. Со всей остротой встал вопрос о выживании человека в новых социально-исторических и природных условиях. Это активизировало разработку проблем социальной работы, поиска адекватных ей социальных концепций.

Обычно концептуальные основания социальной работы представляются в виде малых (частных) научных парадигм, совокупности которых могут составлять *традицию*, т. е. общий подход в социальном мышлении. Факт существования малых парадигм, «соперничающих» моделей социальной работы не может опровергнуть того, что существует и несколько фундаментальных традиций, которые могут доминировать при определенных социальных и научно-теоретических условиях. Так, например, по мнению М. Пейна, основная парадигма социальной работы в 1970–1980-х гг. в США и Великобритании, опираясь на психоанализ и гуманистическую этику, превратилась в нечто самостоятельное, представляемое теориями и практикой психосоциальной работы. При этом шло активное

формирование и «использование» и других парадигм¹.

Как правило, выделяются четыре социологические парадигмы, которые использовались для анализа различных социальных теорий, в том числе и теорий социальной работы: «радикально-гуманистическая», «радикально-структурная», «интерпретативная» и «функционалистская». Причем некоторые авторы считают, что эти парадигмы представляют собой альтернативные взгляды на социальную действительность и, соответственно, определяют и подход к ее рассмотрению с разных точек зрения. Можно, например, оперировать различными парадигмами последовательно, но нельзя одновременно оперировать более чем одной парадигмой в конкретный момент времени, так как, принимая положение одной парадигмы, мы тем самым отрицаем положения всех остальных².

В настоящее время в области социальной работы наиболее отчетливо проявляются два основных аспекта развития знаний, причем на разных уровнях. Первый связан с эмоционально-психологическим объяснением поведения индивида и групп, развитием прежде всего психодинамической модели социальной работы. Второй — с ростом влияния в этой сфере социологических теорий и развитием социолого-ориентированных моделей социальной работы.

В 1988 г. Хоув отмечал, что социологический анализ социальной работы до сих пор недостаточен³ (и об этом говорят отдельные зарубежные ученые,

например, Дэвис, Сибсон и др.). Вместе с тем возникают и некоторые «возмущения» вторжением социологии в данную область исследований. В этой связи возникли своего рода два направления: приверженцы одного выступают против развития «социологии социальной работы», другие считают, что «социология социальной работы» — основа (базис) конструирования современной социальной работы.

Еще в 1970-х гг. Херад заявил, что недальновидно не развивать социологию социальной работы. В последующие три десятилетия осуществлялась определенная работа в этой области. Так, некоторые ученые, занимающиеся социологическими исследованиями (Вэбб, Эванс, Хардикер, Баркер, Роджек и др.), предлагали внести существенный «социологический вклад» в анализ социальной работы, подразумевая при этом соответствующую социологическую подготовку специалистов в области социальной работы. В свою очередь члены академических ассоциаций социальной работы участвовали в комплексных исследованиях совместно с социологами, социальными политиками, философами, а затем осуществляли аналитический анализ полученных результатов с точки зрения социальной работы (Стивенсон, Тимнес, Хоув, Харрис, Вэбб и др.).

Необходимо иметь в виду, что социологическое знание не просто привлекается для объяснения фактов социальной практики. Цель социологии социальной работы — интеграция знаний о социальной работе. Данная социология по сравнению с социологией в или для социальной работы может быть определена как стремление представить «относительные» социологические знания в форме теоретического осмысления эмпирических фактов, адресованного практиками и политиками.

В социальных науках, как и в естественных, «безупречное» исследова-

ние далеко от «забот» практиков. Поэтому можно согласиться с некоторыми исследователями (например, с Сибсоном), что социология социальной работы, «следующая» за результатами социальной работы, выносимыми на обсуждение практиков, есть практическое движение ее по отношению к социологии в или для социальной работы. Правда, эта точка зрения носит дискуссионный характер. «Обслуживающая» роль социологии для социальной работы проблематична. И в связи с этим нет однозначного ответа на вопрос: как социология относится к социальной работе. Необходимо уточнить, «какую» социальную работу имеют в виду и по отношению к какой социальной работе рассматривается сопоставление социологии и социальной работы.

Представляется целесообразным социологию социальной работы рассматривать как отраслевую теорию виталистской социологии, которая до сих пор практически не была объектом специального исследования в отечественной социологии и социальной работе. Хотя уже к середине XX в. многие исследователи стали понимать недостатки узкопрагматического подхода к социальной работе. В фокусе виталистской социологической парадигмы находится проблема взаимодействия жизненных сил человека и его жизненного пространства. Именно в рамках неклассических социологических парадигм возникает новая перспектива развития теории социальной работы, совершенствования моделей и технологий организации помощи нуждающимся, поддержки физического, психического и социального здоровья человека⁴. Формирование системы социальной защиты населения предполагает ориентацию на главную цель: оказание такой социальной поддержки, которая гарантирует реализацию индивидуальной и социальной субъектности, обеспечение каждому человеку доступной помощи

в преодолении кризисных ситуаций, решении сложных жизненных проблем путем предоставления медицинской, психологической, педагогической и других форм помощи.

При этом важно знать, каково сегодня общество, в условиях которого нужно осуществлять помощь человеку, имеющему те или иные проблемы. Не менее значимы и особенности человека как представителя определенной социальной группы (половозрастной, национально-этнической, профессиональной, социально-иерархической, социально-территориальной, имущественной, социально-классовой и др.). Все то затрагивает проблему достоверности научного знания. Для второй половины XX в. характерны не только появление новых больших социологических теорий, модернизация классических социологических парадигм, но и активная разработка среднеуровневых и отраслевых социологических теорий. Они помогают связать, соединить методологический, теоретический уровень социологии с эмпирическим. В отличие от большинства социологических парадигм виталистская социология предлагает комплексное, интегративное видение проблем социальной работы (рис. 1).

Рассмотрение социологии социальной работы в контексте виталистской концепции актуально в силу того, что человечество начала XXI в. не может игнорировать проблему поиска оптимальной формы социальной организации, позволяющей сохранить среду обитания людей на Земле, а также дать возможность усложняющемуся обществу и человеку определить новую, безопасную перспективу цивилизационного развития. Представляется важным коренным образом повысить культуру социального взаимодействия населения нашей планеты, совместности его бытия. А это налагает особую ответственность на социологию и на другие науки о человеке и обществе.

Исходные понятия виталистской социологической парадигмы — категории «жизненные силы» и «жизненное пространство» человека как биопсихосоциального существа, субъекта общественных отношений⁵. Определение понятия «жизненные силы человека» чаще всего сводится к способности людей воспроизводить и совершенствовать свою жизнь индивидуально-личностными и организационно-коллективными средствами. Это определение позволяет использовать в социологи-

Рисунок 1. Парадигма и содержание теории социальной работы

ческом анализе понятия «индивидуальная субъектность» и «социальная субъектность» человека. Осмысление различий субъектности, способов жизнеосуществления, связанных с характером мотивации деятельности людей, содействует более глубокому пониманию формирования, специфики реабилитации жизненных сил представителей различных слоев общества.

В настоящее время наметился ряд направлений исследований в социологии социальной работы. Среди них взаимодействие моделей социальной политики и форм социальной защиты представителей разных социальных групп. В современном обществе существуют различные модели социальной политики, причем сложно отдать предпочтение одной из них. Несомненно, социальная политика должна опираться на гибкую стратегию, позволяющую теории и практике взаимно обогащать и дополнять друг друга. В свою очередь эффективная модель социальной политики должна отвечать требованиям устойчивого общественного развития, принимать во внимание специфику конкретной ситуации. Иначе говоря, быть способной на оперативное реагирование в условиях быстрого изменения объективных и субъективных факторов, определяющих жизнеосуществление представителей тех или иных социальных групп. И в данном случае наиболее эффективной является модель социальной политики, опирающаяся на виталистскую социологию, которая в отличие от большинства других теоретических парадигм предполагает комплексное интегративное видение проблем социальной политики на уровне как России в целом, так и ее отдельных регионов.

На основе виталистской социологии, во-первых, возможен анализ воспроизводства и совершенствования жизни человека в сфере государственного регулирования общественной

жизни, бизнеса и «третьего сектора»; во-вторых, анализ соотношения жизненных сил и жизненного пространства бытия человека в плане их дифференциации, осмысления различий, логики взаимодействий.

Второе направление исследований — влияние экологических факторов на организацию жизнедеятельности представителей разных социальных групп. Связь экологии и социальной работы привлекает внимание многих исследователей. В частности, в выступлении С. Бондер на Международном конгрессе по проблемам социальной работы в 1998 г. в Иерусалиме подчеркивалось, что длительное время в качестве объекта социальной работы рассматривалась социально-проблемная ситуация относительно клиента⁶. В конце XX в. социальная работа стала рассматриваться и с точки зрения характера воздействия на человека элементов окружающей среды. В соответствии с этим вопрос об обязательствах человека к самому себе и социальному окружению усложняется. Социальные работники должны быть обеспокоены возникающим кризисом цивилизации.

Третье направление — социальные показатели качества жизни населения и его жизненного потенциала. Обеспечение качества жизни людей составляет самостоятельную исследовательскую проблему⁷. Даже краткий обзор существующих подходов к определению качества жизни и выявлению его основных характеристик позволяет заметить, что для дальнейшего развития этого направления исследований необходимо выйти за рамки классической науки, в которой различные подходы к качеству жизни не дополняют друг друга, а порой логически противоречат друг другу. В контексте неклассической социологии, а именно социологической концепции жизненных сил, индивидуальной и социальной субъектности человека, можно найти эффективные спо-

собы рассматривания проблемы качества жизни.

Четвертое — оптимизация механизмов и факторов, обеспечивающих общественное благосостояние, в том числе и социальную безопасность населения. Это прежде всего означает общественную безопасность в широком смысле, значимость которой в начале XXI в. в связи с ростом терроризма особенно актуальна. В узком — обеспечение, во-первых, социальными услугами представителей различных групп населения, во-вторых, поддержание благосостояния наиболее слабых слоев населения⁸.

Пятое направление можно обозначить как взаимодействие государства, бизнеса и «третьего сектора» по осуществлению социальной защиты населения. С середины 1980-х гг. во многих странах Европы началось сокращение государственного бюджета, направляемого на социальное обеспечение граждан⁹. В связи с этим возникла проблема регулирования соотношения государственного и добровольно-частного обеспечения. Поэтому в последнее время особый интерес представляют модели формирования и функционирования частных социальных бюро, добровольческих организаций, а также такие формы поддержки, как группы самопомощи и взаимопомощи.

К сожалению, проблема взаимодействия государственных форм социальной защиты и добровольно-частных объединений и бюро пока еще не стала объектом внимания ни со стороны государства, ни со стороны исследователей, ни со стороны практики социальной работы. Правда, в отдельных регионах России при социальных службах формируются группы самопомощи и взаимопомощи, но чаще всего их организация носит стихийный характер, поэтому, возникнув, они быстро распадаются. Кроме того, технологии и методики работы с ними недостаточно профессионально разработаны.

Шестое — выявление специфики организации социальной работы в разных типах поселения. Так, с 1970-х гг. в США социальная работа на селе рассматривается как специализированный тип практической деятельности, и некоторые учебные заведения, готовящие социальных работников, помогают студентам и аспирантам адаптировать их обучение к реальностям сельской практики. В других странах существуют иные типы поселений, характер которых учитывается при подготовке социальных работников. Для России с ее многообразием поселенческих структур важна дифференциация как подготовки специалистов по социальной работе, так и моделей организации помощи населению в разных населенных пунктах — от большого города до маленькой деревни¹⁰.

Нам представляется, что в начале XXI в. возрастает актуальность рассмотрения социологии социальной работы в системе социологического знания как отраслевой теории неовитализма.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Пейн М.* Современные теории социальной работы. Хемпшир; Лондон, 1991 (на англ. яз.).
2. *Burrell G., Morgan G.* Sociological Paradigmes and Organisational Analysis. Vermont, 1994.
3. *Howe D.* An Introduction to the Social Work Theory. Cambridge, 1987.
4. *Григорьев С.И., Гуслякова А.Г.* Социология для социальной работы. М., 2002.
5. Современное общество и личность в социологии жизненных сил человека. Т.1. Жизненные силы человека: основы формирования социологической концепции / Под ред. С.И. Григорьева, Л.Д. Деминой. Барнаул, 1999.
6. *Бондер С.* Социальная работа в экологической перспективе: от обще-

- ственного благосостояния к качеству жизни // Социальная работа в XX веке: основные направления развития теории и практики (отечественный и зарубежный опыт): Хрестоматия / Сост. и науч. ред. С.И. Григорьев, А.Г. Гусякова. М., 2003. Т. 1.
7. *Гусякова А.Г., Лига М.Б.* Качество жизни в контексте неклассической социологии // Неклассическая социология в современной России: накопление методологического потенциала и технологических возможностей. Барнаул-М., 2003.
8. *Квинзент В.* Роль общественного благосостояния в защите прав человека в Китае // Социальная работа в XX веке: основные направления развития теории и практики (отечественный и зарубежный опыт): Хрестоматия / Сост. и науч. ред. С.И. Григорьев, А.Г. Гусякова. М., 2003. Т. 1.
9. *Брели Ю.Б.* Условия и барьеры кооперации общественного и свободного институтов социальной работы // Социальная работа в сельских регионах в образовании в области социальной работы: Материалы докладов и выступлений Международной конференции г. Барнаул, 17–21 сентября 1995 г. / Под ред. С.И. Григорьева, А.Г. Гусяковой. Барнаул, 1997.
10. *Гусякова А.Г.* Особенности подготовки специалистов по социальной работе для сельского социума // Социальная работа в сельских регионах и образование в области социальной работы. Барнаул, 1997.

© 2005 г.
С.Г. МАКСИМОВА

МЕХАНИЗМ ВОЗДЕЙСТВИЯ СИСТЕМЫ СОЦИАЛЬНОЙ ЗАЩИТЫ НА АДАПТАЦИЮ ЛИЦ ПОЖИЛОГО И СТАРЧЕСКОГО ВОЗРАСТА

Социальные проблемы старения возникли вместе с развитием общества¹. Они выражались в том, какую позицию общество занимало по отношению к стареющим и старым людям и какое место занимали они среди других возрастных групп, какие функции в обществе выполняли.

Процесс старения населения в России происходит на фоне резкого изменения социальной ситуации пожилых людей, формирования новых ценностных ориентации и установок в общественном сознании. Значительное изменение мировоззрения и социального окружения нарушает идентичность пожилых людей, дестабилизирует их психическое состояние, снижает уровень социально-психологической адаптации. Картина общества, предстающая перед человеком, не имеет стабильности, причем неопределенным видится не только будущее, но часто и прошлое. Это дезорганизует пожилых людей, не позволяет им адекватно оценить свою жизнь, осознать ее как достойную, прожитую не зря. Такое состояние усиливает у пожилых людей напряженность (фрустрацию), вызванную неудовлетворительным самочувствием в связи с возрастными изменениями в организме и новым, непривычным статусом, обусловленным выходом на пенсию.

Социальные исследователи², изучающие феномен старости, были едино-

душны в том, что геронтологический анализ должен охватывать биологические, психологические и социальные аспекты старения, т. е. закономерности эволюции живых организмов, включая человека, особенности внутриличностного переживания опыта старости, специфику положения престарелых в разных социальных системах. В развитии современного научного знания о старости можно выделить три основных направления: изучение старения как процесса в его биологическом и психологическом измерениях; институциональный подход, акцентирующий проблемы социоэкономического статуса и социальных ролей престарелых; наконец, историко-культурологический анализ, сопоставление различных представлений о старости и социальных подходах к ее оценке. В рамках этих направлений создаются различные модели социogerонтологического знания, предмет которого составляют, таким образом, процесс старения в его социоисторической динамике, во-первых, и социальное положение и психологический опыт пожилых как специфической социовозрастной группы, во-вторых.

Развитие знания о старости и престарелых предполагает разработку геронтологической парадигмы. Формирование такой парадигмы в геронтологии как социальной науке связано с неоднозначным пониманием сущности про-

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда, грант № 04-03-00256а

блем, связанных с процессом и результатом старения, и различными способами их решения. Так, выделяются пять основных парадигм, в рамках которых осуществляется сегодня теоретическое осмысление старости³.

Первая из них связана с интерпретацией социальных проблем в терминах социальной патологии. С этой точки зрения трагедия старения заключается в том, что индивид перестает отвечать критериям «нормы» (нормальности) в физиологическом, психологическом, коммуникативном, производственном и прочих отношениях. Независимо от того, каким образом исчисляются здесь нормативные критерии (на основе статистической нормы, медицинских или психосоциальных стандартов либо моральных предписаний), «патологическое» измерение социальных проблем престарелых ограничивает их решение уровнем отдельного индивида без каких-либо рекомендаций, касающихся перестройки социальных отношений и структур. Антиподом этой парадигмы является мораль, где точкой отсчета выступает уровень организации социального целого, степень взаимосвязи его частей⁴. Соответственно источником социальных проблем будет здесь нарушение стройности социальной системы, ее дезорганизация. Применительно к положению престарелых в современном обществе можно говорить о разрушении вследствие индустриализации и урбанизации традиционного образа жизни и порожденного им образа старости как синонима житейской и профессиональной мудрости. С этих позиций решение социальных проблем престарелых предполагает те или иные макроструктурные изменения.

В рамках третьей парадигмы⁵ рассматриваются социальные проблемы, выступающие как явный или скрытый конфликт ценностей. Проблема старения заключается в неизбежности непрерывного конфликта между потребнос-

тями индустриального рынка, нуждающегося в притоке свежей рабочей силы, и стремлением стареющего индивида актуализировать ценность своего социального и личного «я» посредством продуктивного труда. Четвертая парадигма рассматривает возникновение социальных трудностей через призму концепции девиантности⁶. Пассивность стариков, их социальное отчуждение, уход в себя и тому подобные атрибуты старости трактуются в данном случае как варианты отклоняющегося поведения. Пятая модель базируется на теории «наименования»; проблемы старости интерпретируются здесь как следствие неадекватного ее восприятия или «навешивания ярлыков» (старый, слабый, больной, бедный и т. п.)⁷.

Не все существующие геронтологические концепции развиваются в пределах названных парадигм. Исключение составляют, например, попытки понять феномен старения с позиций концепции жизненного цикла. Здесь чаще всего обращаются к психоаналитической традиции: к теориям З. Фрейда, К. Юнга, Э. Эриксона и др.⁸ Концепции Э. Эриксона нередко отдают предпочтение, так как он раздвинул хронологические рамки классического психоанализа и представил жизненный цикл личности как последовательную смену восьми фаз: раннего младенчества, раннего детства, позднего детства, юности, поздней юности, периода «продуктивности» (зрелости) и старости. Недостатки теории развития: жесткий, «нормативный» характер периодизации и смены жизненных этапов, а также трудность эмпирической проверки. Наибольший интерес такой подход представляет для геронтологов, изучающих психологические аспекты старости.

Особое внимание уделяется теории символического интеракционизма, которая дает возможность «эмпиричес-

ки проследить динамику старения» посредством обращения к символическим аспектам взаимодействия пожилых людей с окружающей социальной средой, а также проанализировать формы приспособления к изменяющимся условиям жизни. В данном подходе специальный интерес представляют такие темы, как адаптация пожилых в домах престарелых⁹; ролевые изменения, связанные с увольнением и пенсией¹⁰, роль «клубов пожилых»¹¹.

Существуют также подходы¹², акцентирующие маргинальность пожилых людей, их положение социальных изгоев, удел которых — низкие доходы и скудные возможности. Сторонники данного подхода уделяют особое внимание изучению субкультуры пожилых, обусловленной сходными условиями жизни и общими бедами. Очевидной слабостью этой точки зрения считается тот факт, что здесь не находит отражения социальная неоднородность пожилой части общества.

Наконец, теория возрастной стратификации¹³ позволяет рассматривать общество как совокупность возрастных групп и таким образом отразить обусловленные возрастом различия в способностях, ролевых функциях, правах и привилегиях. Основанием для такой стратификации служит хронологический возраст. В рамках этого подхода на первый план выдвигаются такие проблемы, как место пожилых в обществе, индивидуальное перемещение из одного возрастного страта в другой, механизмы распределения социовозрастных ролей и т. п. Такая позиция позволяет охарактеризовать престарелых в терминах демографических показателей, проследить их взаимоотношения с прочими возрастными группами.

В геронтосоциологии выделяют также социально-психологические подходы к изучению позднего периода жизни: пессимистическим, таким как «дефицитная модель старения», «теория

освобождения от дел», «концепция разобщения»¹⁴, на смену приходит тенденция к принятию «ограниченного», «модифицированного неоптимизма» и др.

Согласно теории «освобождения от дел», или «разобщения» (disengagement), разобщение состоит в разрыве связей между личностью и обществом, уменьшении энергии и ухудшении качества тех социальных связей, которые еще сохраняются между ними. Это психосоциальное явление особенно свойственно людям в предпенсионном и пенсионном возрасте, что обусловлено естественным изменением психики стареющего человека с одной стороны, и внешними социальными воздействиями — с другой. Оно может проявляться как в ослаблении социальных контактов и специфическом отстранении более молодых поколений и общества в целом от пожилых людей¹⁵, так и в выходе на пенсию и связанной с этим утрате социального статуса¹⁶, в уменьшении информации, которую обеспечивал этот статус, в спаде коммуникабельности. В то же время разобщение проявляется в психологической сфере: изменяются мотивация, интересы, сужается их круг, они сосредотачиваются на внутреннем мире личности.

Связывая явления разобщения с незанятостью, полагают, что последняя — совокупный процесс, объясняемый и психикой индивида, и вмешательством общества, включающего или исключаящего его из социальной деятельности. При этом подчеркивают примат психологического фактора, считая, что даже в том случае, когда пожилой человек свободен от обязанностей перед обществом, он остается в плену своих потребностей и внутреннего долга перед самим собой. Исходя из такой точки зрения, пожилым и старым людям приписывают интровертированность, самоуглубление, эгоизм, себялюбие.

Считается, что старикам приходится сталкиваться с ограниченным будущим и застывшим прошлым¹⁷. Все их планы свершены либо оставлены, их жизнь уже завершилась как бы сама по себе, они ничего от нее не хотят, им нечего делать. Подчеркивается, что «особую роль в эмоциональных переживаниях стариков играет сознание удавшейся или неудавшейся жизни. Если последствия жизненных ошибок серьезные и непоправимы, могут появиться мрачное настроение, тоска, замыкание в себе, чувство безнадежности и т. д.»¹⁸. Причем предполагается, что для большинства людей старость безрадостна и счастливые старики встречаются пока довольно редко.

Тенденция к принятию «ограниченного», «модифицированного неоптимизма» характерна для ряда работ¹⁹. Здесь подчеркивается, что необходимо учитывать не только внутрилличностные процессы, но и взаимодействие пожилых людей с ближайшим социальным окружением и обществом в целом. Предлагается модель старения — «обмена», или «ассимиляции и отдачи», соединяющая некоторые позитивные положения теорий пассивности и активности²⁰. Ассимиляция включает в себя наряду с получением прямой помощи процессы обучения, познания, оценки и контроля опыта.

И пессимизм, и ограниченный оптимизм многих моделей старения не случайны, что показывает и сознательно или невольно обосновывает теоретически то неблагоприятное положение, в котором находятся люди старшего поколения. Поэтому особое внимание в последнее время как в российской, так и зарубежной геронтологии уделяется проблеме социальной адаптации престарелых людей, под которой понимается то, как они приспосабливаются к обществу и как общество приспосабливает пожилых и престарелых людей к себе.

Изучение особенностей социально-го механизма воздействия системы социальной защиты через формирования социальных аттитюдов общества к старшему поколению в контексте социально-психологической адаптации лиц пожилого и старческого возраста в современных нестабильных социально-экономических условиях представляется крайне важным. Наша гипотеза заключается в том, что формирующиеся в обществе стереотипы по поводу положения нетрудоспособного населения старших возрастных групп оказывают влияние на возникновение неадекватной геронтологической политики по отношению к лицам пожилого и старческого возраста.

При разработке стратегии исследования, методологической и методической основы описания объекта исследования и выбора методов анализа была использована концепция комплексной оценки жизненных сил человека, его индивидуальной и социальной субъектности²¹. Такая методологическая база позволила использовать междисциплинарный подход, сочетающий элементы социологического и социально-психологического и психологического анализа.

На этапе социологического анализа было проведено социологическое анкетирование, по результатам которого охарактеризовано социальное положение лиц пожилого и старческого возраста. На этапе психологического анализа психологические особенности лиц пожилого и старческого возраста определялись с помощью стандартизированных процедур: 1) опросника самооценки Столина; 2) методики Розенцвейга рисуночной фрустрации; 3) опросника уровня субъективного контроля; 4) ММРІ. Тесты на уровень адаптации: 1) опросник социально-психологической адаптированности Роджерса; 2) опросник нервно-психического напряжения; 3) шкала астении-

ческого состояния; 4) шкала сниженного настроения субдепрессии. На этапе социально-психологического анализа формирования социальных установок в обществе было основано на применении психосемантического подхода, т. е. *реконструкция индивидуальной системы значений, через призму которой происходит восприятие субъектом мира, других людей, самого себя, а также изучение ее генезиса, строения и функционирования. Экспериментальная парадигма психосемантики включает в себя использование аппарата многомерной статистики для выделения категориальных структур сознания субъекта*²².

Эмпирическую базу научного исследования составили данные государственной статистики, результаты и материалы социологических исследований, проводимых в Алтайском крае в 21 районном Комитете Администрации Алтайского края по социальной защите (выборочная совокупность — 242 человек), 23 стационарных учреждениях социального обслуживания. Выборочная совокупность обследованных социальных работников — 600 человек; лиц пожилого и старческого возраста — 800 человек.

Социологический анализ социального положения нетрудоспособного населения старших возрастных групп. Демографическая ситуация в Алтайском крае характеризуется активным процессом старения населения. При населении в 2 653 000 людей в возрасте старше 60 лет — 549 637. Численность людей старше 80 лет — 51 821. Индекс долгожительства, определяемый как процентное соотношение числа долгожителей к числу жителей старше 60 лет, т. е. к общему числу пожилых, для нашего края составляет 0,094 и имеет тенденцию к росту (0,087 в 1998 г.). На 14% увеличилась численность лиц пенсионного возраста в период с 1990 по 2000 г.

По результатам психологического исследования можно сделать следующие выводы.

1. Интегрированная и дифференцированная оценка социальных и психологических особенностей позволяет выявить преимущественную ориентацию лиц престарелого и старческого возраста на внутренние переживания, неадекватное эмоциональное реагирование на фрустрирующие ситуации социальной среды. Как правило, наблюдается затруднение социальных контактов, и эта социальная изоляция в сочетании с затруднением психической адаптации вызывает усиление реакций вегетативного типа на очень слабые стрессорные воздействия.

2. «Стресс-возраст-синдром» как интегральный фактор, влияющий на адаптацию лиц пожилого и старческого возраста в условиях учреждений социального обеспечения, охарактеризован как результат взаимодействия биологических, психологических и социальных особенностей жизнеосуществления. Взаимное влияние социальных факторов и «стресс-возраст-синдрома» может приводить к глубоким нарушениям социальной и психологической адаптации представителей социальной группы пожилого и старческого возраста (наиболее ярко это выражается в начальный период пребывания в доме-интернате).

3. Половозрастные различия являются важными факторами и условиями адаптации при оптимизации социальной защиты лиц пожилого и старческого возраста: наблюдается динамика изменения социально-психологической адаптации лиц престарелого и старческого возраста в зависимости от длительности проживания в условиях стационарного учреждения социального обеспечения; выявлены кризисные периоды адаптации (у мужчин на 1 год и 3 года проживания; у женщин на 1 год и 5 лет); актуальное состояние социальной адап-

тации в значительной степени определяется индивидуальным типом реагирования и проявляется в изменении степени выраженности личностных качеств; для женщин пожилого и старческого возраста характерна дезадаптация по социально-поведенческому типу, мужчинам пожилого и старческого возраста свойственно формирование невротического паттерна дезадаптации.

Психосемантическое исследование межпоколенных установок межличностного взаимодействия. Методом исследования и одновременно формой модельного представления категориальных структур сознания явилось построение семантических пространств на базе категорий, описывающих межличностное взаимодействие (выделенные на основе методики «Интерперсональной диагностики Т. Лири»). На основе глубинного интервью по 128 характеристикам межличностного взаимодействия были выделены шкалы дескрипторы (54 характеристики, которые образовывали 27 биполярных шкал). В качестве объектов оценки, выражающих межпоколенные обобщения и стереотипы, были взяты 8 понятий (ролевых позиций в терминах Дж. Келли), представленных следующими смысловыми блоками: «Я в настоящем», «Я в прошлом», «Я в будущем», «Идеальное Я». «Старшее поколение (как социальная группа)»; «Молодое поколение (как социальная группа)»; «Близкий молодой человек»; «Близкий пожилой человек».

Полученные матрицы корреляций в группе социальных работников высшего и среднего звена отражают невысокую степень когнитивной дифференцированности семантического пространства испытуемых. Но необходимо отметить, что при сравнении суммарных групповых решеток по половому признаку с использованием индекса Баннистера выявилось, что у мужчин семантическое пространство имеет бо-

лее сложную когнитивную структуру (относительная сумма квадратов коэффициентов корреляций 0,958 у мужчин и 1,178 у женщин). То есть социальные представления о людях у женщин отличаются меньшей дифференцированностью; многие личностные характеристики, отражающие разные стороны межличностного восприятия и взаимодействия, воспринимаются ими как нечто единое, однозначное.

Сравнение по возрастному признаку выявило, что наиболее четко выделяют нюансы человеческих взаимоотношений испытуемые в возрасте 35–40 лет, в то время как люди более старшего возраста и молодые люди в своих оценках более однозначны и категоричны. Что касается такого критерия сравнения, как уровень образования респондентов, то уровень когнитивной сложности снижается при повышении уровня образования. Возможно, это связано с тем, что, имея высшее и среднее специальное образование и соответственно занимая более высокие руководящие должности, испытуемые в своих оценках старались дать более общую картину исследуемой проблемы, невольно объединяя конструкты и упрощая семантическое пространство.

Сравнительный анализ данных, полученных в группе социальных работников руководящего звена, по половому признаку позволяет сделать следующие выводы:

1. Структура семантического пространства в группах мужчин и женщин имеет некоторые общие черты. В обеих группах основная нагрузка приходится на фактор, объединяющий в себе характерологические черты доброжелательного, открытого, оптимистично настроенного человека, хотя женщины основной акцент делают на те черты личности, которые позволяют создавать и поддерживать хорошие межличностные отношения, а мужчины — на активную жизненную позицию и способность преодолевать трудности.

2. Социальные представления, которые сложились в обеих группах испытуемых по отношению к молодому поколению в целом, имеют самую негативную окраску. Отрицательную оценку дают испытуемые и поколению стариков. И те, и другие неприятные, вспыльчивые, нетерпимые, безразличные, замкнутые, нервные и так далее. Но старики хотя бы «осознают», какие они есть, и пытаются примириться с жизнью, принять ее и сохранить сострадание и сочувствие к другим людям.

3. И мужчины и женщины не отождествляют себя ни с поколением молодых, ни с поколением пожилых людей, самооценка в обеих группах дается в положительных тонах.

4. Испытуемые-женщины негативно воспринимают близкого пожилого человека, оценка которого в данной группе почти совпадает с оценкой старого поколения в целом. Для испытуемых-мужчин характерно то, что себя в старости они отождествляют с близким пожилым человеком и эти социальные роли имеют наиболее положительные характеристики.

5. В обеих группах динамика самооценки (Я в прошлом — Я сейчас — Я в старости) имеет положительную направленность. И мужчины, и женщины считают, что «идеальное Я» — это понятие почти недостижимое, оно противоположно представлениям о поколениях старых и молодых людей в целом, но испытуемые (и мужчины, и женщины) считают, что в старости они будут более близки к идеалу, чем в настоящее время.

Для сравнительного анализа, учитывая возраст, испытуемые были разделены на следующие группы: испытуемые в возрасте 25–30, 30–35, 35–40, 40–45, 45–50 и 50–55 лет.

1. Семантическое пространство 30–35-летних. В этой группе испытуемые дают крайне негативные оценки как старому, так и молодому поколениям в

целом. Но диаметрально расходятся представления испытуемых о старом поколении вообще и близком пожилом человеке в частности. Если поколение стариков получило крайне негативные характеристики, то оценка близкого пожилого человека дается с использованием положительно окрашенных конструктов. В группе испытуемых 30–35 лет наблюдается отторжение представлений о близком молодом человеке от представлений о себе, т. е. к 30–35 годам испытуемые полностью отделяют себя от молодого поколения.

3. Социальные представления о старости и пожилых людях в группе испытуемых 45–50 лет. В этой группе наблюдается тенденция сближения оценок старого поколения и близкого пожилого человека, а также молодого поколения и близкого молодого человека. Основное отличие испытуемых выявляется при анализе динамики развития самооценки. Испытуемые 45–50 лет оценивают свои возможности более пессимистично: «Я сейчас хуже, чем был когда-то, и конечно еще отодвинулся от своих представлений об идеальном я; но в старости я стану еще менее терпеливым и уживчивым, хотя и не опущусь до такой степени, как эти старики вообще».

4. Представления о старости у испытуемых в возрасте 50–55 лет являются как бы зеркальным отражением представлений молодежи (испытуемые 25–30 лет) о старости. В обеих группах сохраняется тенденция развития самооценки по схеме: я сейчас немного хуже, чем был раньше, но к старости я сильно приближусь к своему идеалу и стану добрым, уравновешенным, приятным и доброжелательным. Но если молодые люди (25–30 лет) давали диаметрально противоположную оценку старикам вообще (плохие) и близкому пожилому человеку (хороший), то в группе испытуемых пожилого возраста (50–55 лет), наоборот, в целом мо-

лодое поколение получает отрицательные характеристики, в то время как близкий молодой человек оценивается самым положительным образом.

Таким образом, независимо от пола, возраста и образования представления о старом поколении у социальных работников руководящего звена носят негативный характер. Молодое поколение в целом воспринимается не только в отрицательных характеристиках, но и менее здоровым, серьезным и способным преодолевать трудности, чем старое поколение. Можно говорить о существовании устойчивого стереотипа, который присущ всем испытуемым, независимо от пола, возраста и образования: «я в старости буду лучше, чем сейчас, и лучше, чем все известные мне старики, так как я знаю, как трудно молодым общаться со старыми людьми». Независимо от пола, возраста и образования испытуемые не склонны отождествлять себя ни с молодым, ни со старым поколением вообще.

Исследование семантического пространства, отражающего социальные представления о старости и людях пожилого возраста, было проведено в группе социальных работников стационарных учреждений социального обслуживания. Сравнительный анализ результатов с учетом уровня образования позволяет сделать следующие выводы:

1. Сохраняя во всех трех группах одинаковую полярность: «хорошие» старики и «плохой» близкий пожилой человек — противопоставление этих социальных ролей имеет тенденцию приближаться к крайним значениям по мере повышения уровня образования испытуемых.

2. Только социальные работники с высшим образованием воспринимают молодежь как более здоровую и жизнеспособную.

3. Во всех трех группах независимо от уровня образования наблюдается тенденция линейного развития само-

оценки по следующей схеме: «в прошлом я был лучше, чем сейчас, а в старости стану еще хуже». Можно говорить о существовании устойчивого стереотипа «чем старше, тем хуже».

4. В то же время необходимо сделать акцент на существовании противоречия, которое наблюдается во всех подгруппах: при ярко выраженной положительной характеристике старого поколения вообще испытуемые склонны присваивать себе в старости весьма отрицательные характеристики.

Независимо от возраста у испытуемых прослеживается динамика снижения самооценки по линии «я в прошлом — я сейчас — я в старости». С увеличением возраста испытуемых в позитивную сторону изменяются представления о старом поколении вообще. Представления о молодом поколении не изменяются с возрастом испытуемых и во всех группах остаются крайне негативными. Положительное представление о близком молодом человеке связано с определенными фазами жизни (определенным возрастом), когда эта социальная роль ассоциируется испытуемыми или с собственным ребенком, или с внуком. Чем старше сами испытуемые, тем более негативно они воспринимают близкого пожилого человека, в то время как представления о старом поколении вообще связаны с положительными характеристиками.

Таким образом, проведенные исследования ярко показывают комплексный и амбивалентный характер установок молодого и среднего поколения к старшему поколению.

Понимание возможных способов социального регулирования процесса старения в его индивидуальном и групповом проявлениях, все более полное удовлетворение социальных и естественных потребностей старых людей возможны только с помощью содержательного анализа тех проблем социологии и психологии старения, которые

имеют первостепенное значение для системного видения закономерностей завершающего этапа человеческой жизни. Это прежде всего анализ общечеловеческих детерминант демографического и психологического старения, выявление ценностно-гуманистического смысла проблемы долголетия, изучение социально-психологического статуса пожилых, возможности их участия в основных сферах жизни общества после выхода на пенсию, специфики их психологии, мотивов поведения, образа жизни. Анализ ситуации, сложившейся к настоящему времени в науке о старении, в значительной мере определяет направление дальнейших поисков и выбора предпочтительных путей достижения активного долголетия все большим числом людей.

ЛИТЕРАТУРА

2. Карсаевская Т.В., Шаталов А.Т. Философские аспекты геронтологии. М., 1978; Рыбалко Е.Ф. Возрастная и дифференциальная психология: Учеб. пособие. Л., 1990; Чеботарев Д.Ф. Геронтология и современная медицина // 9-й Международный конгресс геронтологов. М., 1986. Т. 1. С. 14; Friis H. Old people in three industrial societies, papers // Sixth Congress of Sociology. Copenhagen, 1966. P. 49; Jomain C. Mourir dans la tendresse // Centurion. Paris, 1984. № 32. P. 21–52; Tibbitts C. Social aspects of aging // Journal of the American Geriatrics Society. 1963. V.11. № 12. P. 75–88; Tulibacki W. Starosc w perspektywie moralnej // Cztowiek i swiatopogled. 1989. № 10. S. 15–19; Victor CH. old age in modern society: A textbook of social gerontology. London, 1987.
3. Tornston L. Gerontology in a dynamic society // Ageing and life course transitions / Hareven T.K., Adams K.J. New York: Guilfordpress, 1982. P. 183–219.
4. Чеботарев Д.Ф. Геронтология и современная медицина // 9-й Международный конгресс геронтологов. М., 1986. Т. 1. С. 14; Александрова М.Д. Очерки психофизиологии старения. Л., 1965; Ананьев Б.Г. Человек как предмет познания. СПб., 2001; Карсаевская Т.В., Шаталов А.Т. Философские аспекты геронтологии. М., 1978; Панин Ю.В., Сачук Н.Н. Роль социально-гигиенических факторов в формировании биологического возраста человека // Геронтология и гериатрия: Ежегодник. 1984. Киев, 1984; Психология личности и образ жизни / Отв. ред. Е.В. Шорохова. М., 1987; Ревуцкая З.Г., Сачук Н.Н., Стеженская Е.И., Григорьев Ю.Г. Актуальные проблемы социальной геронтологии // Социальная среда, образ жизни и старение. Киев, 1970. С. 34–38; Россет Э. Постарение населения — последствие современной демографической ситуации // Марксистско-ленинская теория народонаселения. М., 1974.
5. Victor CH. old age in modern society: A textbook of social gerontology. London, 1987; Tornston L. Gerontology in a dynamic society // Ageing and life course transitions / Hareven T.K., Adams K.J. New York: Guilfordpress, 1982. P. 183–219.
6. Beauvior S. La vieillesse (Essai). Paris, 1970.
7. Социальная геронтология: современные исследования: Реф. сб. М., 1994.
8. Фрейд З. Психология Я и защитные механизмы. М., 1993; Эриксон М. Передовые техники гипноза и терапии. М., 1990; Юнг К. Психологические типы. М., 1992.
9. Болтенко В.В. Изменение личности у престарелых, проживающих в домах-интернатах: Автореф. дис. канд. психол. наук. М., 1980; Ригина А.А. Изучение здоровья, соци-

- альной адаптации и активности лиц старших возрастов, проживающих в домах-интернатах // Старение и адаптация: Тез. и реф. докл. Минск; Киев, 1980.
10. Панина Н.В. Проблемы социальной адаптации пожилых людей к статусу пенсионера: Автореф. дис. канд. филос. наук. М., 1980; Шатифо В.Д. Социальная активность пожилых людей в СССР. М., 1983.
 11. Социальная геронтология: современные исследования: Реф. сб. М., 1994.
 12. Beauvior S. La vieillesse (Essai). Paris, 1970.
 13. Laufer R.S., Bengston V.L. Generations, aging and social stratification: on the development of generational units // J. Social Issues. 1974. Vol. 30. № 3. P. 186; Riley M.W. et. al. Aging and society. Vol. III. A sociology of the stratification. New York, 1972. P. 56–68.
 14. Cumming E., Henry W.E. Growing old. New York, 1962; Rosen J., Neugarten B.L. Ego functions in the middle and later years: a thematic apperception study of normal adults // Journal of Gerontology. 1960. V. 15. P. 62–70.
 15. Friis H. Old people in three industrial societies, papers // Sixth Congress of Sociology. Copenhagen, 1966; Tibbitts C. Social aspects of aging // Journal of the American Geriatrics Society. 1963. V. 11. № 12.
 16. Панина Н.В. Проблемы социальной адаптации пожилых людей к статусу пенсионера: Автореф. дис. канд. филос. наук. М., 1980.
 17. Beauvior S. La vieillesse (Essai).
 18. Алексеевич Г.С. К вопросу об эмоциональной жизни людей пожилого и старческого возраста // Проблемы личности: Материалы симпозиума. М., 1970. Т. 2.
 19. Knowles L.N. (ed.) Maintaining high level wellness in older years. Gainesville, 1965; Rosenmayr L. Elements of assimilation-yield theory // Paper read at the 8th World Congr. of Sociol. Toronto, 1974.
 20. Rosenmayr L. Elements of assimilation-yield theory // Paper read at the 8th World Congr. of Sociol. Toronto, 1974.
 21. Григорьев С.И., Демина Л.Д. Социолог в регионе экологического неблагополучия: Концепция, программа, опыт подготовки. Барнаул, 1994.
 22. Петренко В.Ф. Основы психосемантики. М., 1997; Шмелев А.Г. Введение в экспериментальную психосемантику: теоретико-методологические основания и психодиагностические возможности. М., 1983; Франселла Ф., Баннистер Д. Новый метод исследования личности. М., 1987; Собчик Л.Н. Методы психологической диагностики. М., 1990; Келли А. Дж. Теория личности. СПб., 2000.

© 2005 г.
А.В. КОВАЛЕВА

ФЕНОМЕН РЕФЕРЕНТНОСТИ В РЕКЛАМЕ

Феномен референтности широко используется при изучении социальной мобильности, процессов адаптации личности к различным социальным средам, эффективности средств массовой коммуникации, а также непосредственно в практике формирования социальных коммуникаций, в политической, социальной и коммерческой рекламе.

Данный феномен выполняет важные социальные функции: статусно-информативную, способствующую формированию у индивида представления о его месте в социальной структуре общества, его социальном статусе и эталоне исполнения социальных ролей, соответствующих этому статусу; регулятивную (или нормативную), устанавливающую для личности социальные нормы общества и др. социальных групп, а следовательно, обуславливающую определенный тип поведения; мировоззренческую (ценностно-оценочную), определяющую установки, ценности, идеалы и цели личности.

Изучение проблем референтности началось с идеи Дж. Мида об обобщенном другом, хотя сам термин «референтность» появился позднее. Первым его применил американский психолог Г. Хаймен в 1940-х гг. В отечественной психологии феномен референтности рассматривался на основе идей А.В. Лазурского и Е.В. Щедриной и исследовался в рамках социальной психологии и педагогики. Западные исследователи очень скоро вышли за рамки социальной психологии и применили феномен

референтности для исследования человеческих взаимоотношений в различных областях жизни. В данной статье мы попытаемся осветить возможности феномена референтности в таком важном элементе современных коммуникаций, как реклама.

Привлечение и удержание внимания потребителя к рекламному сообщению является, пожалуй, самой сложной задачей в рекламной деятельности. Среди обилия информации о товарах или услугах нелегко создать рекламное сообщение, выделяющее товар среди аналогов и, таким образом, обеспечивающее достижение маркетинговых целей рекламодателя. У потребителя всегда есть возможность игнорировать рекламу. В практике рекламы существует множество способов повышения ее эффективности.

Один из них выступает феномен референтности, в рамках которого к участию в рекламе привлекают знаменитых персон либо апеллируют к референтной группе.

В российских условиях вопрос эффективности применения референтности остается открытым. История развития западной рекламы дает множество примеров удачной манипуляции имиджем знаменитости в маркетинговых целях предприятия. Удачно подобранный популярный персонаж, максимально соответствующий чаяниям рыночного сегмента, дает рекламодателю дополнительные преимущества в конкурентной борьбе. Участие знаменитости эффективно при рекламе товаров,

очень тесно связанных с определенным стилем жизни.

Но существуют и негативные стороны такого участия. Например, наряду с созданием высокой известности марки нередко уменьшается воспринимаемая информация о характеристиках и преимуществах товара. Апелляция к референтной группе предполагает, что индивид одновременно является членом нескольких групп, разделенных по определенным признакам (национальность, профессия, хобби и т. п.). Реклама не только распространяет ценности определенной группы, но и превращает товар в инструмент приобщения к этим ценностям.

Многоплановость и неоднозначность проблемы использования феномена референтности в рекламе очевидна. Ведь реклама — социальное явление; она один из видов социальной коммуникации, а любой коммуникативный процесс подразумевает участие как минимум двух сторон. Персонаж в рекламе выступает в роли коммуникатора и от восприятия его аудиторией зависит успех рекламной коммуникации. Использование феномена референтности в рекламе позволяет наделять персонаж значимостью в глазах потребителей. Это не только несет экономическую выгоду рекламодателю, но и в определенной степени влияет на общество. Реклама образует часть жизненного пространства каждого человека, воздействующую на его ценностные ориентации.

Мы хотим показать результаты исследования особенностей применения феномена референтности в региональной прессе, не касаясь пока вопросов его эффективности. В ходе исследования решались следующие задачи:

1. Анализ частоты появления референтных персонажей в газетной рекламе, а именно в изданиях «Аргументы и факты» и «Свободный Курс».
2. Описание объема рекламной информации по каждому персона-

жу — эксперту, знаменитости и типичному потребителю.

3. Выявление товаров, наиболее часто рекламируемых с помощью экспертов, знаменитостей, типичных потребителей.
4. Выявление особенностей использования объектов референтных отношений в рекламе, публикуемой в «Аргументах и фактах» и «Свободном курсе»

Нами анализировались материалы всероссийского издания «Аргументы и факты» с января 2003 г. по май 2004 г. и регионального издания «Свободный Курс» за тот же период. Критериями отбора служили рейтинг и тираж газет по Западной Сибири и Алтайскому краю.

Представленные газеты занимают первые места в рейтингах информационно-политических всероссийских и региональных изданий: «Аргументы и факты» — 16,8%, «Свободный курс» — 17,4% (www.comcon-2.ru). Всероссийский тираж газеты «Аргументы и факты» составляет 2 985 000 экземпляров, из них с вкладышем «АиФ-Сибирь» — 120 000. Тираж газеты «Свободный курс» — 31 150 экземпляров.

В рамках исследования нами были выдвинуты следующие гипотезы:

1. В рекламе, размещенной в изданиях «АиФ» и «СК», часто и в большом объеме используется апелляция к объекту референтных отношений.
2. Наиболее часто используемый в рекламе объект референтных отношений — типичный убежденный потребитель.
3. Наибольший объем имеет рекламная информация представленная с помощью типичного убежденного потребителя.
4. Наиболее часто рекламируемая с помощью объектов референтных отношений группа товаров — товары для здоровья и лекарственные препараты.

5. В региональных печатных СМИ наиболее широко используемый объект референтных отношений — эксперт.
6. Знаменитые личности как объект референтных отношений применяются только в рекламе, публикуемой в «АиФ», что обуславливается статусом газеты.

Проведенный анализ показал, что в рекламных материалах, размещенных в региональной прессе, апелляция к объекту референтных отношений (экспертам, знаменитостям, типичным убежденным потребителям) используется довольно часто и в большом объеме. Общая сумма площадей публикаций в газете «Аргументы и факты» составляет 46 541 см², в газете «Свободный курс» — 42 701,5 см². Частота появления в рекламных сообщениях объекта референтных отношений — 2,3 и 1,6 раза в месяц соответственно. Количественный анализ рекламной информации говорит нам о том, что объем рекламных публикаций в региональном издании «Свободный курс» близок к объему рекламной информации во всероссийском издании «Аргументы и факты». Тем не менее существует существенная разница в частоте появления объектов референтных отношений на страницах этих изданий и особенностях применения феномена референтности.

В результате исследования полностью подтвердилась гипотеза о том, что наибольший объем имеет рекламная информация с участием типичного потребителя. Общая сумма по обоим изданиям составляет 48 932 см². Доля регионального издания составляет 2/3 от общей суммы (33 523,5 см²). Различается и форма представления персонажа. В «АиФ» фигурирует в большинстве случаев вербально выраженное мнение потребителя: в частности, письма читателей с положительными отзывами об эффекте рекламируемого препарата (например, письмо от некоей Ели-

сеевой К.Г. из Москвы со словами благодарности в адрес разработчиков аппарата для лечения суставов «Орион»). В «Свободном курсе» как правило присутствует визуальное изображение объекта референтных отношений. В качестве примера можно привести рекламу сотовой связи с изображением человека, говорящего по сотовому телефону (МТС, БИЛАЙН).

Здесь на различие влияют, во-первых, возможности печати. В «СК» реклама цветная, что позволяет более полно использовать преимущества изображения и привлечь к нему больше внимания, нежели к тексту. Во-вторых, особенности рекламируемых товаров. Основная масса рекламируемых товаров в «АиФ» — лекарственные препараты и биологически-активные добавки. Эти товары не относятся к товарам «видимого» потребления, и поэтому вербальное описание в такой ситуации наиболее адекватно. В «СК» подавляющее большинство рекламируемых товаров — товары «видимого» потребления, такие как бытовая техника и сотовые телефоны. Визуализация персонажа, в частности визуализация позитивных эмоций по поводу обладания товаром и изображение товара в целом, создают весьма прочную связь «приобретение товара — положительные эмоции».

Средняя частота появления в рекламных сообщениях типичного убежденного потребителя одинакова и в «Аргументах и фактах» и в «Свободном курсе»: он появляется в этих изданиях приблизительно 2,5 раза в месяц. Но данный факт опровергает гипотезу лишь в случае с изданием «Аргументы и факты». В «Свободном Курсе» использование персонажа типичного убежденного потребителя лидирует не только по объему, но и по частоте. Это связано не только с особенностями рекламируемого товара: не последнюю роль играет относительная простота

исполнения рекламного сообщения посредством весьма шаблонных изображений счастливых людей.

Четвертая гипотеза подтвердилась в отношении газеты «Аргументы и Факты». Действительно, основная масса рекламируемых товаров — лекарственные препараты, биологически-активные добавки, медицинская техника и услуги. Независимо от фигурирующего персонажа статус издания добавляет достоверности рекламной информации. Наиболее часто объектом референтных отношений в подобных рекламных сообщениях выступает эксперт — врач соответствующего профиля, как правило, кандидат медицинских наук. Он кратко комментирует причины возникновения болезни, ее течение, и рассказывает о действии рекламируемого препарата. Например, комментарии к.м.н. Н.Ю. Елифанова по поводу применения противоаллергического препарата «Телфаст». Средняя частота появления — 6,2 раза в месяц, что в 2,5 раза больше, чем частота использования образа типичного убежденного потребителя. Данный факт можно объяснить тем, что, во-первых, мнение «человека в белом халате» более авторитетно для простого потребителя; во-вторых, мнение эксперта-врача более объективно и основано на научных и рациональных доводах. Известная склонность многих к самостоятельному лечению легко распознаваемых болезней делает эксперта-врача объектом референтных отношений.

Интересны случаи, которые дают основание говорить о возможных объектах референтных отношений. Так называемый смешанный объект референтных отношений — смесь двух типов объектов. Вот, например, мнение постоянного подписчика, врача-травматолога NN из города N. С одной стороны, автор представляется в образе типичного убежденного потребителя, его характеристика как постоянного

подписчика показывает высокую степень доверия к изданию и представленной информации. С другой стороны, он выступает в качестве эксперта, поскольку рекламируемый товар имеет непосредственное отношение к его профессиональной деятельности. Использование двух типов направлено на достижение такой цели, как расширение аудитории потенциальных потребителей посредством слияния строгого, рационального научного знания и более эмоционального субъективного опыта. В другом случае можно наблюдать саморекламу.

Здесь в качестве эксперта предстает врач-разработчик методики лечения. Публикация фотографий и рассказ от первого лица оживляют рекламный материал.

В ходе анализа выявлено, что частота использования образа эксперта в региональном издании «Свободный курс» в пять раз меньше, чем во всероссийском «АиФ». Объем представленной информации с использованием эксперта приблизительно в 3,6 раз меньше, чем объем рекламных материалов с участием типичного убежденного потребителя. Так же кардинально отличается сфера применения образа эксперта. В большинстве случаев это сфера банковских услуг. Немалую роль при этом сыграли два фактора: появление на рынке множества новых банков, предоставляющих услуги населению, и сложности, возникающие у потребителя в понимании сущности или отдельных нюансов предоставляемых услуг. В материалах используется «самореклама»: высокопоставленный и компетентный работник рекламируемого банка подробно отвечает на вопросы журналиста о предоставляемых услугах.

Полностью подтвердилась последняя гипотеза. Действительно, реклама с участием знаменитого персонажа присутствует только в газете «Аргументы

и факты». Объем материала большой (полоса), но частота выхода маленькая. В рекламном материале представлена смесь мнений: мнение известного человека (например, А. Вовк), его фотография и отзывы простых потребителей. Основную нагрузку несет изображение знаменитого человека, но оно выступает только в качестве фактора, привлекающего внимание. Это лишь изображение объекта референтных отношений, авторитетности и достоверности же добавляет вербально выраженное мнение о товаре.

Нужно отметить использование образов исторических личностей в рекламе лекарственных препаратов. К примеру, использование образов А.С. Пушкина и Н.Н. Гончаровой. Биографические факты могут вызвать сомнения, но потребитель подобной рекламной информации находится в ситуации, когда невозможно ни подтвердить, ни опровергнуть.

Известность персонажа такова, что можно с уверенностью сказать: обратит внимание каждый читатель. Это утверждение опирается на построение рекламного материала: в центре фигура поэта во весь рост с характерной осанкой, цилиндром и тростью; в следующем материале — наиболее известный портрет Натальи Гончаровой. Веер, букли... Светская львица, одна из красивейших женщин своей эпохи. В материале дается описание фактов из детства и юности Натальи Гончаровой. По причине невозможности подтвердить или опровергнуть биографические факты возникает ситуация неоднозначного отношения к представленной информации со стороны потенциального потребителя.

В целом же частота использования образов знаменитых личностей в газетной рекламе весьма низкая в сравнении с другими печатными изданиями, что вполне объясняется спецификой рек-

ламы в газетах вообще. Отсутствие живости и динамики образа, невозможность передачи голоса, знакомого потребителям, невысокое качество фотографий снижает эффект от участия знаменитости в рекламе.

Таким образом, на основе собранных данных можно сделать следующие выводы. Во-первых, наиболее часто встречаемый в газетной рекламе тип объекта референтных отношений — эксперт. Сложно сделать вывод об эффективности применения именно этого типа объекта, но можно предположить, что он наиболее адекватен рекламе, публикуемой в газетах. Во-вторых, по причине частого использования персонажа появились «смешанные типы объектов референтных отношений»: «эксперт-типичный убежденный потребитель» и «самореклама». Можно предположить, что область применения в рекламе экспертного мнения будет расширяться.

Типичный убежденный потребитель занимает второе место по частоте использования. Данный факт подтверждает, что объектом референтных отношений может быть не только авторитетный персонаж, но и приблизительно равный по статусу, доходу, возрасту и т. д. людям, входящим в целевую аудиторию. Участие знаменитых людей в рекламной кампании, безусловно, привлекает внимание к товару. Но через газету невозможно передать все признаки, по которым люди узнают любимых артистов. Вероятно, именно поэтому так немногочисленны рекламные материалы с участием «звезд» эстрады, кино и спорта. Сопоставив рейтинги частоты использования объектов референтных отношений, можно сказать, что выбор осуществляется исходя из формата, технических возможностей, потенциальной аудитории рекламоносителя, в данном случае газетного издания.

Дальнейшее изучение феномена референтности может сыграть важную роль в повышении эффективности создаваемой рекламы. Данный феномен рассчитан на такие свойства человека,

как уступчивость, отождествление и интернализация, вызывающие в конечном счете согласие и принятие. А это именно тот результат, к которому стремится каждый рекламодатель.

© 2005 г.
Т.М. МИХАЙЛЮК

РИТМ АУДИОВИЗУАЛЬНОГО ДИАЛОГА «АГРАРНОЙ РЕКЛАМЫ»

Многочисленны направления и теории, оказавшие в XX и начале XXI в. влияние на изучение ритмов в диалогических процессах современных коммуникаций, в частности, в рекламе¹. Представляя собой организующее, упорядочивающее начало, создавая систему из бессистемности, ритм выступает как мощнейшее средство воздействия на личность, вызывая качественные изменения, в том числе и аудиовизуального, социокультурного плана на основе «изначально встроенных диалогических структур сознания» (по терминологии Л.С. Выготского). «Ритм» переводится с греческого как «соразмерность, размерность»; значение греческого *rhythmos* соотносится с рифмой, равномерным чередованием времен года и традиционных забот земледельцев, равномерностью в этих трудах и заботах. Именно аграрный ритм объективно организует жизнь человека на земле и сопровождает его с самого рождения.

Будучи двойственной, имеющей как позитивные, так и негативные моменты, реклама продукции сельского хозяйства предполагает учет этой аграрной специфики и динамики². Модернизируя выверенные тысячелетиями древние ритмы народной аграрной культуры, традиции, обряды и обычаи, создатели рекламы используют их благодаря коммуникационным медиасредствам. Здесь важны особый ритм аудиовизуального диалога, особый язык красок, земледельческих символов, укоренившихся в доминирующих

культурах, язык музыкальных и танцевальных символов. Это — особый «объемный» язык, если вкладывать в понятие «язык» любую правильно построенную знаковую систему, способную нести и передавать информацию от адресанта к адресату.

Сложные коммуникативные процессы осуществляются в современной рекламе почти при отсутствии демонстрации жизненно важных ритмов, лежащих в основе архетипов народной культуры. Такое неоправданное «изъятие» ритмов из аудиовизуального пространства массовой культуры и аграрной рекламы как ее части ведет к усилению обезличивания реальности, активизации абстракций, активному вытеснению самого человека, его индивидуальности и национально-культурной идентичности. Очевидно, как бы опасаясь этого, сознание общества постоянно ищет устоявшиеся, архетипичные формы проявлений ритмов в исконных земледельческих занятиях. Их «ретрансляция» посредством разных языков, в том числе и посредством языка аграрной рекламы, способствует благодаря современным высокотехнологичным социальным коммуникациям установлению оптимистичного диалога. Продуктивным, особенно в аудиовизуальных диалогах аграрной рекламы, оказывается использование укоренившихся в доминирующих культурах разных этносов ритмов музыки, танцев, ритуальных движений, хороводов, орнаментов, ритмов системообразующих начал общественной и личной жизни,

благодаря которым человек познавал и познает окружающий мир. Эти ритмы национальных культур органично переходят в сюжеты аграрной рекламы как составная часть массовой культуры.

Аграрная реклама, особенно региональная, как частный случай массовой культуры действует по тем же принципам, формируя собственный язык тем и образов, которыми привычно описываются те или иные товары и категории товаров. Бросается в глаза сходство многих рекламных материалов (роликов, макетов, сюжетов) по отдельным группам товаров, объединенных общими свойствами и назначениями. Прежде всего это пищевые продукты первой необходимости (например, масло, молочные продукты). Именно эти продукты часто рекламируются похожими средствами и приемами, отличными по тематике и стилистике от рекламы так называемых имиджевых продуктов, например, парфюмерии.

В российских регионах аграрная реклама является для потребителя если не единственным, то уж точно самым доступным источником информации о продуктах определенной категории. Например, на Алтае это — конкретные марки муки «Алейка» и «Мельник» (см. материалы газеты «Комсомольская правда на Алтае» 2004 г. о рекламе ОАО «Алейскзернопродукт» им. С.Н. Старовойтова и рекламе ОАО «Мельник» Рубцовский элеватор). Неудивительно, что «впитывая» эту информацию, региональный потребитель осваивает и запоминает ее в тех знаках, в которых она передается рекламодателем. В данном случае эти слова и образы («бабки Алейки», разудалой стряпухи, и благодушного мельника) формируют своеобразный «язык» этой товарной категории.

На Алтае плотно занятая «мучная» рекламная ниша не является «плохой» и неподходящей для позиционирования разных марок муки, равно как и

свободная ниша вовсе не выступает автоматически перспективной. Например, марка муки «Алейки» не претендовала на роль революционера рынка алтайской муки или явного лидера в своей категории, а всего лишь последовательно занимала там прочное положение, используя заполненную нишу. Ориентируясь на средства и приемы ритмов аграрной рекламы, принятые в данной нише, эта марка достаточно быстро вышла на алтайский рынок, стала понятной и «узнанной» потребителем. И именно благодаря своему родовому сходству с большинством уже знакомых ему «мучных» рекламных имиджей и проектов с национально-культурным колоритом. Такое культивирование аграрных ритмов в определенной степени должно способствовать самосовершенствованию и самореализации людей, так как ритм такого диалога — «это всеобщий принцип осуществления движения материи, форма и способ реализации и проявления бытия, в качестве такового он лежит в основе воспроизводства бытия Социума»³.

Аграрные рекламные диалоги с неизбежностью вызывают вопрос о пределах воздействия ритмов и их последствиях для многообразного в национальном, социальном и культурном отношении пространства. Таким пространством является и Алтайский край. Исторически сложилось так, что регуляция рынка и рекламы на Алтае основывалась прежде всего на национально-этнической специфике форм диалога, на общественно приемлемых нормах и стандартах коллективного бытия. Это бытие включало прежде всего национально-культурные особенности ритмов жизни, времени и пространства в отправлении ритуалов, церемоний, традиций и т. д. родственных и отличных этносов, населяющих Алтайский край⁴ (см. материалы музеев г. Бийска и г. Барнаула о переселенцах-славянах, их добрососедских отношениях с казаха-

ми, немцами, алтайцами, а также о развитии торговли и купечестве VIII–XIX вв. на Алтае).

Практически во всех сюжетах аграрной рекламы Алтайского края, представленных в стиле *a la slave* и *a la russe*, наблюдаются попытки создателей выразить ритмы национальной российской (и даже сибирской) сущности. При этом национально-культурные основы и эстетика этой сибирской русской рекламы часто оборачиваются созданием излишне слащавых мифов о сибирских регионах России, которые «переключают» ритм обыденной жизни сибиряков в какой-то иной, уже ушедший в глубь времен мир. Происходит как бы временное «подключение» к ритмам исторически ушедших сибирских деревень с разукрашенной под колоритную красавицу-молодую Сибирь. Эти ритмы рассчитаны на «экспорт», привлечение иностранцев благодаря массе ярких образов «сибирского базара с хороводами, пельменями, икрой, водкой и валенками», знаменитой песни «Ой, Мороз, Мороз...»

Часто такой явно псевдорусский аграрный ритм подразумевает заведомую несерьезность представляемого в рекламных сюжетах и не вызывает истинных чувств и переживаний. Ситуация складывается парадоксальная: благодаря подобной рекламе в алтайском регионе современный россиянин может почувствовать себя иностранцем. В рекламном ролике колбасных изделий фирмы «Рики» псевдосибирская заливчатая пляска героев в костюмах с восточным «османским» орнаментом вызывает скорее удивление. Изображенная в манере лубочного рая жизнь в рекламной сибирской деревне, созданной в презентационных фильмах ОАО «Мельник» (Рубцовский элеватор, Алтайский край), очень далека от реального ритма современного русского мира сибирской деревни. В целом подобных мифологизированных аграрных реклам не так уж много.

Наблюдения за развитием алтайской аграрной рекламы с использованием национального колорита славянских этносов, народного искусства всех жанров и уровней показывают, что соответствующая продукция все-таки сохраняет смыслы, ценности, культурные образцы, эстетические установки национальной культуры. Основы общекультурного пространства ритмов рекламного диалога заложены общественной практикой переселенцев (русских, украинцев, белорусов, поляков). Для края характерны устойчивые, ритмичные формы развития межчеловеческой коммуникации, в которых аграрная реклама действовала и действует как важная диалогическая форма, обеспечивающая духовно-ценностную преемственность поколений (см. материалы об истории рекламы и предпринимательства в Алтайском крае, представленные на постоянных экспозициях в государственных краеведческих музеях Бийска и Барнаула). Мы воспитаны на реалистическом искусстве, и наши представления о ритмизированном тексте народных мелодий в отличие от «простых» рекламных песен обладают архетипической властью воздействия на наш мир и мир других людей. Оформленный ритмически, в аутентичном народном стиле текст рекламного обращения уже имеет те аудиовизуальные ритмические конструкции, которые сами по себе предстают как орудия создания (воссоздания) мира, понимаемого в свою очередь как ритмическая организованная сущность.

Когда сегодня снова говорят о приоритетах национально-культурных традиций, «живучести» русского (славянского) стиля и стойкости русских (славянских) традиций в современной массовой культуре и аграрной рекламе, нередко ссылаются на известный трехтомный труд В. Стасова «Славянский и восточный орнамент по рукописям древнего и нового времени». Представ-

ляется, что он способствовал и способствует утверждению славянского (русского) стиля в рекламе XIX — начала XX в. и яркому всплеску интереса к национальным колоритам в современной региональной рекламе России. Отличительными признаками славянского (русского) стиля являются особый характер и богатство орнаментального украшения. Нужно отметить, что во вновь создаваемых орнаментах на упаковочных материалах и этикетках региональной аграрной рекламы с использованием славянских мотивов орнамента и декора используются стилизации зашифрованных традиционных элементов космогонических символов. Оптимистическая славянская семантика органично переносится создателями региональной алтайской аграрной рекламы в современность и находит живой отклик у потребителей (см. материалы долговременной ПР-акции «Покупай алтайское» газеты «Комсомольская правда на Алтае» за 2003, 2004, 2005 гг.).

Ритмы плясового диалога и хоровода использованы во фрагментах рекламных видеороликов ОАО «Мельник» (Рубцовский элеватор) с прекрасными аутентичными народными песнями, взятыми из видеофильма «Осенины» фольклорного театра-студии «Песнохорки» г. Барнаула⁵. В этой рекламе акцентируется мягкий юмор и мелодичность песен-обращений. Уместно подчеркнуть, что чаще всего ритм рекламных хороводов в Сибири — это мелодия мажорного наклонения, которая воспринимается как более «светлая», «радостная», всегда оказывающая значительное влияние на психофизиологическое состояние человека, что также активно используется сейчас рекламистами и организаторами ПР-акций конкретных компаний (например, при проведении масляничного хоровода участниками театра-студии «Песнохорки» г. Барнаула на широком, с «си-

бирским размахом», вполне современном празднике «Проводы Зимы» в марте 2005 г. на площади около театра драмы им. В.М. Шукшина, когда хороводы вместе с «Песнохорками» водили несколько сотен человек).

Диалогический характер традиционной аграрной славянской культуры формирует в ходе такой направленной рекламы взаимодействие субъектов и в целом предстает как универсальный механизм понимания генезиса социальных, культурных и личностных смыслов. Иными словами, ритм диалога в краевой аграрной телерекламе и краевой рекламе в прессе на основе использования национально-культурных архетипических ритмических средств представляет собой способ выяснения и понимания индивидами идей общего блага с целью совместных условий для самореализации.

В видеороликах рекламы ОАО «Мельник», которые взяты из кадров театрализованных представлений и видеофильмов театра-студии г. Барнаула «Песнохорки», участники одеты по большей части в аутентичные народные костюмы, сшитые с точным соблюдением славянских традиций орнамента. Здесь представлено убранство русской деревенской избы, украшенной многими традиционными предметами, прежде всего полотенцами с вышивкой в традиционной цветовой гамме черного и красного цветов. В рекламных сюжетах присутствует красивая женщина, которая занимается привычным для многих сегодняшних хозяек-сибирячек делом: месит тесто и печет хлеб, блины, пироги и т. д. Сюжеты роликов снимались на фоне реальной природы Алтая. Голос за кадром рассказывал о красоте края, сезонности, т. е. о реальном ритме сегодняшнего труда хлеборобов, сегодняшних достижениях края и его предприятий, символами которых стали обновленные мифологические герои краевого рекламного пространства:

Добрый Домовой и он же «Мельник», бабка Алейка и т. д. Эти образы не вызывают отторжения восприятия несмотря на то, что одежда сегодняшних селян и интерьер их жилищ претерпели значительные изменения.

Перечисленные выше и другие архетипические формы ритма в рекламной (аграрной) коммуникации фиксировали и фиксируют сегодня ценностно-важные события в жизни славянских этносов, значимые для них ритмы в общественных явлениях, коллективный опыт и активно действующие и сегодня нормы и стандарты поведения в декоре и орнаментике. В диалог в краевой аграрной рекламе вступают субъекты в качестве носителей определенных культурных ценностей, которые они пытаются сохранить в процессе его осуществления. Они защищают свои ценности при постоянном воспроизводстве ситуации поиска истины и углубления взаимопонимания, обсуждения и принятия ценностей другого.

На наш взгляд рекламодатели края учитывают важнейший факт, что региональная реклама является одним из важных средств формирования социокультурных, ценностных ориентаций общества. В аграрной рекламе Алтайского края активно задействованы мифы труда, природы, молодости. Они показаны как самые яркие ценности для любого человека, что само по себе является уникальным торговым предложением. Функциональность национально-культурных компонентов ритмов аграрной рекламы обеспечивает социализацию и витальность человека в условиях усложненной, изменчивой, неустойчивой среды, адаптирует его к новым социальным ролям и ценностям, к способам регуляции своего поведения⁶.

В наши дни отточенный столетиями ритм диалога традиционной славянской народной культуры и диалог культур других народов более чем когда-либо

становятся средством и условием выживания человечества, его адаптации к безудержно меняющимся социальным технологиям, в том числе и к рекламным, вестернизированным. Новые вестернизированные рекламные мифы не устраняют «прагматически обусловленной тоски» россиян из подчас совершенно разных в национально-культурном отношении регионов страны по утрачиваемым элементам ритмов духовного быта. Россияне все еще находят жизненно важную значимость в польских, русских, белорусских, украинских песнях, славянском декоре, танцах, славянских орнаментах, собственных славянским народам коллективных, соборных трудовых отношениях, особенно в земледельческой культуре.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Морозова И.А.* Рекламный стелкер. Теория и практика структурного анализа рекламного пространства. М., 2002; *Муратова А.С.* Обряд и праздник. Мир психологии. № 4. 2001; *Хренов Н.А.* Земледельческие архетипы на городской площади // Развлекательная культура России Нового времени. М., 1999.
2. *Байбурин А.К.* Ритуал в традиционной культуре: структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. СПб., 1993.
3. *Сайко Э.В.* Ритмы, «образующие» человека, и человек, образующий ритмы // Мир психологии. № 3. 2002. С. 11.
4. *Кандаракова Е.П.* Взаимодействие и взаимообогащение культур народов республики Алтай // Наука, культура, образование. Париж–Горно-Алтайск, 2002; *Прокопьева Н.В.* Исторические основы этнической культуры российских немцев // Образование и социальное развитие региона. 2001. № 3–4.

5. *Абрамова О.А.* Русская традиционная народная культура Красногорского района Алтайского края. Барнаул, 1999; *Абрамова О.А.* Традиционная культура «поляков» и «каменщиков» Рудного Алтая. Барнаул, 1999; *Абрамова О.А.* Русская традиционная народная культура Усть-Коксинского района Республики Алтай. Барнаул, 1999.
6. *Григорьев С.И.* Витализм: эволюция философско-социологических воззрений // Жизненные силы русской культуры: пути возрождения в России начала XXI века. М., 2003. С. 3–31.

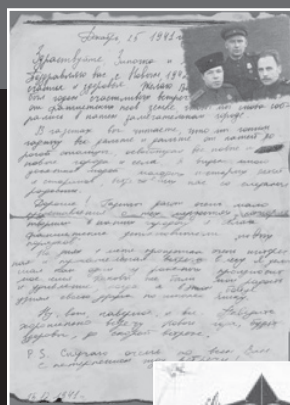
© 2005 г.

МОМОТОВА Н.В., ПЕТРОВ В.Н.

ЦЕННОСТНЫЙ МИР ВОЕННОСЛУЖАЩИХ В ПИСЬМАХ С ФРОНТОВ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Великая Отечественная война 1941–1945 гг. занимает особое место в мировой истории. И этим определяется неослабляемый интерес исследователей к военному прошлому, героическим подвигам советского народа. В исторической литературе общепризнанно, что решающим фактором победы Советского Союза над германским фашизмом стал сам советский народ, его высокие морально-нравственные качества, патриотизм и глубокая убежденность в необходимости защиты Родины. Народ, который продемонстрировал всему миру беспримерное массовое самопожертвование и мужество, стойкость и героизм. Народ, который ценой огромных потерь обеспечил спасение мира от коричневой чумы XX в.

В 60-летие победы над фашистской Германией сохранение исторической памяти в ее подлинном соответствии с прошлым актуально как никогда прежде. Все меньше остается хранителей этой памяти, и безнадежно исчезают, безвозвратно утрачиваются ценнейшие оригинальные документы. Да и сама память подвергается массивной атаке не столько временем, сколько домыслами, фальсификацией и

60-ЛЕТИЕ ПОБЕДЫ

продуманными извращениями прошлого.

Среди многочисленных документальных источников по истории Великой Отечественной войны особое место занимают письма советских людей 1941–1945 гг. Личные письма — ценнейший источник, который может существенно дополнить и расширить наши представления о структуре и доминантах сознания, психологии, мотивации поступков в определенное историческое время. Именно в них с наибольшей полнотой и эмоциональным накалом отразились жизненные ценности людей той поры, и прежде всего те цели, которые объединили наш народ в борьбе с врагом. Изучение жизненных ценностей советских воинов на материалах писем с фронтов помогает составить представление об их внутреннем мире, понять глубинные истоки самоотверженности, стойкости, массового героизма. И тем не менее огромная масса писем остается не вовлеченной в научный оборот.

Коллекции писем в виде специальных фондов хранятся в центральных и местных архивах и музеях: краевых, областных, городских и районных. Однако они представлены крайне неравномерно, и в ряде архивов специальные фонды писем отсутствуют. Зачастую фонды не разобраны и не систематизированы. Гораздо большая часть писем остается в частных коллекциях и в семейном хранении. Именно она с течением времени безвозвратно утрачивается. По данным опроса, 190 представителей студенческой молодежи, проведенного в 2000 г., 78% опрошенных знали, что в их семье были участники войны, но лишь 5% сказали о наличии писем в семейном хранении¹.

Письма как документальный источник интересны уже тем, что их авторы являлись непосредственными участниками событий, и зафиксированы эти события вскоре после свершения, а не

по прошествии долгого времени. Все описываемые события отражены через личностное восприятие и оценку автора, т. е. субъективны. Это очень важно для изучения, прежде всего, морально-го состояния, социального настроения, преобладавших в той или иной социальной среде, для исследования жизненных ценностей. Субъективность в изложении событий может одновременно стать и недостатком писем как документального источника, где по разным причинам могут присутствовать умолчания, некоторые искажения, описания могут возникать под влиянием настроения пишущего и т. д.

Письма военнослужащих периода Великой Отечественной войны, адресованные родным и близким, глубоко личные и не предназначены для чужих глаз. Именно поэтому они являются зеркалом, в котором отражены мысли и чувства их авторов. Написанные чаще всего в перерывах между боями, эти письма обычно кратки, иногда содержат всего несколько строк, но имеют ярко выраженный индивидуальный характер. Они повествуют о самом значимом для автора, свидетельствуют о важных для него жизненных ценностях. Находясь на огромном расстоянии и не имея возможности встретиться, солдаты и офицеры со всей искренностью писали родным о своем отношении к ним. Будучи оторванными от семьи, родных, они интересовались проблемами быта, взаимоотношениями между близкими им людьми, событиями, происходившими в родном городе, станице, селе и т. д. Экстремальная обстановка, к которой находились бойцы на фронте, иная социальная среда наложили отпечаток на содержание писем. Красноармейцы писали о взаимоотношениях с товарищами по оружию, жалели об их ранениях, скорбели о погибших. Почти в каждом письме сообщали о состоянии своего здоровья, иногда о бытовых условиях, в которых находились, и, ко-

нечно, о своем отношении к противнику, который посягнул на все, что дорого было бойцам.

Письма относятся к достоверным источникам, при изучении которых необходимо все же учитывать ряд особенностей. На их содержание определенным образом влияла военная цензура. Вмешательство цензоров заставляло автора умалчивать о передвижении своего подразделения, о боевых действиях либо писать об этом слишком кратко, полунамекками.

В содержании писем нашло отражение влияние идеологической работы, широко развернутой в рядах Советской Армии с первых дней войны. Партийно-политическая работа пронизывала все стороны жизни и деятельности армии и флота, весь процесс подготовки личного состава к ведению боевых действий. Коммунистическая партия гибко использовала многообразные методы идейно-воспитательной работы: ее содержание изменялось в прямой зависимости от конкретного положения на фронте.

Особенностью публикации писем, сборников писем является их редактирование, воспроизведение в извлечениях, неполнота и неясность данных об авторе письма. Это исключает возможность отбора писем для проведения контент-анализа.

Методологической посылкой в исследовании жизненных ценностей военнослужащих периода Великой Отечественной войны является представление о том, что ценности возникают и реализуются в процессе удовлетворения потребностей. Найдя объект или способ удовлетворения потребностей, а их свойства и характеристики полезными, приятными, существенными, важными и значимыми, мы занимаем по отношению к ним позицию оценки. Стремление к обладанию объектом удовлетворения потребностей, актуальность и необходимость выбора, оп-

ределение предпочтений в удовлетворении потребностей или способах их удовлетворения определяют цели и формируют отношения, в которых реализуются цели (средства достижения цели). Из этого представления складывается их разделение на ценности-цели и ценности-отношения. Соотнесение оценок и выстраивание их в ранжированном порядке и есть образование структуры ценностей.

Актуализация ценностей-целей и ценностей-отношений вызывается обострением необходимости, дефицитом возможностей, изменением условий и способов удовлетворения потребностей и обусловлена фундаментальностью или ситуативностью последних. Закрепление, фиксирование оценочных определений происходит в социальных отношениях, функциональное значение которых воплощается в оформлении институциональных нормативно-ценностных систем. Изменение ценностных систем происходит под воздействием трансформации потребностей и их актуальности для отдельной личности или социальной группы, изменения ситуации, условий, возможностей и способов их удовлетворения. Эти изменения могут быть постепенными, носящими эволюционный характер, или резкими в силу кардинально изменившихся обстоятельств индивидуальной или общественной жизни. При изучении содержания писем используется метод анализа документов, который дает возможность увидеть многие важные стороны социальной жизни, помогает выявить социально-историческую специфику норм и ценностей, свойственных конкретному обществу и личностям.

При этом плодотворен проблемный подход: весь текст или его часть рассматривается как описание конкретной ситуации, в которой есть свои действующие лица, состоящие в определенных отношениях. Метод контент-анализа

документов позволяет всесторонне рассматривать саму деятельность, а также выделять ее субъекты, их цели и мотивы поступков, обстоятельства, причины, породившие потребность в той или иной деятельности, ее направленность. Это помогает преодолеть многие трудности при прочтении писем, особенно при огромном разнообразии ситуаций и языковых средств.

С инструментальной точки зрения при проведении контент-анализа в текстах писем выделяются исходные единицы анализа: суждения авторов об их отношении к мирной жизни как общечеловеческой ценности, к собственной жизни как ценности самосохранения, к покинутой социальной среде (семье, родителям, друзьям, любимым как ценности общения с ними), к обретенной социальной среде (товарищам по службе, к руководящему командиру) как ценности взаимопомощи, поддержки, взаимопонимания и т. д., к противоборствующей стороне и войне как антиценностям и т. д. При проведении нашего контент-аналитического исследования писем выделено 26 единиц (категорий) анализа.

В процессе работы непосредственно над текстами писем были выявлены смысловые единицы, раскрывающие смысл единиц анализа. Совокупность определенных таким образом индикаторов включает перечень из 224 смысловых единиц, которые сопровождаются примерами конкретных текстов.

К примеру, отношение к равным себе по положению: восхищение, уважение; автор пишет о дружеских взаимоотношениях; сообщает о фактах взаимопомощи; обеспокоен за жизнь и здоровье товарищей; жалеет о гибели, ранении друга; обещает отомстить за его смерть. С неприязнью сообщает о вещизме; пьянстве, недостойном поведении; невнимании; завистливом отношении окружающих.

Комплекс вопросов, сформулированных на основе единиц анализа, варианты ответов, выполняющие функцию индикаторов, вместе с такими личностными характеристиками и данными об авторе письма, как пол, возраст, воинское звание, партийность, время написания письма (период войны), время прибытия в армию, социальное положение до призыва, местонахождение в момент написания письма, адресат письма, составляют бланк контент-анализа, своего рода анкету, обращенную к письму и ее автору.

Базу данного исследования составили 140 писем 45 авторов, из них 43 письма 10 военнослужащих из фондов Темрюкского государственного историко-археологического музея (ТГИАМ), 24 письма 11 воинов из фондов архива Краснодарского государственного историко-археологического музея-заповедника (КГИАМЗ), 36 писем 19 авторов из коллекции Государственного архива Краснодарского края (ГАКК). Часть писем предоставлена частными лицами, жителями городов Темрюк и Краснодар, собрана стараниями Н.В. Момотовой и принадлежит ее коллекции.

В качестве хронологических ориентиров для группировки датированных писем выделены наиболее значимые этапы Великой Отечественной войны: 1-й этап — с 22.06.41 г. по 19.11.1942 г.; 2-й этап — с 19.11.1942 г. по конец 1943 г.; 3-й этап — с января 1944 г. по май 1945 г. Из 140 писем первому этапу войны соответствуют 39, второму — 46, третьему — 55.

Отношение к мирной жизни

Предвоенные годы были нелегкими в истории нашей страны и в жизни каждого советского человека, но для бойцов они самые счастливые уже потому, что это были годы мирной жизни. Страна не знала ужасов масштабной войны, солдаты и офицеры не ведали горечи

многолетней разлуки, томящей и выматывающей душу тревоги за жизнь родных, оставшихся на оккупированной врагом территории. Война ворвалась внезапно, став гранью между прошлым и будущим.

Сколько тепла и нежности в письмах бойцов, когда они вспоминают о мирной жизни! В 13 письмах фронтовика возвращаются в своих воспоминаниях к школьным годам, дружеским встречам, наиболее ярким событиям жизни. Самые трепетные и нежные строчки посвящены детям, которые подросли за эти годы и стали «почти взрослыми». Ах, как хотелось их увидеть отцам, огрубевшим в боях, пропахшим порохом и потом, в чьей памяти они остались маленькими, беспомощными, но такими дорогими и любимыми! «Днем вспоминаю во всех деталях нашу жизнь, жил каждым часом, каждым мгновением. А на тебя и на детишек наглядеться не мог, не говорил только тебе об этом. Вспоминаю сейчас так четко, так ясно, как детишки нам навстречу бежали, как смешно и забавно Танюшка ножки выбрасывала в стороны»², — читаем в письме Я.Т. Ганзина. В трех письмах бойцы вспоминают о довоенных увлечениях: музыке, книгах, спорте, рыбалке и т. д.

Никакие тяготы войны не могли сломить мечту о будущей мирной жизни, которая обязательно наступит. В этом не сомневался никто. В мечтах бойцов находят отражение их жизненные ценности — своеобразный катализатор, активизирующий на свершение многих героических поступков. По-разному они отразились в 14 письмах бойцов: в строках о будущей счастливой супружеской жизни, в стремлении продолжить учебу и получить любимую профессию, вырастить детей и видеть их счастливыми, любоваться цветением садов и лугов, никогда не слышать свиста пуль и взрывов снарядов, и в простых словах о том, какая прекрасная

жизнь ждет всех после окончания войны. Г.М. Денисов в письме к жене: «...не теряй уверенности в нашей скорой встрече, а тогда мечты наши сбудутся и муки наши окупятся прекрасной, совместной, радостной жизнью»³.

Из данных следует, что мирная жизнь для бойцов представляла необычайно высокую ценность. О ней как о ценности бойцы писали в 30 письмах — 21,5% от общего числа. Но мирная жизнь могла наступить лишь с победой над врагом. В письме В.А. Димитрова, написанном в октябре 1942 г., есть чудесные слова: «ты подумай, какое светлое будущее вырисовывается впереди, когда мы разгромим ненавистный гитлеризм и разобьем его военную машину»⁴. Только победа над фашизмом могла воплотить в жизнь мечту о счастье, о долгожданной встрече с семьей, друзьями, родными, исполнить страстное желание остаться в живых.

Отношение к войне (война как антиценность)

Если действия фашистских полчищ носили захватнический характер, то участие советского народа в войне определялось задачей освобождения Родины от коричневой чумы. В трех письмах звучит твердая убежденность в том, что эта война справедливая. Война была тяжелым испытанием для советского народа и прежде всего для солдат и офицеров, принявших на себя основной удар гитлеровской военщины, не знавшей до тех пор поражений. Это признают авторы 13 писем (9%). Из письма Феди Алексанкина: «Да, мама, много пришлось увидеть, узнать, испытать за эти 2 года, проведенные на передовой...»⁵. Из письма И.П. Наумова жене: «...что ж сделаешь, когда такая трудная доля нам выпала...»⁶

Бесконечные бои, изнурительные переходы, неустроенность быта, постоянное нервное напряжение на протяже-

нии нескольких лет — все это в конечном итоге вызывало усталость у солдат и офицеров (8 писем — 5,4%). В этих письмах встречаются слова о том, как надоела война, в некоторых из них бойцы мечтают об отдыхе и спокойствии. «...Я жив и здоров, сильно устал», — сообщал жене Е.И. Василенко в октябре 1943 г.⁷ Примечательно, что подобная информация содержится в письмах с 1943 по 1945 гг. Их авторы — военнослужащие, призванные в ряды Красной Армии до 1941 г. и в первый год войны. Бойцы стремились к ее скорейшему завершению и в то же время ясно осознавали, что окончится она после полного уничтожения противника. «Хотя бы скорей закончилась война, и были бы мы вместе. Ведь это, Щуричу, желание всех советских людей, а вместе с тем каждый прекрасно понимает, пока враг стоит у ворот, до тех пор не может идти речи о каком-то мире»⁸, — читаем в письме Н.Н. Шаповалова, написанном в мае 1943 г.

Оценка продолжительности и исхода войны

В победу верили с первых дней войны, и ничто не могло поколебать эту уверенность: «...если живы, будем, не помрем, то войну вместе кончат будем, и немца разобьем, и загоним аж за Берлин, чтобы не существовало его»⁹, — это строки из письма Василия Рыбалкина матери. Н.В. Петренко сообщает: «Победой завершат поход буду, ибо за победой наша встреча»¹⁰. Убежденность в победе Советского Союза и в том, что враг будет обязательно уничтожен, звучит в 64 письмах (46%), с первого по третий период войны.

Среди бойцов существовали разногласия только в отношении срока окончания войны. Он изменялся в соответствии с тем, какой была обстановка на фронте, вне зависимости от звания автора письма и его местонахождения. Из

140 писем 7 было написано бойцами с 22.06.41 г. по 5.12.41 г. Среди этих писем нет ни одного, в котором бы автор писал о продолжительности войны. Как известно, это был самый тяжелый период, когда фашистская армия стремительно продвигалась вглубь страны. Слова о скорой победе над противником появились в письме, датированном началом 1942 г.: «Красная Армия сейчас крепко громит армию Гитлера и нужно ожидать, что близок крах гитлеровской Германии, а поскольку это так, то скоро я буду дома и миллионы бойцов и командиров Красной Армии»¹¹. Действительно, конец 1941 г. ознаменовался рядом побед на фронтах Великой Отечественной: нашими войсками был освобожден Ростов-на-Дону, в ходе Керченско-Феодосийской десантной операции отвоеваны Керчь, Феодосия и др., был нанесен мощный удар по врагу под Москвой. Наступление советских войск было непродолжительным, и до нового наступления под Сталинградом 19 ноября 1942 г. уверенность в скорой победе была лишь у авторов двух писем, а в одном письме (единственном из 140) боец сообщает о том, что война будет скорей всего долгой, «но ничего, все же мы покажем фрицам, что такое русские люди!»¹² Из 46 писем второго этапа войны (с 19.11.42 г. по конец 1943 г.) в 15 фронтовиков с уверенностью пишут о том, что война скоро кончится. Этот этап ознаменован коренным переломом в ходе войны, когда гитлеровские полчища были разгромлены под Курском и Сталинградом. В 1943 г. было освобождено почти две трети советской земли. Так, авторы 9 писем утверждают, что война кончится в следующем, 1944 г. В одном письме говорится о в 1943 г.: «Верю и надеюсь, что 43-й год будет годом окончательного разгрома гитлеровцев»¹³.

В 1944 г. Советская Армия полностью освободила территорию Советско-

го Союза и вела бои на землях Польши, Румынии, Болгарии, Югославии, выполняя миссию по спасению европейских стран от фашистского варварства. На этом этапе войны среди советских военнослужащих была необычайно высокая убежденность в победе нашей страны над фашистской Германией. Из всех писем об этом 66% относится к третьему этапу.

Отношение к Родине

Особые чувства в душе каждого человека возникают при слове «Родина». Своей родиной человек считает то место, где родился, вырос, где покоится прах его предков. Воспоминания о родном крае (для авторов многих писем это Кубанская земля), о полях, лугах, лесах или степных просторах вызывают грусть, а порой и щемящую боль и стремление вернуться, хотя бы ненадолго. Однако любовь к Отчизне возникает лишь тогда, когда человек не ограничивает себя привязанностью к родным местам, когда родной и близкой сердцу становится вся страна. Ее судьбу он считает неотделимой от своей и готов разделить ее все испытания, сделать все для предотвращения бед, которые ей грозят.

Нарушив границы Советского Союза, фашисты посягнули на свободу и независимость нашей Родины. Смертельная опасность нависла над страной и сплотила миллионы советских граждан, в первые же дни ставших ее защитниками на фронте и в тылу. Перед лицом беды, грозившей Отчизне, боль за ее будущее вызвала небывалый подъем патриотических чувств у солдат и офицеров Советской Армии. Самые высокие и одновременно очень искренние слова в письмах бойцов посвящены Родине, свобода и независимость которой для советского народа в период войны находились в ряду высших ценностей.

В 18 письмах (13%) фронтовики писали родным о любви к Родине. Многие

из них подчеркивали, что своей главной задачей, своим долгом они считают ее защиту и освобождение. Об этом говорится в письме Михаила Горянова родителям: «...вдали виднеется небольшой аул или хутор... и я должен со своим другом отнять его у фашистов... и мы клянемся, что этот рубеж, который доверила нам страна, с честью возьмем. А если и погибнем, то погибнем с честью за освобождение русской земли»¹⁴. В письме жене (10 июня 1942 г.) А.В. Дерий с твердым убеждением писал: «Будут фашисты помнить весь свой век, как русские воюют за свою любимую Родину!»¹⁵

Наиболее часто слова о любви к Родине и стремление отстоять ее независимость встречаются в письмах на первом этапе войны (7 писем). На втором этапе, когда опасность порабощения советского народа отступила, — в 5 письмах. В 1944 г. — тоже 5 писем. Письма с подобным содержанием за 1945 г., когда боевые действия велись только за пределами нашей Родины, отсутствуют.

Отношение к советскому народу

Тяжесть военных испытаний выпала на долю всего советского народа. На полях сражений солдаты и офицеры, не щадя своей жизни, остановили врага, а затем повернули немецкие полчища вспять. Совершенные советскими воинами подвиги вдохновляли на трудовой героизм тех, кто в тылу ковал экономическую основу победы над фашизмом. В ходе войны сложилось и окрепло нерушимое единство фронта и тыла, единство всех советских людей, ставшее непреодолимой преградой на пути иноземных захватчиков. Бойцы свято верили в силу и мощь советского народа. Они были убеждены, что врагу не одолеть его никогда и, как бы ни был силен натиск, наш народ выдержит все испытания и выйдет из них победителем. Эта убежденность звучит в 8 письмах с фронта (6%).

На первом этапе войны, когда советские войска вели героическую оборону сел, городов и деревень, когда катастрофически не хватало оружия и боеприпасов и, казалось бы, уныние могло охватить бойцов, высокая оценка силы и мощи советского народа, вера в его непобедимость встречается в письмах наиболее часто. Первый этап — 4 письма (10% от общего числа писем этого периода). Второй этап — 2 письма, третий — 2 письма. *«Желаю вам спокойной жизни, в чем, конечно, не нужно сомневаться, так как коричневая чума будет сметена с лица земли и советский народ никогда не будет рабом немецкого фашизма»*¹⁶, — читаем мы в письме А.С. Немудрого, написанном в сентябре 1941 г., на первом этапе войны.

Советский тыл обеспечивал армию не только боеприпасами и оружием, но и оказывал фронту другую помощь. Рабочие, крестьяне, представители интеллигенции собирали деньги на строительство боевой техники, перечисляли средства в фонд обороны Родины и другие всенародные фонды, подписывались на государственные военные займы. Ежедневно на фронт приходили тысячи посылок с подарками, одеждой, продуктами питания. Фронтовики высоко ценили помощь советского народа и были очень благодарны ему за бескорыстную поддержку в необычайно трудное для страны время. *«От колхозников получил праздничный подарок — посылку и письмо, на которые ответил даже стихами»*¹⁷, — писал жене В.Н. Дмитриев в октябре 1942 г.

Наряду с письмами бойцов, в которых они отмечают самые прекрасные черты, свойственные нашему народу и ярко проявившиеся в трудные военные годы, интересно было обнаружить письмо В.Т. Маркелова, боевого офицера, в котором он со всей прямотой пишет о том, что наш народ не столь уж

идеален, как это может показаться на основе писем и публикаций тех лет, хотя его оценка носит несколько общий характер: *«...я люблю Русь, несмотря на ряд недостатков нашего народа, потому что я представитель еще зародыша русского пролетариата...»*¹⁸

Отношение к советским людям, находившимся на оккупированной врагом территории

Освобождая города, села, деревни от фашистских захватчиков, наши бойцы воочию видели, насколько страшен звериный лик гитлеровского вандализма.

По данным материалов Чрезвычайной государственной комиссии, расследовавшей злодеяния оккупантов, полностью или частично были разрушены и сожжены 1 710 городов, более 70 тыс. сел и деревень. Около 25 млн человек лишились крова. В ходе войны было уничтожено 31 850 промышленных предприятий. Фашисты разорили и разграбили 98 тыс. колхозов, 1 876 совхозов. Общие потери составили около 30% национального богатства страны.

Но ни с чем нельзя сравнить горе, муки и страдания советских людей, потерявших родных и близких, замученных в гестаповских застенках и концлагерях, расстрелянных или повешенных, погибших от голода, в огне пожаров, во время вражеских бомбардировок. Перед глазами наших воинов вставали страшные картины сожженных и разграбленных сел и деревень, истерзанных людей, голодных осиротевших детей.

Семьи многих бойцов еще находились во власти немецких оккупантов или были совсем недавно освобождены. Враг был силен и стремился взять реванш за проигранные сражения. Он ежедневно, ежечасно угрожал жизни и спокойствию всех, кто был дорог нашим воинам. Не могли они спокойно смот-

реть на муки и страдания людей. Какая безграничная боль в их письмах, сколько жалости и сочувствия ко всем, кто прошел через муки фашистской оккупации! Антипов Л.С. пишет любимой девушке: «Галюся, я сейчас прошел большой путь и еще раз посмотрел на следы, ужасные следы войны. Народ этих областей буквально живет в нищенском состоянии. Но он вместе с нами рад самой жизни, потому что стал опять свободным. Население хорошее, ласковое. Приемливое и приветливое»¹⁹. В трех письмах, в одном из них дважды, бойцы пишут о страданиях советских людей на оккупированной и освобожденной территории.

Злодеяния фашистов вызывали у советских бойцов лютую ненависть, не имевшую границ: «Я еще раз взвешиваю, какие ужасы принесли с собой эти варвары, и клянусь, что если я только останусь жив, то вспомню не одному вонючему фрицу — будь то пленный или просто нахауз золдат — какие они дела делали. И пусть они знают, что посеявший ветер, пожнет бурю.... Знаешь ли, Шурочка, — писал жене Николай Наумович Шаповалов, — как я ненавижу этих гадов и даже каждого пленного уничтожал бы без жалости, ведь они знали, куда шли и кого затронули. Это не люди и по отношению к ним высшим гуманизмом будет полное их истребление»²⁰. В пяти письмах (в трех из них дважды!) бойцы писали о том, что злодеяния фашистов вызвали у них чувство ненависти.

Среди писем политрука Л.С. Антипова, в которых он пишет о тяжелом положении советского народа на оккупированной территории, есть довольно необычное. В нем автор выражает крайнее недовольство отдельными представителями, а точнее, представительницами нашей страны, которые в период оккупации не только не оказывали помощь

в борьбе с врагом, но и вели довольно веселый образ жизни: «Сегодня можно поговорить о тех девушках, которые были на оккупированной территории и которые, забыв свою честь, совесть советского человека, не только во время оккупации не вступали с нашим врагом в борьбу, но, испугавшись его, забивались в щели и спасали свою жизнь, ... им ничуть не вздумалось встать на путь отчаянной борьбы с немцем»²¹.

Главное для автора письма — верность Родине, активная борьба с фашистами, честь и достоинство советского гражданина: «...много девушек, побывав на оккупированной территории, изменили свое лицо как советские молодые люди. Они предпочитают заменить борьбу, советскую агитацию в тылу врага на брошки, браслеты, часы и кольца. Они заменили нашу серьезность в жизни на легкость в поведении. Они не захотели отблагодарить Родину за свое прекрасное детство так, как это сделали герои Краснодона, как Лиза Чайкина, как Зоя Космодемьянская. Откровенно тебе сказать, я по-другому стал смотреть на таких, и просто скажу, — презираю. За то, что у них личное выше общественного. От них веет складчиной, мещанством, нафталином. От них веет немецкими помадами и духами. От них веет своего рода наплевательским отношением к тому, что происходит вокруг них. Они не понимают своей роли граждан России»²². Письмо Л.С. Антипова, довольно длинное и обстоятельное, полностью посвящено этой теме.

Отношение к Коммунистической партии

Перед лицом надвигающейся беды советские люди еще теснее сплотились вокруг Коммунистической партии, укреплявшей морально-политическое единство народа, развивая в нем свя-

ценное чувство советского патриотизма, нестигаемую волю к победе. Партия развернула широкую политическую и идейно-воспитательную работу на фронте и в тылу, вселила в народные массы глубокую веру в свои силы, веру в торжество нашего правого дела. Прививая советским воинам высокие нравственные и боевые качества, партия укрепляла их моральный дух. Коммунисты всегда были на наиболее трудных и опасных участках фронта. Они вооружали воинов правильным пониманием военно-политической обстановки и задач по разгрому немецко-фашистских захватчиков. Своей беспримерной храбростью и отвагой коммунисты показывали достойный пример в выполнении воинского долга.

Бойцы-коммунисты могли по праву гордиться и гордились тем, что являлись достойными представителями ленинской партии. Об этом писал жене в ноябре 1944 г. Герой Советского Союза Г.М. Денисов: «... коммунистическое воспитание, вот основа моей жизни»²³.

Авторитет партии в годы войны был необычайно высок. Накануне сражений многие воины подавали заявления с просьбой в случае гибели считать их коммунистами. Тысячи военнослужащих по зову сердца вступали в ряды ВКР(б). Из 45 авторов один (Н.Т. Маркелов) в период войны стал коммунистом. Об этом событии он с радостью оповестил родных в августе 1944 г.: «31.07 получил партийный билет, теперь я уже член партии!»²⁴

Отношение к личности И.В. Сталина

Среди бойцов особенно высок был авторитет И.В. Сталина, принявшего в августе 1941 г. обязанности Верховного Главнокомандующего. Армия и народ верили ему и надеялись на него. Это нашло отражение в письмах фронтовиков, где они пишут о нем как великом

вожде и учителе советского народа: «Эти действия уже сейчас показывают всему миру, как наша Красная Армия и весь советский народ умеют выполнять указания нашего любимого учителя — Иосифа Виссарионовича»²⁵. Лозунг «За Родину, за Сталина!» вдохновлял бойцов, призывал их на подвиги. В письме Л.С. Немудрого жене и детям мы находим строки: «А если я отдам жизнь, то за Вас, за Родину, за Сталина»²⁶. Готовность к самопожертвованию во имя счастья родной семьи для автора изначально, как и свобода, независимость Родины. И в то же время нельзя не отметить, что имя Сталина, его авторитет, уважение к нему для автора письма — одна из высших ценностей.

Из 140 писем в 6 военнослужащие с любовью и уважением упоминают имя Верховного Главнокомандующего (4%). Все авторы этих писем — коммунисты, представителями офицерского состава, авторы четырех из них — политработники. Подобный состав авторов писем определился, вероятно, потому, что офицеры, прежде всего политработники, были проводниками официальной политики среди военнослужащих, поэтому в их письмах чувство любви и уважения к Сталину нашло более яркое отражение.

Чаще всего высокая оценка Сталина как умного руководителя и дальновидного политика содержится в письмах, относящихся ко второму этапу войны — четыре письма (первый этап — одно письмо, третий этап — одно письмо). Это можно объяснить, вероятно, тем, что ряд побед, одержанных на втором этапе войны не только способствовал укреплению веры в победу, силу и мощь нашей армии, но и резко повысил авторитет Верховного Главнокомандующего, которому органами пропаганды отводилась значительная роль в достигнутых успехах.

Жизнь автора письма как ценность

В условиях военной обстановки, когда ежедневно возникала угроза жизни, 56 писем с фронта пронизаны мечтой остаться в живых. Это нашло отражение в 25 письмах к родным, в которых бойцы с убеждением писали, что скоро встретятся с ними, сообщали о дальнейших жизненных планах и замыслах. В письме Женечки Грунковой родителям есть строки: *«Вы пишете, что мои одноклассницы ходят в школу, а я — нет. Это не беда, после войны обязательно кончу Краснодарский Кубанский медицинский институт»*²⁷.

Понимая всю опасность, с которой сопряжена борьба с врагом, зная о смерти не понаслышке, теряя в боях лучших фронтовых товарищей, бойцы в 31 письме, мечтая о жизни, признают возможность погибнуть в бою и выражают надежду все-таки остаться в живых: *«Что будет со мной дальше, ни вы, ни я не знаем, — признается в письме родным в сентябре 1941 г. Л.С. Немудрый. — Помирать, конечно, каждый едущий на фронт, не собирается, но десятки тысяч погибают и это вполне естественно, так как война есть война»*²⁸.

В письме неизвестного автора есть слова: *«Сейчас только и мечты, как бы побольше немцев уничтожить и самому не пострадать. Ну, а там, кто его знает, какая у меня судьба»*²⁹. В четырех письмах мы находим слова скрытой тревоги за собственную жизнь: *«...почему-то сейчас мне взгрустнулось. До сего времени я не мог ощутить тревогу моих товарищей-офицеров нашего подразделения. Сегодня ночью мы должны будем сделать прорыв...»*³⁰

В то же время, осознавая жизнь как высшую ценность, авторы 6 писем откровенно признали, что могут пожертвовать собственной жизнью во имя ценностей, признанных этими авторами особенно значимыми: *«За Родину, за*

Сталина». Необходимо отметить, что в 5 письмах (из 6) в числе высших ценностей бойцы называют Родину и свободу.

Оценка автором письма собственной самооценности

В некоторых письмах бойцы оценивали и свой личный вклад в разгром противника, свои силы, возможности и т. д. Таким образом, в письмах отражена оценка собственной самооценности. В 18 письмах бойцы с удовлетворением писали о собственных успехах: *«Я своей машиной уничтожил немецкий танк, 3 пушки, 2 автомашины-бронетранспортера»*³¹.

Гораздо реже сообщали о собственных неудачах (два письма): *«Приходится трудно вато, делаю промахи. Надеюсь, все освоить раньше, чем меня выгонят, дело в том, что скоро воевать, а на живых людях учиться нельзя...»* Эти оценки свойственны участникам боев и курсантам, находившимся в учебных запасных полках. Недовольство вынужденным бездействием содержится в письмах бойцов (три письма), находившихся в госпитале и на перформировании.

Обращает на себя внимание, что стремление к активным действиям: попасть на фронт, быстрее вступить в бой с противником, или недовольство пассивностью своей и окружающих наиболее часто мы находим в письмах бойцов, не достигших 20 лет (8 из 18 писем).

В 12 письмах бойцы сообщали о полученных наградах. В 10 случаях они не скрывали своей радости. Письма 7 авторов содержат информацию о том, что награда — это стимул еще раз отличиться в бою, совершить новые героические поступки: *«постараюсь оправдать оказанное мне доверие»*³². Награда — это средство самоутверждения в глазах родных, следовательно, она не последняя: *«буду служить, надеюсь, еще получу»*. В письме Г.М. Денисова жене

есть строки: «...когда приеду, докажу тебе, что ты не права была, когда сказала мне, что я не способен иметь железки на груди, чтобы блистать перед женщинами, и я только для тебя работаю, чтобы ты во мне не разочаровалась»³³. В числе авторов, выразивших надежду в дальнейшем получить награды, бойцы, которые были представлены к награде и по разным причинам ее не получили.

В четырех письмах бойцы с огорчением, чувством задетого самолюбия сообщают о том, что награды им не вручили. Два автора признали, что для них награда не является главной ценностью. Нина Коваленко в письме подруге сообщила: «...а за награды мы и не думаем — узнала, почему мне уже 3 раза был отказ. Но мне наплевать, все это не главное». И с обидой добавила. «Вот такая несправедливость везде была, есть и будет»³⁴. Награда была своеобразным средством самоутверждения в глазах родных, товарищей по службе, оценкой вклада в разгром противника. И обида бойцов по поводу неврученных наград понятна: они были оскорблены тем, что их вклад в борьбу с врагом не оценен по достоинству.

Осознание собственного авторитета у окружающих для фронтовиков было очень важно. В одном письме говорится: «Надеюсь, что исход будет, конечно, не очень плачевный. Суток 8 получу, и ладно. Зато мне кое в чем наука, но авторитет, который был у меня, очень большой и хороший — подорван»³⁵.

Отношение к воинскому подразделению, оценка его боевых действий

В письмах с фронта нашла яркое отражение оценка действий воинской части, в составе которой сражались авторы письма. В 19 письмах из 31 бойцы дважды с гордостью сообщали о бое-

вых действиях подразделения. Отмечалось даже небольшое продвижение вперед в их письмах. Сообщения об успешных действиях военной части соотносятся с этапами войны: 1 этап — 2%, 2 этап — 28%, 3 этап — 29% от всего количества писем на каждом из этапов. Из письма Л.Г. Ганзина от 25.08.1944 г.: «После прорыва немецкого фронта врагу не дали передышки. Мы далеко ушли за 3 дня от того места, где долго стояли в обороне. Наступательный порыв бойцов велик...»³⁶

О потерях в подразделении сообщается в 12 письмах (в двух трижды). «Вчера я был в аду, в воздухе ревет, на земле ревет, гремит и сверкает, кругом пожары, кутерьма ужасная. Но все же со всего этого мы вышли победителями, правда, не без потерь. Некоторые из них, моих друзей, — сгорали, но они дрались как львы, как тигры...»³⁷ Авторы трех писем отмечали тяжелые условия, в которых сражались их часть с врагом: «...У нас развернутся тяжелые бои. Мы должны пройти «болота смерти», так называли мы их, трудно приходится продвигаться почти непроходимыми, без особых средств, болотами, ровными как скатерть и без особой растительности»³⁸.

Отношение к подразделению, ставшему близким и родным за долгие месяцы службы, становится ясно на примере двух писем, авторы которых сожалеют о том, что по долгу службы вынуждены его покинуть.

Из письма Н.Н. Шаповалова: «Обидно, что в самый разгар событий пришлось, в связи с переходом на новую работу, оставить батальон и не ощущать результатов своей работы по обучению и воспитанию непосредственно в бою»³⁹. В четырех письмах фронтовики отмечают решительность, патриотизм и высокий моральный дух, присущие бойцами их подразделений.

Отношение к противнику, оценка его сил

В 30 письмах (в 9 — дважды) мы находим слова ненависти и презрения к врагу. Эта ненависть обострялась гибелью родных, смертью боевых товарищей, злодеяниями фашистов на оккупированной территории, осознанием всей глубины той беды, что принесли иноземные захватчики советскому народу, автору письма и его родным. Из письма И.П. Наумова: «... жму вас к сердцу своему, которое озлоблено к ненавистному врагу, немецкой своре...»⁴⁰

В 5 письмах советские военнослужащие признают силу и мощь противника. Эти письма относятся ко всем трем периодам войны. В то же время, сообщая о наступлении фашистской армии, отмечая упорное сопротивление врага или признавая его превосходство, все авторы писем убеждены в том, что это явление временное и враг будет обязательно разбит и уничтожен. Н.Н. Шаповалов в письме от 7 июля 1943 г. рассказывал: «...немец оказался не в силах дольше сидеть у моря и ждать погоды — перешел на нашем участке фронта в наступление... Мы знаем, что противник не может ждать, и он готов поставить и поставит на карту все, лишь бы хоть немного поднять моральный дух своих солдат. В общем, несмотря на то, что на сей раз наступление начал он, несмотря на это, наши дела далеко не плохи, и я убежден, что наступление врага закончится тем, что мы с ним поменяемся ролями и уж, конечно, будем наступать не так, как он, а наступать по-сталинградски»⁴¹.

В 14 письмах (10%) солдаты и офицеры отмечают ослабление силы и мощи войск противника. При этом с радостью сообщают об огромных потерях неприятеля, пишут об отступлении вражеских войск, отмечают факты морального разложения, нервозность

и панику в войсках гитлеровской армии: «Впереди на больших высотах сидят осужденные историей и страхом смерти к падению проклятые честолюбцы — немцы»⁴². В сентябре 1944 г. Федор Каланский в письме родителям отвечает: «Уходя, мы Варшаву еще не взяли, зато “мамалыжники” тикают и фрицы несчастные. Интересно, как возьмешь фрица в плен, так он и кричит: “Гитлер капут! Война капут!”»⁴³

Надо отметить, что сведения об ослаблении силы и мощи войск неприятеля содержатся всего в 6 письмах, датированных вторым (4 письма) и третьим (8 писем) этапами войны. Первому этапу соответствуют два письма, которые были написаны с 5.12.1941 г. по конец февраля 1942 г., когда наши войска провели ряд успешных операций по освобождению ряда городов СССР.

Отношение к равным себе по положению

В условиях фронта, когда бойцы были оторваны от прежней социальной среды (родных, близких, друзей, знакомых, товарищей по учебе, работе, месту жительства и т. д.), их общение в основном ограничивалось взаимоотношениями с равными по званию военнослужащими, руководящим командиром, с бойцами, находившимися в подчинении. Фронтная жизнь была тесно связана, прежде всего, с теми, кто находился рядом в окопе, блиндаже, с кем вместе шли в атаку, прикрывали отступление товарищей или отдыхали на привале, кому могли доверить самое сокровенное, с кем делились радостью или горем, обменивались шутками, спорили, а могли невзначай и поссориться. Об этом писали в 29 письмах (24%). В 14 письмах бойцы пишут о дружеских взаимоотношениях с товарищами по службе или сообщают о них с чувством уважения и восхищения.

В трудные минуты боевые друзья первыми приходили на помощь. Известны яркие примеры, когда бойцы, рискуя жизнью, спасали от гибели товарищей. Чувство взаимовыручки и взаимопомощи проявлялось не только в экстремальных условиях, но и в повседневной фронтовой жизни. Трогательная забота о друзьях звучит в словах рядового А.В. Дерий, адресованных жене 10 июля 1942 г.: «*Муся, ... если (посылку) принимают, то высылай. Я с товарищами буду ожидать, а то моим товарищам покуда неоткуда посылки получать, ихние села были оккупированы, мы будем тебя благодарить*»⁴⁴. О фактах взаимопомощи сообщается в пяти письмах (3,6%), в одном из них дважды.

Ни одна война не обходится без жертв, и в боевых операциях бойцы теряли своих лучших друзей. Об этом они с горечью сообщали родным: «...*когда я узнал, что Иван Потапович умер, то очень, очень стало жалко, ведь я с ним с сентября 1943 года вместе был*»⁴⁵. В 10 письмах (7%) бойцы жалеют о гибели или ранении друга. Насколько глубока была их скорбь, подтверждает тот факт, что в двух письмах они неоднократно повторяют о своих чувствах к погибшему товарищу (в одном письме дважды, еще в одном трижды).

Чувства товарищества, взаимовыручки, взаимопомощи, сочувствия и сострадания, которые таким образом выступали в качестве ценностей общения, их высшая форма — дружба — объединяли бойцов, сближали их и роднили. До наших дней фронтовики смогли сохранить верную фронтовую дружбу.

Надо отметить, что взаимоотношения бойцов были не настолько безоблачными, как это может показаться на первый взгляд. Снайпер Любовь Вишницкая в письме подруге сетует на невнимание окружающих к ней и ее подругам в то время, когда им необходимы и помощь, и поддержка: «*О нас никто*

не беспокоится, где мы, что с нами?»⁴⁶

Наряду с героическими поступками советских бойцов на фронте случались и факты недостойного поведения, о чем с огорчением в письме жене сообщает 4.01.45 г. Н.Т. Маркелов, обижаясь на товарищей, которые подвели его: «*Получил, дорогая, большую неприятность. Кто-то пил и хулиганил, а я, видимо, за все отвечаю*»⁴⁷. В письме от 2 августа 1944 г. он с неприязнью пишет о завистливом отношении окружающих офицеров: «...*я не орденносец, как говорят другие. То, что мне надавали, было задержано, ведь я месяц как воюю, и вдруг 2 награды, ведь они воюют 3 года и имеют по 2 и по одной*»⁴⁸.

Последние месяцы 1944 г. — ни у кого нет ни малейшего сомнения, что близок конец войны. Боевые действия идут уже на чужой территории. В этих условиях отмечались факты ослабления дисциплины, о чем очень категорично пишет подруге Нина Коваленко: «*Знаешь, Лизок, только мы четверо остались снайперами, остальные обабались. Винтовки где-то в обозе, а они понабифали барахла, покутаются, а и вообще уже превратились в кухарок и прачек. Обидно становится за них. Сразу вспоминаю Кубань, погибших девушек и тяжело становится*»⁴⁹. Следовательно, наряду с дружелюбным отношением к товарищам фронтовики не прощали им бездушия, зависти, вещизма, о чем крайне негативно отзывались в письмах.

Отношение к командиру

В командиры войны ценили не только отвагу, умелое руководство подчиненными, но и заботливое отношение к себе (два письма). «*Вчера наш комиссар пришел меня поздравить...*»⁵⁰, или «*Эту секретку и еще несколько дал мне комбат и просил меня передать Вам привет, папа и мама*»⁵¹, — писала родителям Женя Грунская. Не про-

щали командиру бездушного отношения к себе и окружающим бойцам, о чем сообщает Люба Вишницкая: «...раньше о нас беспокоился хоть комвзвода, а теперь мы одиноки, мы не нужны никому!»⁵² Наиболее чутко реагировали в письмах на заботу, внимание, чуткость или равнодушие женщины. Из восьми писем, где сообщается о фактах взаимопомощи или нежелания помочь, невнимательном отношении, пять принадлежат женщинам.

Отношение к землякам

Вдали от родного края для бойцов были очень дороги встречи с земляками. Земляки могли разделить и печаль по родным местам, и светлую радость воспоминаний о них. В земляках, как ни в ком другом, бойцы находили самых чутких и задушевных собеседников, верных товарищей.

Ценность общения с земляками для фронтовиков ярко отражена в 11 письмах (8%). Бойцы с радостью сообщают о том, что служат с земляками (четыре письма). «Я рад, все наши вместе»⁵³, — читаем мы в письме Г.М. Жарко. Сожалеем о том, что в подразделении с ними нет земляков. Алексей Дерий отмечает: «...я здесь один, с нашей станицы нет никого»⁵⁴. Особенно горько читать, как безутешна скорбь бойцов, потерявших в бою своих товарищей-земляков (три письма). «Конечно, хороших людей жалко, он один у меня был земляк, и я сейчас сам с ума схожу за него, очень жалко. Я сам из Краснодарского края, Отрадненского района, ст. Мало»⁵⁵, — эти слова адресует жене погибшего друга старшина И.И. Солохин.

Отношение к бытовым условиям на фронте

В 17 письмах (12%) фронтовики писали о том, что для них созданы отличные или хорошие условия. В некоторых случаях они ограничивались лаконич-

ной фразой «условия, в общем-то, неплохие» — 11 писем (7,8%). Но дальнейшее изучение этих и других писем показывает, что бойцы находились в тяжелых условиях. Об этом они писали в 42 письмах (30%). «Никакой бани. Мне надо давно переодеться. А вещи где-то в тылу, на повозке»⁵⁶, — это строки из письма Любы Вишницкой.

Авторы писем сетуют на тяжелое материальное положение: «...с экономикой очень плохо, сегодня 26, до 15 июня 19 дней, а у меня ни копейки. Вчера сократил аттестат до 250 руб., за это потребовали 3 руб., а у меня их нет... Курить бросить придется. Продать нечего...»⁵⁷ Авторы этих писем — бойцы, временно находившиеся в резерве или на передислокации, где, как следует из писем, выплата жалования резко сокращалась, о чем они с сожалением сообщали родным: «...деньги офицерам, находящимся в резерве, не выплачивают после их нахождения в резерве свыше 3-х месяцев. По аттестату они идти будут (аттестаты бойцы сразу же после получения переводили семьям — Авт.), ... кроме аттестата выдаваться не будут до получения штатной должности в части. Это существующее в настоящее время положение. Я здесь 4-й месяц...», — читаем мы в письме Н.Т. Маркелова⁵⁸.

При дальнейшем рассмотрении писем становится ясно, что в аналогичном положении в резерве и на передислокации находились как офицеры, так и рядовые: «Мама, — обращался Василий Рыбалкин, — не получал ни первого письма, ни рублей, которые Вы послали... Мама, хоть бы уж скорей на фронт, а то очень трудно»⁵⁹. Из этого следует, что во время пребывания бойцов в резерве вопросы материального обеспечения приобретали для них немаловажное значение.

Эти сообщения отсутствуют в письмах участников боевых действий, ко-

торые мечтали о домашних продуктах питания, фруктах, просили выслать в посылке продуктов. Из 6 авторов подобных писем 5 находились в действующей армии. Из письма Алексея Дерий: «...а ты знаешь, как мне хочется рыбы свежей или соленой, я тебе передать не могу, хотя б какой-нибудь пришли, хотя бы немного, буду очень благодарен, а если трудно это сделать, то не надо, и без нее обойдусь»⁶⁰.

Многие бойцы вне зависимости от местонахождения мечтали о домашнем тепле и уюте, тяготились однообразием фронтовой жизни (12 писем). Они осознавали, что решить все материальные и бытовые проблемы в годы военной разрухи практически невозможно. В двух письмах отмечалось, что во время войны решение бытовых проблем — не главное. Еще два бойца, сожалев о собственных вещах, уничтоженных во время боя, признают, что в конце концов эта проблема разрешима и не столь уж важна, главное — остаться в живых.

*Оценка морального духа,
технического вооружения
и боевых действий
Советской Армии
на других фронтах*

Очень чутко реагировали солдаты и офицеры на события, происходившие на других фронтах. Из данных следует, что во всех письмах, в которых бойцы сообщали о действиях Красной Армии (15 писем — 11%) присутствует только высокая оценка ее сил и мощи. В них фронтовики отмечали достигнутое превосходство над врагом, решительность и патриотизм советских войск, сообщали о наступлении Красной Армии. Л.С. Антипов с нескрываемой радостью сообщает родным: «Начиная с 5.07.1943 г. на фронте Орел–Курск–Белгород начались сильные бои. Как приятно слышать то, что

немцы, не добившись почти никаких успехов, за 3 дня боев потеряли более 30 000 солдат и офицеров, 1 549 танков и 543 самолета. Вот это и есть начало решительных боев, которые должны закончиться полным разгромом фашистских мерзавцев»⁶¹. Можно предположить, что победы Красной Армии окрыляли бойцов, вселяли надежду на скорое окончание войны. Вместе с тем, зная, что вести об отступлении наших войск гнетуще воздействуют на близких им людей, фронтовики, вероятно, предпочитали не упоминать лишний раз об этом в своих письмах.

*Отношение к действиям
войск стран-союзниц
по антигитлеровской коалиции*

В условиях борьбы с гитлеровской Германией назрела необходимость единства действий стран антифашистской коалиции. Итогом Тегеранской конференции глав правительств СССР, США и Великобритании было принятие решения об открытии второго фронта в Западной Европе. В мае 1944 г. экспедиционные силы союзников высадились в северо-западной Франции и начали продвигаться на восток.

Несмотря на то что Красная Армия вела успешные наступательные бои, объективно открытие второго фронта улучшало положение войск на восточном фронте и ускоряло процесс уничтожения противника. В советских войсках с нетерпением ждали начала боевых действий войск стран-союзниц в Европе и с радостью приветствовали их. «В дороге я узнал о начале серьезных событий на западе, о действиях наших союзников, — сообщал Л.С. Антипов, — начало прекрасное. Приходится желать и похода такого же. Новость эта встречена с большим воодушевлением. Это и есть долгожданный второй фронт»⁶². А.В. Курганов в письме начальнику госпиталя, в котором находился на излечении, отмечал:

«...я имею честь гордиться тем, что мы первые протянули руки союзникам»⁶³. Радость бойцов по поводу действий стран-союзниц, поддержки, оказываемой ими, содержится в пяти письмах (3,6%).

Отношение к письмам родных, любимых, друзей, знакомых

В условиях фронта кровопролитные бои сменялись тягостным затишьем, действовавшим на нервы сильнее вражеской стрельбы, бойцы порой не были уверены, будут ли живы в следующую минуту, и в самый ответственный миг в душе вскипала борьба между страхом за собственную жизнь и чувством долга. Все это гнетуще воздействовало на психику солдат и офицеров. Трудно, почти невозможно было бы в одиночку справиться с этим постоянным нечеловеческим нервным напряжением, если бы не общение с товарищами по службе, ставшее жизненно важной потребностью.

За долгие месяцы войны бойцы обретали надежных фронтовых друзей, с которыми коротали часы затишья, делились последним куском хлеба, щепоткой табака. В трудную минуту друг мог поддержать добрым словом, в бою первым прийти на помощь. Недаром в войну родилась поговорка: «Нет ничего вернее фронтовой дружбы». Но ничто не могло заменить бойцам потребности общения с семьей, родителями, любимой, поэтому особую ценность для них представляло письмо. Письма ждали, без них грустили, их перечитывали десятки раз, с восторгом получали у фронтовых почтальонов, радовались читая, а порой роняли скупые слезы на эти маленькие и столь дорогие листки бумаги, заключавшие в себе очень многое для солдатской души.

Письмо не только приносило радость, оно успокаивало, утешало, было большой поддержкой, придавало новые

силы в долгой и многотрудной борьбе с врагом. «Я очень был рад, когда узнал, что есть мне письма и несколько раз читал подряд, покуда немного успокоился от радости»⁶⁴, — сообщал жене Алексей Дерий. Л.С. Антипов в своем письме отмечал: «В такой момент, когда наши войска наступают, и наступают довольно таки стремительно, твои письма успокаивают меня и поддерживают для еще более успешной борьбы с врагом»⁶⁵. Об этом сообщают авторы 29 писем (20,7%), в двух письмах — дважды, в одном — трижды.

Письменной встречи с родными ждали с нетерпением и скучали, когда писем долго не было. «Меня другой раз такая скука берет за то, что я не получаю писем»⁶⁶, — писал родным Григорий Жарко. На войне всякое случалось, письма иногда задерживались, терялись, бывало и так, что родные по разным причинам не торопились давать ответ.

Почти в каждом письме бойцы просили родных писать им письма, в некоторых обращались с просьбой, умоляли писать чаще, отвечать побыстрее. «Мамочка, пишите чаще, — просил Федя Алексанкин, — не забывайте меня, ведь я за Вами так соскучился, что и передать не могу»⁶⁷. Эти чувства нашли отражение в 66 письмах (47%). В 14 письмах — дважды, в 6 — трижды. Огромная ценность писем определялась стремлением бойцов хотя бы на миг отвлечься от повседневных тягот войны и мысленно побывать в кругу родных и знакомых, узнать обо всех событиях, произошедших в их жизни.

Отношение к собственной семье

Какими бы тяжелыми ни были испытания, выпавшие на долю фронтовиков, насколько бы ни была страшна реальность, окружавшая их, бойцы близко к сердцу воспринимали заботы и трево-

ги, беспокоившие их родных, и, как могли, старались помочь им добрым советом, теплым словом.

Долгая разлука обострила чувство принадлежности к семье. Семьям адресовано 61 письмо из общего числа проанализированных адресованных писем.

Письма пронизаны заботливой любовью к жене и детям. Бойцы, даже те, у кого строки писем ложились на бумагу с трудом, коряво, не скупилась на ласковые и нежные слова, часто писали о любви. *«Ты, моя Анечка, мне дорога и мила и безгранично любима мною, и моя любовь к тебе сейчас только сильнее. Каждый твой седой волос я буду хранить как свою кровь, и целовать как святыню...»* — эти прекрасные строки написаны Н.Т. Маркеловым в октябре 1944 г.⁶⁸ О своих чувствах к семье писали авторы 18 писем. Жизнь, здоровье жены и детей имели огромную ценность для бойцов. В 36 письмах, в 13 — дважды, они интересовались самочувствием, огорчались, когда узнавали о плохом состоянии здоровья. Очень часто в этих письмах можно прочитать слова трогательной заботы о самых родных и близких людях. В том же письме Н.Т. Маркелов обращается к жене: *«... прошу тебя, дорогая, как можно больше уделяй внимания сбережению своего здоровья, не иди на лишние жертвы, которые можно избежать. Ведь здоровье все — жизнь»*⁶⁹.

В условиях войны резко снизился жизненный уровень советских людей. Отсутствие предметов первой необходимости, продуктов питания, топлива, денежная инфляция — все это негативно отразилось на материальном положении народа, в том числе семей фронтовиков. Во многих письмах солдаты и офицеры озабочены материальной обеспеченностью семьи. Бойцы прекрасно сознавали, что с их уходом на фронт все домашние работы и проблемы легли на плечи жен. Довольно часто в письмах фронтовики интересовались

состоянием домашних дел, давали советы по их разрешению. *«Беспокоит меня то, — обращался к жене в июле 1942 г. Л.Г. Ганзин, — как ты живешь, поворачиваешься, не голодаешь ли, не голодают ли ребятишки? Обидно, что тебе ничем помочь не могу. Тосенька, постарайся побольше картошки перетащить с огорода, пока есть возможность, убери обязательно весь лук, горох. В это грозное время продукты в огороде — основа вашего питания»*⁷⁰.

Озабоченность материальным положением семьи, заинтересованность в решении домашних дел содержится в 36 письмах. Бойцы стремились по мере своих возможностей оказать материальную помощь семье. Об этом они сообщали в 26 письмах, где имеются сведения о денежных переводах, пересылке денежных аттестатов, посылок: *«Я сегодня выставил аттестат на 600 руб. Разрешается от зарплаты только на 65% выставить аттестат. Как получишь, немедленно сообщи мне. Получить по аттестату будешь с января 1944 г., а как за декабрь я получу, то вышлю деньги»*⁷¹, — сообщал в письме Л.С. Немудрый. В тех же письмах бойцы обеспокоены тем, чтобы их семье была оказана поддержка местными властями, родственниками, но прежде всего родителями.

Интерес бойцов к взаимоотношениям между собственной и родительской семьями содержится в 12 письмах. Во многих из них они озабочены тем, чтобы крепла взаимопомощь и взаимоподдержка.

Бойцам на фронте было важно знать обо всех событиях, даже очень незначительных, происходивших в жизни членов семьи. С этой просьбой к родным они обращаются в 22 письмах. Значительное место в письмах с фронта уделено заботе о душевном спокойствии жен, моральной поддержке в трудных для них ситуациях, стремле-

нию вселить уверенность в своих силах — 19 писем. Из письма В.А. Дмитриева: «...знаю, что достается тебе основательно, а ты не волнуйся, спокойней, не нервничай, и дело пойдет наверняка. Верно, тебе приходится испытывать невероятные трудности из-за проклятой гитлеровской шайки, ввергнувшей нашу страну в войну. Но что же делать — бойцам на фронте трудней достается. Надо, золотко, перенести с достоинством, мужественно все невзгоды. Но ты подумай, какое светлое будущее вырисовывается впереди, когда мы разгромим ненавистный гитлеризм и разобьем его военную машину»⁷². Бойцы часто стараются убедить родных в необратимости победы над врагом и будущей встречи с семьей.

Для бойцов немаловажное значение имела уверенность в том, что во время разлуки жены сохраняют им верность. «Оленька, ты ведь знаешь, что я тебя чертовски люблю, верю, что ты достойна этой любви, и думаю, что тот светлый, честный, нежный образ жены и матери ты сохранишь за время нашей разлуки, и встретимся такими, как и расстались»⁷³, — обращался к жене Г.М. Денисов в ноябре 1944 г.

В 43 письмах бойцы писали о своей мечте встретиться с семьей, о том, как тяжело находиться вдали от родных, о которых они часто думают, мечтают, вспоминают, по которым скучают. «Иногда к горлу подступает комок тоски и горечи, когда вспоминаю о вас, мои дорогие, самые родненькие на свете»⁷⁴, — это слова из письма Л.Г. Ганзина.

Отношение к родительской семье

Отношение бойцов к родителям просматривается в 46 письмах (33% от общего числа). При этом надо учесть, что самим родителям адресовано только 32 письма (23%), остальные написаны родственникам, друзьям, знакомым,

любимым. В отличие от писем, адресованных семье, где доминирует стремление встретиться с женой и детьми, в письмах родителям преобладает забота о здоровье — 26 писем. Встреча с родителями как ценность — 18 писем.

Немаловажное значение для фронтовиков занимали события, происходившие в жизни родителей — 13 писем. В 12 письмах просматривается стремление оказать помощь родителям. В 7 из них бойцы надеются на помощь родственников родителям, благодарят за поддержку или огорчены невниманием к отцу и матери. Василий Рыбалкин в июне 1942 г. спрашивал в письме: «...помогает кто-нибудь вам или нет? Миша помогает ли вам, а Федор? Наверное, совсем отказались и Иван тоже. Но я попробую написать маленькое такое письмецо, может на него немного подействует...»⁷⁵

Довольно часто бойцы интересовались материальным положением в родительской семье (11 писем — 24%). В письме того же автора от 16 ноября 1943 г. мы находим строки: «А как насчет хлебных карточек, есть ли они у вас или нет, и есть ли у вас хоть какие продукты?»⁷⁶ В письмах к жене и детям они с большим интересом спрашивают также о состоянии домашних дел.

И конечно, фронтовики стремились успокоить своих матерей. Преобладающее число писем в родительские семьи адресованы исключительно матерям. Вероятно, отцы многих авторов писем находились на фронте. Душевым спокойствием родителей бойцы озабочены в 11 письмах. Можно сделать вывод, что при преобладании в письмах заботы о состоянии здоровья родителей (26 писем), мечты с ними встретиться (18 писем) для бойцов равное значение имели: события, происходившие в их жизни (13 писем); помощь родителям (12 писем); их душевное

спокойствие (11 писем); материальное положение семьи (11 писем).

Отношение к любимым

В 27 письмах мы находим слова о любимых, хотя им непосредственно адресовано только 23 письма. Преобладает в письмах мечта о встрече (24 письма). Любимым много писали о своих чувствах (18 писем). Значение для фронтовиков имела верность любимой девушки (два письма).

Бойцы интересовались событиями, происходившими в жизни любимых (четыре письма) и стремились им помочь в разрешении некоторых проблем (2 письма).

Отношение к родственникам, друзьям, знакомым

Родственникам адресовано шесть писем, хотя упоминание о них содержится в 24 письмах. Другим адресовано 18 писем. Общее число писем с их упоминанием — 39.

В отношениях как к родственникам, так и к друзьям, знакомым преобладает стремление встретиться с родными (8 писем), с друзьями (6), интерес к происходящему в жизни родственников (8 писем), друзей (5) и состоянию здоровья, обеспокоенность за жизнь родственников (6 писем), друзей (2).

В отношениях к родным присутствуют: материальная поддержка (два письма), забота о душевном спокойствии (два письма). По отношению к друзьям, знакомым подобные упоминания отсутствуют.

Однако в письмах друзьям мы находим просьбу оказать автору письма помощь и благодарность за оказанную помощь (четыре письма). Из писем, раскрывающих отношение бойцов к семье, родителям, родственникам, друзьям, знакомым следует, что доминирующими ценностями для бойцов были встреча с родными и знакомыми, их жизнь и здоровье.

Отношение к родному краю, городу, селу, станице

Воевать приходилось вдали от родных мест, поэтому в письмах содержится грусть по родному краю. Красноармейцы вспоминали о родной земле, о чем сообщали родным (7 писем — 5%): «*Живу в лесу. Лес да лес. Попасть бы сейчас на Кубань!*»⁷⁷ — читаем мы в письме Александра Каланского.

В 10 письмах (7%) солдаты и офицеры интересовались событиями, происходившими в городе, станице. «*Пишите, что там нового в городе*»⁷⁸, — обращалась к родителям Евгения Грунская. Озабоченностью проникнуты письма, в которых бойцы спрашивают родных и знакомых о разрушениях городов. «*Что из себя представляет город? Какие здания разбиты? Как выглядит Дом Красной Армии?*»⁷⁹ — спрашивал в письме Л.С. Литвинов.

В условиях войны для фронтовиков было очень важно знать, находится ли родной город на оккупированной территории или освобожден советскими войсками. Огорчение по поводу захвата родного города немецко-фашистскими оккупантами и радость по случаю его освобождения содержится в двух письмах (1,5%). «*Прочел про наш родной город и Кубань*, — обращается В.А. Дмитриев к жене, — *как они стоят под фашистским сапогом*»⁸⁰.

Бывало и так, что бойцы грустили, вспоминая родные села и станицы (8 писем — 6%), и мечтали о скорейшем возвращении. Ценность родного города, села определялась и тем, что там оставались семьи, родители, все те, кто был дорог бойцам и с кем они мечтали встретиться. Интересно отметить, что стремление вернуться в родной город на первом этапе войны встречается редко — в 2,6% писем. Сложная обстановка на фронте, наступление фашистов на родную землю отодвигали эту мечту на второй план. В процессе освобождения советской земли от оккупантов мечта

вернуться в родной город и грусть о нем усиливаются: на втором этапе в 7% писем, на третьем — в 6%.

Отношение к представителям советской власти на местах

Из содержания писем с фронта можно судить, насколько неоднозначным было отношение бойцов к представителям советской власти на местах. Оно складывалось в зависимости от того, как те относились к нуждам семей бойцов. В основном эти письма принадлежат семейным бойцам.

Оценка взаимоотношений между представителями местных властей и родными содержится в 8 письмах (3%). В 6 из них бойцы убеждены в том, что местные власти обязаны помочь семье в разрешении ряда бытовых проблем (75%). Два письма (25%) проникнуты горечью обиды на тех, кто с равнодушием отнесся к нуждам семьи фронтовика. Обида звучит в строках из письма А.В. Дерий: *«Муся, ты пишешь, что не дают никакой помощи и посылают один до другого, за это, конечно, обидно делается мне, что когда дома был и работал, то тогда нужен был, а ведь спросить, где же я сейчас, “единоличник”, что ли? Ведь я защищаю свою Родину и за них, что они сейчас дома и еще начинают издеваться. Муся, ты требуй с них то, что нужно и не бойся, и не стесняйся, законно требуй»*⁸¹.

Примечательно, что авторы 7 писем из 8 до призыва в армию были колхозниками. Вероятно, это связано с тем, что уровень жизни колхозников был крайне низким и высока была их зависимость от сельсоветов, поссоветов, через которые они обеспечивались топливом, стройматериалами, кормом для скота и т. д. Если действия, а точнее бездействие, отдельных представителей местных властей вызывали негодование у бойцов, то к советской власти как форме управления в письмах военнос-

лужащих нареканий нет. Более того, сержант И.П. Наумов рад восстановлению Советской власти в родном городе после его освобождения от немецких захватчиков: *«Желаю Вам быть живыми и здоровыми в нашей освобожденной от немецкого ига темрюкской жизни при обратно советской власти»*⁸².

Отношение к религии

После Великой Октябрьской социалистической революции одним из первых декретов церковь была отделена от государства, и к сороковым годам религия потеряла доминирующее значение в духовной жизни большинства граждан нашей страны. Известно, правда, что с началом войны возрос интерес к некоторым предметам религиозного культа. Сама же религия представляла ценность для ограниченного числа военнослужащих.

Из 45 авторов писем только у одного военнослужащего мы находим живой интерес к религиозным праздникам, о которых он спрашивает у матери в двух письмах: *«Мама, Вы напишите, когда Троица, когда Вознесение, то есть которого числа?»*⁸³ В другом письме он обращается к матери с просьбой помолиться, вероятно, в церкви: *«Мама, выговори, чтоб до Пасхи, вроде кто-то говорил...»*⁸⁴ Еще в 6 письмах бойцы вскользь упоминают Бога, но, вероятней всего, в качестве традиционной связки слов. *«Слава богу, мои дорогие, до сегодняшнего дня цел, хотя сам с батальоном отражал яростные контратаки немцев»*⁸⁵ или: *«А в бою, слава богу, прошел Крым и Рим и сейчас далеко на Западе»*⁸⁶.

Заключение

Историческая память о Великой Отечественной войне создавалась и претерпевала изменения в зависимости от того, как передавалась она от по-

коления войны последующим поколениям в процессах социализации, что стремились сохранить в ней и на чем акцентировали общественное внимание господствующая идеология, историческая наука, средства массовой коммуникации, художественная литература и искусство. Она противоречива по своему содержанию в силу нелинейности, многообразия самой реальности и ее истории. На современном состоянии памяти о Великой Отечественной войне отражаются неоднозначность подходов в интерпретации ее причин, хода, значения, неизбежная мифологизация событий и личностей. Все это находит выражение в семантическом пространстве определений, содержащем самые разнообразные конструкции: от лакировки и идеализации событий войны, ее участников и героев до перестроечных «уроков правды», в которых возобладали очернение всего и вся, даже того, что на самом деле должно быть святым: от замалчивания и искажения реальной исторической действительности до неуместной, исторически несущественной, но эмоционально хлесткой детализации и садистского смакования трагедии войны. Именно под влиянием этих и других ментальных конструкций, построенных зачастую на эмоциях, а не на логике и рациональном осмыслении действительности, существуют в наши дни представления о том, почему и какой была война, каковы ее смысл и значение для живших тогда и погибших, для настоящего и будущего нашей страны.

Несмотря на огромное количество литературы о Великой Отечественной войне, ее социальная история во многом остается *terra incognita* для ныне живущих послевоенных поколений. Обращаясь к письмам воинов, мы убеждены, что живая и образная картина этого времени, как, впрочем, и других исторических эпох, только тогда может быть полной, когда, наряду с разработ-

кой архивных фондов официальных документов, в научный оборот будут максимально вовлечены источники личного происхождения. Предпринятые в этом направлении попытки и усилия пока недостаточны и скованы тем, что при значительном объеме публикаций писем они очень существенно редактировались, издавались с купюрами, а в исторических исследованиях использовались мало и избирательно.

Создаваемые в письмах тексты — очень своеобразный способ и результат мыслительной деятельности, отражающие специфику ситуации, объекта и предмета рефлексии автора. Письмо — это социальное действие автора, в котором для него имеют значение собственные размышления, чувства, мысли, эмоции, соотнесенные с определенным адресатом, присутствует стремление выразить собственные переживания по поводу конкретных людей и их писем, ярко выражено намерение вызвать позитивные реакции у тех, с кем он состоит в переписке. Потребность, выражаемая и удовлетворяемая написанием письма, мотивы этого действия становятся понятными в свете его функциональной значимости, актуальной и традиционной предопределенности его создания. Письмо в контексте условий и обстоятельств военной поры было единственно возможным средством коммуникации. Его функции состояли в поддержании психоэмоциональной и социальной связи, тех позитивных социальных отношений, что уже сложились между автором и адресатом.

Социологический подход к изучению писем ориентирует исследовательские действия на выделение в текстах писем смысловых единиц по критерию жизненная ценность-цель, жизненная ценность-отношение. Этот методологический подход позволяет, с одной стороны, рассмотреть письмо как целостный фрагмент ценностного

мира личности, а с другой стороны, охватить все многообразие конкретных вербальных выражений ценностей как сложных явлений сознания.

Анализ писем военнослужащих периода Великой Отечественной войны позволяет утверждать, что весь ценностный мир военнослужащих, как и всего советского народа, в этот период был объединен одним стержнем — войной. Доминантами в его структуре выступало то, что на самом деле составляло фундаментальную ценность не только для автора письма, но и для той социальности, в контексте которой, в тесной или опосредованной связи с которой он находился: покинутая социальная среда и прежде всего семья; советское общество и его институты, одухотворенные высшим понятием «Родина»; войсковая социальная среда и более всего фронтовые дружба и братство; противник как объект борьбы и др.

В ситуации непосредственной включенности авторов исследуемых писем в противоборство с фашистской военной силой определяющее значение для них приобрела ценность достижения победы над врагом. Ее значение усиливалось ценностью любви к Родине, ценностью ее свободы от фашистского порабощения, ценностью возвращения к мирной жизни с ее спокойствием, перспективами и возможностями воплощения в реальность мечтаний и планов.

Из писем становится очевидным, что ценность собственной жизни авторов писем определялась не столько эгоистичным чувством самосохранения, сколько важностью ее сохранения для родных и близких, для выполнения воинского долга, для будущего в семье, стране, обществе. Именно этим объяснялась и готовность к самопожертвованию во имя родных, любимых, близких, во имя свободы Родины и ее независимого будущего. Фронтовики хорошо понимали и чувствовали, сколь

опасен враг, испытывая на себе его силу в тяжелых боях, будучи вынужденными отступать перед его натиском. Они остро переживали утраты среди соратников по оружию, с чувством ненависти к врагу воспринимали беды советского народа и всей страны, обещали отомстить за потери.

Ценности общественного характера проявились в той значимости, что придавалась в письмах бойцов личности И.В. Сталина, роли Коммунистической партии, стойкости и мужеству советского народа. В то же время они гневно осуждали предательство, утрату чести и достоинства частью населения, оказавшегося на оккупированной врагом территории.

Сопоставляя свои действия против врага с его силой, особенно на этапе обороны и отступлений, авторы писем не проявляют чувства безысходности, подавленности. Напротив, они проявляют стойкость в боях с агрессором и сохраняют веру в себя и свою правоту как защитников всего самого святого на родной земле. Они убеждены в своем превосходстве над противником, радуются личным победам, испытывают гордость за успешность боевых действий своего подразделения из-за своей причастности к его воинской силе и славе. Бодрость настроений, рост уверенности и боевого духа, высказываемые в письмах, были характерны для этапов Великой Отечественной войны, на которых советская армия стала одерживать победы, обратила вспять войска противника и погнала на запад фашистские полчища.

Вместе с высокими порывами для воинов безусловную ценность составляли повседневные дружеские отношения с фронтовыми товарищами. Они глубоко скорбели, переживая гибель друзей и однополчан. Однако фронтовые взаимоотношения, как и всякое жизненное явление, не идеальны. В них есть моменты неприятия тех или иных

поступков, к которым авторы писем относятся критично. Испытывая неудобства походной жизни, бытовой дискомфорт в фронтовых условиях, войны относились с пониманием к неизбежности собственных лишений и потерь.

В письмах война предстает перед нами как рутинная и обыденность, трудная монотонная работа, утомляющая своей элементарностью, сужением жизненных задач до узкого круга борьбы с врагом. Война — это постоянная тревога за свою жизнь, оставленный кров и благополучие родных. Это периоды нечеловеческого напряжения боев и трудных переходов, вынужденного и поэтому утомительного бездействия. Долгая отлучка от привычной обстановки дома, работы и окружающей действительности, огромный дефицит эмоционального тепла по причине разорванных временем и расстоянием отношений с родными, любимыми, близкими, друзьями создали и обострили уникальную ценность письма от них как возможности общения, поддержания жизненно необходимой связи с теми, кто очень дорог. В письмах с фронта нашли отражение такие ценности, как благополучие семьи, родителей, родных, любимых, знакомых, их жизнь, здоровье, материальная обеспеченность, встреча с ними.

Время и беспмятство обладают огромной разрушительной силой по отношению к прошлому и его истории. Это особенно очевидно в нашем отношении к той истории, что нашла свое отражение в письмах. С каждым годом все меньше остается в живых тех, кто на протяжении жизни подобно реликвиям хранил пожелтевшие, с полустершимися строчками солдатские треугольнички. Все больше утрачивается самих писем этой поры. Необходима более настойчивая и скрупулезная работа по сбору и сохранению писем,

дневников, других личных документов, активное вовлечение их материалов в художественные и публицистические произведения, в научные исследования. Это необходимо во имя сохранения памяти павших, беспримерного подвига советского народа.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Петров В.Н. Изучение ментальных характеристик исторического сознания студенческой молодежи о Великой Отечественной войне // Социальное развитие России: тенденции, перспективы, проекты. Социология. Социальность. Современность. Вып. VIII. М., 2002. С. 378.
2. Краснодарский государственный историко-археологический музей-заповедник, ф. 3, ш. 10, ПМ-2858/3 (далее КГИАМЗ).
3. Темрюкский государственный историко-археологический музей, ф. 18, ш. 7, ПМ-2509/5 (далее ТГИАМ).
4. ГАКК, коллекция писем.
5. ГАКК, коллекция писем.
6. Коллекция писем Н.В. Момотовой, № 32 (копия).
7. ГАКК, коллекция писем.
8. Там же.
9. ТГИАМ, ф. 18, ш. 7, ПМ-4572/7.
10. Коллекция писем Н.В. Момотовой, № 94 (копия).
11. ТГИАМ, ф. 18, ш. 7, ПМ-6128/5.
12. Там же, ПМ-3561/3.
13. ГАКК, коллекция писем.
14. ГАКК, коллекция писем.
15. ТГИАМ, ф. 18, ш. 7, ПМ-3561/1.
16. ТГИАМ, ф. 18, ш. 7, ПМ-6128/5.
17. ГАКК, коллекция писем.
18. Коллекция писем Н.В. Момотовой, № 64 (копия).
19. Коллекция писем Н.В. Момотовой, № 82 (подлинник).
20. Коллекция писем Н.В. Момотовой, № 87 (подлинник).
21. Там же, № 87 (подлинник).

22. Там же, № 87 (подлинник).
23. ТГИАМ, ф. 18, ш. 7, ПМ-2509/2.
24. Коллекция писем Н.В. Момотовой, № 64 (копия).
25. Коллекция писем Н.В. Момотовой, № 80 (подлинник).
26. ТГИАМ, ф. 18, ш. 1, КМ-6128/5.
27. КГИАМЗ, ф. 3, ш. 10, КМ-2373/6.
28. ТГИАМ, ф. 18, ш. 7, КМ-6128/5.
29. ТГИАМ, ф. 18, ш. 7, ПМ-2115/1.
30. Коллекция писем Н.В. Момотовой, № 64 (копия).
31. ТГИАМ, ф. 18, ш. 7, ПМ-2115/1.
32. ТГИАМ, ф. 18, ш. 7, ПМ-2503/5.
33. ТГИАМ, ф. 18, ш. 7, ПМ-2503/5.
34. КГИАМЗ, ф. 3, ш. 10, КМ-2372/4.
35. Коллекция писем Н.В. Момотовой, № 68 (копия).
36. КГИАМЗ, ф. 3, ш. 10, КМ-6564/5.
37. ТГИАМ, ф. 18, ш. 7, ПМ-2125/1.
38. Коллекция писем Н.В. Момотовой № 64 (копия).
39. ГАКК, коллекция писем.
40. Коллекция писем Н.В. Момотовой, № 38 (копия).
41. Коллекция писем Н.В. Момотовой, № 64 (копия).
42. Там же, № 64 (копия).
43. ГАКК, коллекция писем.
44. ТГИАМ, ф. 18, ш. 7, ПМ-3561/3.
45. КГИАМЗ, ф. 3, ш. 10, КМ-6405/10.
46. Там же, КМ-4043/13.
47. Коллекция писем Н.В. Момотовой, № 64 (копия).
48. Там же, № 64 (копия).
49. КГИАМЗ, ф. 3, ш. 10, КМ-2373/6.
50. Там же, КМ-4043/13.
51. КГИАМЗ, ф. 3, ш. 10, КМ-2373/6.
52. Там же, КМ-4043/13.
53. Коллекция писем Н.В. Момотовой, № 33 (копия).
54. КГИАМЗ, ф. 3, ш. 10, КМ-6405/10.
55. Там же, № 1 (копия).
56. КГИАМЗ, ф. 3, ш. 10, КМ-4043/3.
57. Коллекция писем Н.В. Момотовой, № 64 (копия).
58. Там же, № 64 (копия).
59. ТГИАМ, ф.18, ш. 7, ПМ-3154/1.
60. Коллекция писем Н.В. Момотовой, № 7 (копия).
61. Коллекция писем Н.В. Момотовой, № 80 (подлинник).
62. Коллекция писем Н.В. Момотовой, № 90 (подлинник).
63. КГИАМЗ, ф. 3, ш. 10, КМ-3112/6.
64. Коллекция писем Н.В. Момотовой, № 9 (копия).
65. Там же, № 82 (подлинник).
66. Там же, № 39 (копия).
67. ГАКК, коллекция писем.
68. Коллекция писем Н.В. Момотовой, № 65 (копия).
69. Там же, № 65 (копия).
70. КГИАМЗ, ф.3, ш. 10, ПМ-2858/3.
71. ТГИАМ, ф.18, ш. 7, КМ-6128/6.
72. ГАКК, коллекция писем.
73. ТГИАМ, ф.18, ш. 7, ПМ-2509/5.
74. КГИАМЗ, ф.3, ш. 10, КМ-6564/5.
75. ТГАИМ, ф.18, ш. 7, ПМ-3154/3.
76. Там же, 3145/6.
77. ГАКК, коллекция писем.
78. КГИАМЗ, ф.3, ш. 10, КМ-2373/6.
79. Коллекция писем Н.В. Момотовой, № 93 (подлинник).
80. ГАКК, коллекция писем.
81. Коллекция писем Н.В. Момотовой, № 5 (копия).
82. Коллекция писем Н.В. Момотовой, № 30 (копия).
83. ТГИАМ, ф. 18, ш. 7, ПМ-3156/2.
84. Там же.
85. Коллекция писем Н.В. Момотовой, № 63 (копия).
86. ТГИАМ, ф. 18, ш. 7, ПМ-3154/6.

© 2005 г.

В.О. РУКАВИШНИКОВ

ПОСЛЕ ПОБЕДЫ: «АБСОЛЮТНОЕ ОРУЖИЕ»

Ядерная эра в истории человечества наступила 60 лет назад, когда на японские города были сброшены две первые американские атомные бомбы. Тогда же журналисты назвали новый вид вооружения «абсолютным оружием». Ныне мы знаем, что появление ядерного оружия (вначале атомного, а затем водородного и др.) в первую очередь оказало мощное влияние на международные отношения, в известной мере стимулировало развитие науки и техники и лишь отчасти — военного дела. Атомный шантаж СССР со стороны США, начавшийся в 1945 г., после победы над германским фашизмом, трансформировался в гонку вооружений. Бомбы предназначались скорее не для Японии, а для союзника США по антигитлеровской коалиции, потрясшего своими боевыми возможностями весь мир. Нужно ли сохранять союзнические отношения с русскими после разгрома Германии, и каковы будут планы русских после победы над фашизмом? Войны практически всегда заканчиваются изменением ранее существовавших границ, а мировые войны — переделом мира. Поэтому предположение о том, что после разгрома гитлеровской Германии границы в мире непременно изменятся и Советский Союз будет стремиться расширить сферу своего влияния, в годы Второй мировой казалось вполне логичным и соответствующим духу времени.

Япония была в глазах американского общественного мнения едва ли не злейшим врагом Америки, и на всем

протяжении войны с Германией Советский Союз соблюдал условия договора о ненападении, заключенного с Японией, поскольку не мог вести войну одновременно и на западе и на востоке. Неудивительно, что общественность США постоянно интересовало, вступит ли СССР в войну с Японией после победы над Германией и когда это произойдет. Денонсация советско-японского договора была осуществлена в апреле 1945 г., и через три месяца после окончания боевых действий в Европе СССР объявил войну Японии. В кратчайшие сроки были разгромлены группировки японских войск на Сахалине, Курильских островах и в Корее, а также мощная сухопутная Квантунская армия в Манчжурии (Северном Китае). 14 августа 1945 г. Япония безоговорочно капитулировала.

Общепризнанно, что Россия нанесла фашизму наибольший урон и честно выполнила взятые на себя союзнические обязательства, вступив в войну с Японией. Советский Союз вышел из войны с Германией с огромными людскими и материальными потерями. На североамериканском континенте не велись боевые действия, а значит, не было разрушений и человеческих жертв среди мирного гражданского населения. Американцев не угоняли из дома на рабские работы в Германию, не помещали в концлагеря.

Показательны агрегированные оценки возможности развязывания новой мировой войны, которая, по мнению полстеров, задававших этот вопрос с

1943 г., могла бы начаться через 25–30 лет после завершения Второй мировой войны: в декабре 1945 г. каждый шестой американец допускал, что третьей мировой развяжет Россия, а доля оптимистов, считавших, что Вторая мировая война отрезвит человечество, последовательно снижалась по мере того, как советские войска продвигались все ближе и ближе к сердцу Европы (табл. 1)

Советский Союз на протяжении 1941–1945 гг. воспринимался правящей американской элитой как *временный союзник, ненадежный партнер и непреременный соперник в недалеком будущем*. Несмотря на активное взаимодействие союзников в борьбе против фашизма, в 1942–1945 гг. общественному мнению не давали забыть, что русские — это принципиальный идеологический противник.

После победы в мире сложилась новая ситуация, важнейшей характерис-

тикой которой стало наличие двух центров силы — СССР и США, определяющих дальнейший ход мирового развития. После капитуляции Японии Запад более не нуждался в союзе с СССР, который вновь стал рассматриваться как главный внешний противник. И общественное мнение на это чутко отреагировало. Страх перед советской/русской военной угрозой развился в фобию. Это был процесс, ответственность за который лежит как на американском истеблишменте, как и советском руководстве, пугавшем порой весь мир своими заявлениями и неуклюжими действиями. Можно оценить роль манипулирования общественным мнением по тому, как представлялась советская политика¹.

Однако и после коллапса СССР мир не стал «безъядерным» и более безопасным. Не исключена возможность возобновления ядерных испытаний в Америке и России, не снята и угроза

Таблица 1. Общественное мнение США о возможности новой мировой войны в ближайшие 25–30 лет (1943–1946 гг., % от числа опрошенных)

Вопросы, ответы	Июнь 1943	Июнь 1945	Август 1945	Декабрь 1945	Июль 1946
Думаете ли Вы, что в ближайшие 25–30 лет возможно будет новая большая война, или Вы полагаете, что есть достаточно хороший шанс ее избежать?					
Будет большая война	30,8	27,1	32,1	38,0	41,0
Есть хороший шанс избежать войны	61,9	63,7	56,0	51,1	49,6
Не знаю	7,3	9,2	11,9	10,9	9,4
Какая страна вероятнее всего начнет новую войну?					
Декабрь 1945 г.	Россия	Япония	Германия	Великобритания	США
Ответы тех 38%, кто в декабре 1945 г. считал, что войны избежать не удастся*	17,5	5,9	2,6	2,1	0,9

Источник: Опросы FOR (Cantril H.(ed.). Public Opinion 1935–1946. (Under the editorial direction of Hadley Cantril. Prepared by Mildred Strunk. Princeton, 1951.)

* *Примечание:* Сумма превышает 38%, т. к. респонденты могли дать более одного ответа. Кроме приведенных в таблице, были и другие варианты, в сумме составившие 1,6%. Вариант «не знаю» — 10,5%.

«ядерного терроризма». В этой статье приведены новые для отечественного читателя данные опросов, позволяющие судить о реакции на Западе на бомбардировки японских городов в августе 1945 г., ядерные испытания 1940–1960-х гг., планы боевого применения ядерного оружия против СССР и распространение ядерного оружия по земному шару в наши дни².

Восприятие трагедии Хиросимы и Нагасаки в середине XX в. и начале XXI в.

Президент США Гарри Трумэн назвал атомную атаку против Японии «величайшим событием в истории». В Хиросиме атомным взрывом, согласно официальным данным, на месте было убито и ранено свыше 140 тыс. человек, в Нагасаки — около 75 тыс. Список жертв атомных бомбардировок непрерывно пополнялся в последующие 50 лет.

Общественное мнение США и их западных союзников одобряло атомные бомбардировки японских городов. Согласно данным опросов, в августе 1945 г. у ожесточенных войной людей не было чувства сострадания к погибшим и пострадавшим от атомного взрыва: большинство американцев, англичан и канадцев оправдывало применение атомных бомб (рис. 1). Даже в декабре 1945 г., когда уже стали широко известными огромные масштабы разрушений и чудовищное количество жертв среди мирного населения японских городов, более половины американцев сохранило прежнее отношение к этой акции (рис. 2).

Зафиксированную опросами 1945 г. реакцию западной публики, наверное, можно объяснить особенностями менталитета военного времени. Прошло немало лет, прежде чем в мире осознали смысл и по большому счету преступный характер бомбардировок, совершенных по приказу американского президента в самом конце Второй мировой

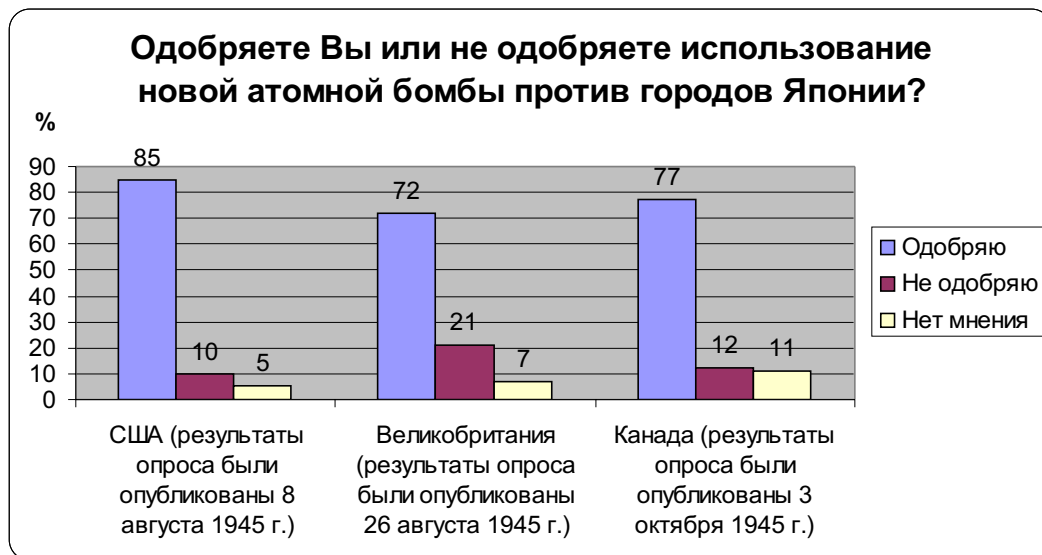
войны, и Хиросима и Нагасаки стали именами нарицательными.

Драматическая судьба этих городов заставила человечество задуматься о том, что необходимо избавиться от оружия массового уничтожения, чтобы избежать гибели. Однако в 2002 г. только двое из трех (67%) опрошенных американцев в той или иной степени связывали названия двух японских городов с атомным (или ядерным) оружием, войной и трагедией. Большинство из них считало: осознание чудовищности трагедии Хиросимы и Нагасаки стало причиной того, что после 1945 г. в мире не было ни одного нового случая боевого применения ядерного оружия (опрос был проведен Ipsos-Reid Global Express в феврале–марте 2002 г. Данные заимствованы из пресс-релиза, опубликованного 16 мая 2002 г.).

Среди респондентов в возрасте менее 35 лет доля правильных ответов на открытый вопрос (без подсказок) не превышала 61%. Иначе говоря, треть всех опрошенных американцев и почти 40% взрослой молодежи оказались не в состоянии правильно описать словами роль и историческое значение американских атомных бомбардировок Японии. В ряде других стран картина была еще хуже. И если реакцию Запада на атомные бомбардировки в 1945 г. можно описать формулой «нет милосердия к жестокому врагу», то незнание истории столь большой частью опрошенных в начале XXI в., наверное, обусловлено плохим преподаванием общественных наук в средней школе.

Согласно опросным данным, в августе 1945 г., сразу после бомбардировки Хиросимы и Нагасаки, большинство американцев (69%) было уверено, что создание атомной бомбы — это хорошее дело (опрос AIPO, 22 августа 1945 г. (Cantril, 1951:20)). Правда, и тогда некоторые люди искренне желали бы, чтобы атомная бомба никогда не была изобретена. Однако в октябре 1945 г.

Рис 1. Общественное мнение США, Великобритании и Канады о ядерной бомбардировке японских городов, август 1945 г.

Источник: Опросы AIPO, VIPO, CIPO (Cantril H.(ed.). Public Opinion 1935–1946 (Under the editorial direction of Hadley Cantril. Prepared by Mildred Strunk). Princeton, 1951. P. 20).

Рис. 2. Общественное мнение США о ядерных бомбардировках Японии, декабрь 1945 г.

Источник: Опрос FOR (Cantril, 1951: 23)

так думал лишь один из трех американцев (опрос AIPO от 31 октября 1945 г. (Cantril, 1951: 22)). Споры о том, привело ли изобретение атомной бомбы к увеличению или уменьшению вероятности возникновения новой мировой войны, начавшись в 1945 г. продолжают до сих пор (рис. 3).

Общественное мнение и планы боевого применения ядерного оружия

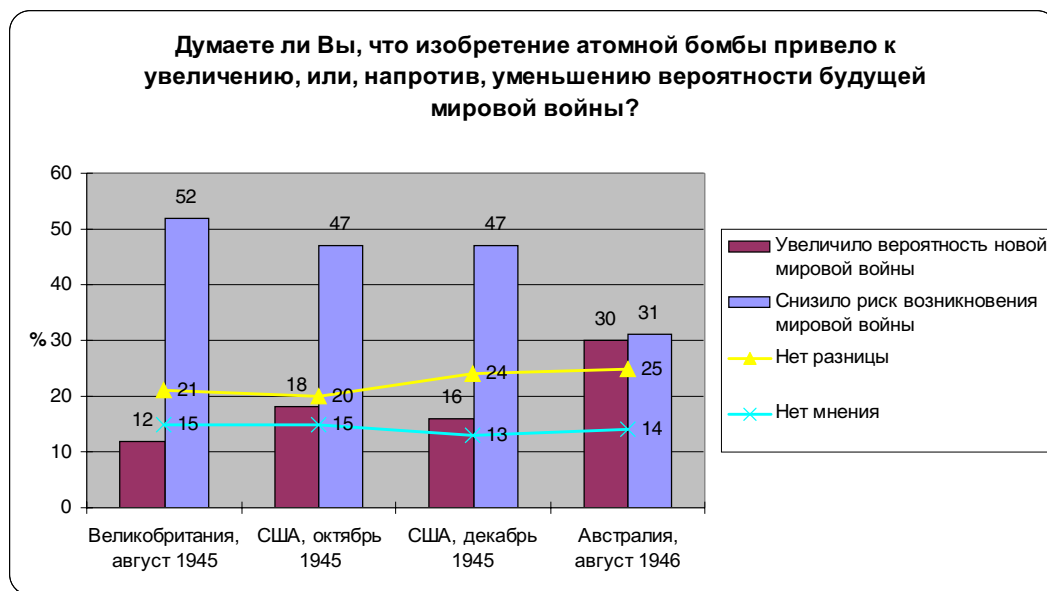
Бомбардировки японских городов показали, сколь велика мощность атомного оружия. В 1945 г. никто не сомневался, что новое оружие еще не раз будет использовано на поле боя. Такая убежденность сохранялась и после утраты США монополии на атомное оружие, и после потрясших мир испытаний термоядерного оружия. Вот лишь несколько примеров. В январе 1946 г. половина французов полагала, что атом-

ное оружие будет непременно использовано в будущей войне (Cantril, 1951: 23), а большая часть американцев вплоть до начала 1960-х гг. считала, что во всеобщей войне без применения ядерного оружия никак не обойтись³.

Поскольку в принципе возможность применения ядерного оружия в боевых действиях не отвергалась ни военными стратегами, ни политиками, ни общественностью, то на Западе начиная со второй половины 1940-х гг. обсуждались различные условия, при которых его использование будет выглядеть оправданным для мирового общественного мнения. При этом все понимали, что речь идет о нанесении удара по СССР.

Нужно заметить в этой связи, что осенью 1945 г. лишь двое из пяти американцев допускали, что существует реальная опасность применения атомного оружия против Америки в ближайшие 25 лет (Cantril, 1951:22). Но

Рис. 3. Общественное мнение США, Великобритании и Австралии о влиянии атомного оружия на вероятность развязывания новой мировой войны, 1945–1946 гг.

Источник: Опросы AIPO, FOR, BIPO, и APOP (Gallup George H. (General Editor), (1976). The Gallup International Public Opinion Polls. France 1939, 1944–1975. Random House. New York, Vol. 1. P.115; Cantril H. (ed.), 1951: 22).

уже тогда янки начали гадать, не настанет ли время, когда некая страна, обретшая атомное оружие, решится атаковать Америку. Три четверти опрошенных допускали в принципе возможность подобного нападения (Cantril, 1951: 25). А если такая война в будущем начнется, то, по мнению американцев, скорее всего именно русские сбросят на них атомные бомбы (опрос NORC в сентябре 1945 г. (Cantril H. (ed.), 1951:22)). И поэтому около половины (47%) американцев считало, что Америка «должна сделать все, чтобы не стать страной, на землю которой бомбы посыплются раньше других», даже если это означает, что США должны будут нанести удар первыми — напасть, как только возникнет подозрение, что другая страна «планирует осуществить внезапную атомную атаку на нашу страну в ближайшие несколько дней». Примерно столько же опрошенных (43%) полагали, что «надо подождать, пока мы удостоверимся, что атака неминуема, даже если это будет означать, что нас разбомбят первыми» (данные опроса NORC в марте 1946⁴).

По мере нарастания конфронтации, характерной для первого этапа холодной войны, пропорции общественного мнения изменялись: в 1949 г., накануне известия о взрыве первого ядерного устройства в СССР, большинство американцев (70%) высказалось в поддержку идеи применения атомного оружия первыми. Однако только очень незначительная часть опрошенных (в ноябре 1950 г. примерно одна десятая от числа респондентов и одна восьмая от общего числа высокообразованных респондентов) верила, что с помощью одной лишь бомбовой кампании можно будет достичь победы над Россией⁵. В феврале 1951 г. за атомную атаку на СССР было 66% респондентов (данные опросов, проведенных АПРО 7 августа 1949 г. и 12 февраля 1951 г.). К маю 1952 г. «ястребов» стало еще больше —

на применение ядерных бомб в случае «большой войны с Советским Союзом» тогда были согласны три четверти (74%) американцев⁶.

В годы корейской войны наиболее распространенным мнением в США было следующее: если напасть на Россию немедленно, не откладывая на потом, то «атомные бомбы нанесут России огромный ущерб и тем самым очень помогут США выиграть войну, но все равно это будет тяжелая битва»⁷. Неудача в корейской войне охладил горячие головы. В сентябре 1954 г. лишь 13% респондентов в Америке выразили согласие на то, чтобы «США начали войну с Россией сейчас, пока у нас есть преимущество в атомных и водородных бомбах» (опрос АПРО, 29 сентября 1954 г.).

Испытание водородной бомбы — принципиально нового типа ядерного оружия чудовищной разрушительной силы, проведенное в августе 1953 г. в Советском Союзе, произвело сильнейшее впечатление на Запад. Водородные бомбы были впервые испытаны американцами в 1952 г. и, по-видимому, публика была просто не готова к тому, что Советский Союз объявит об обладании аналогичным оружием так скоро. А по мере того как «русская угроза» наполнялась термоядерным содержанием, во всем западном мире росло понимание неизбежности сосуществования с СССР и проведения переговоров по контролю над ядерным оружием.

Осознание того, что если в войне будет использовано термоядерное оружие, то третья мировая война будет совсем не похожей на Вторую мировую — не долгой, многолетней, а быстротечной и чудовищной по масштабу разрушений, пришло не сразу, а по мере понимания того, что ядерное оружие — это, в первую очередь, средство устрашения и сдерживания потенциального агрессора, которое может

быть применено только в самом крайнем случае.

Американские союзники в Европе попросту пришли в ужас, представив, чем может обернуться для них реализация американского плана ядерной атаки против России на практике (Gallup, Great Britain, 1976, V 1: 450). В то время у СССР еще не было межконтинентальных баллистических ракет, и если бы США атаковали Россию, то основной ответный атомный удар советской авиации пришелся бы по густонаселенной Западной Европе — местам расположения американских баз. Судя по доступным нам данным, в 1950-х гг. в странах Западной Европы не было единства и по вопросу использования ядерного оружия в том случае, если напавший на них противник (читай — СССР) применяет в бою только обычное оружие. Так, например, в 1958 г. 64% опрошенных в Великобритании заявили, что «Запад будет неправ, если первым использует водородные бомбы в таких обстоятельствах». Нельзя не сказать и о том, что 22% занимали противоположную позицию и 14% уклонились от ответа (Gallup, Great Britain, 1976, V 1: 450). Напомним, что в те годы о согласии с принципом неприменения ядерного оружия первыми неоднократно заявляли руководители Советского Союза, призывавшие ко всеобщему разоружению и запрещению ядерных испытаний.

Атомная атака на Советский Союз могла быть произведена со всех азимутов. Доступные в настоящее время архивные материалы подтверждают, что мировая общественность была права, предполагая худшее, ибо Соединенные Штаты хранили свои атомные и водородные бомбы и/или их компоненты не только в Англии или Германии, но и в «безъядерных» Японии (с 1954 г.), Гренландии (с 1958 г.) и Исландии (с 1956 г.). Данные о наличии ядерного оружия всячески скрывались, особен-

но в тех случаях, когда в стране существовало сильное антиядерное движение или когда государство объявляла себя «зоной, свободной от ядерного оружия». Но оно было размещено даже в Японии — единственной стране, где до сих пор жива память о жертвах боевого применения атомного оружия, и в странах, пострадавших от последствий ядерных испытаний или аварий самолетов, имевших на борту ядерные бомбы.

На протяжении второй половины XX в. в размещении американских ядерных сил в мире, конечно же, происходили изменения, вызванные различными причинами. Естественно, в период холодной войны происходила замена устаревших типов и систем ядерных вооружений на более современные виды оружия. Из одних стран ядерное оружие было вывезено вследствие разработки в США новых стратегических ракетных систем, позволяющих нанести удар по Советскому Союзу/России или Китаю непосредственно с баз на североамериканском континенте. Из других — в силу перемен в военно-политической обстановке, смены правительства и протестов местной общественности. Политики в Европе и Азии также прекрасно понимали, что, дав согласие на размещение американского ядерного оружия на территории своей страны, они превращали свою страну в цель для советских ядерных бомб и ракет. Конечно, население районов, в которых были размещены американские ядерные базы, не знало всей правды о своих опасных соседях. Но простые люди понимали, что самое соседство с американской базой делает их мишенью для русских бомб и ракет.

Если атака на СССР могла начаться из любой страны, и не обязательно сопредельной, то и жертвой ответного удара стала бы не только страна-агрессор, но и все ее союзники и соседи. И, в конечном счете, погибла бы вся нынешняя цивилизация, ибо в тотальной ядер-

ной войне не может быть победителя. Не случайно в центре внимания мировой общественности на протяжении большей половины XX в. был вопрос о предотвращении ядерной войны между сверхдержавами. Сделано было немало.

22 июня 1973 г. в Вашингтоне было подписано бессрочное Соглашение между СССР и США о предотвращении ядерной войны. В документе подтверждалось, что целью политики участвующих в соглашении сторон является устранение опасности ядерной войны и применения ядерного оружия. Для достижения указанной цели СССР и США обещали воздерживаться от угрозы силой или ее применения против другой стороны, ее союзников и других стран в обстоятельствах, которые могут угрожать международному миру и безопасности. В случае, если отношения СССР и США между собой или с другими странами, а также отношения между странами, не являющимися участниками соглашения, будут выглядеть как влекущие риск ядерной войны между СССР и США или между каждой из сторон и другими странами, участники соглашения должны были незамедлительно приступить к срочным консультациям друг с другом и предпринять все усилия для предотвращения этого риска. Но, к сожалению, вопрос о боевом применении ядерного оружия до сих пор не снят с повестки дня. Военные продолжают строить планы использования ядерных боезарядов для решения ими же поставленных задач.

Порой говорят, что к планам использования ядерного оружия следует относиться как к «военным играм», поскольку они, как и оперативные военные планы, составляются на случай войны, а до войны между ядерными державами дело не дойдет. Но история доказала, что тренировки, учения и иные «игры» военных — это всегда далеко не безобидная вещь, ибо за ними

стоит практическая подготовка к возможным военным действиям. На рубеже XXI в., когда на карте мира уже не было Советского Союза, американское ядерное оружие, кроме баз на североамериканском континенте и островах в Тихом океане, было размещено в странах-членах НАТО: Бельгии, Великобритании, Германии, Греции, Италии, Нидерландах и, возможно, в Турции⁸, т. е. по периметру российских границ. Не стоит забывать и о выходе США из Договора по ПРО от 1972 г., и о развертывании американской национальной системы противоракетной обороны, первые элементы которой уже установлены на Аляске.

Вскоре после теракта 11 сентября 2001 г., когда Соединенные Штаты еще только готовили акцию возмездия в Афганистане, начавшуюся весной 2002 г., в СМИ появились сообщения о возможном применении США тактического ядерного оружия в ходе операции. Эти планы не встретили понимания, что неудивительно. Большинство граждан во всех странах сегодня считает, что ядерные державы не должны использовать ядерное оружие против стран, его не имеющих, в случае вооруженного конфликта и не должны применять его первыми в случае столкновения между собой⁹.

Проблема предотвращения распространения ядерного оружия

Вопросы о том, можно ли сохранить в тайне секрет атомного оружия, должны ли США поделиться своими знаниями по его производству с другими странами и не лучше ли передать все атомное оружие под контроль ООН, встали на повестку дня уже в 1945–1946 гг. Не вызывает удивления то, что в 1945 г. рядовые американцы не хотели делиться секретом атомной бомбы ни с кем, в том числе с бывшими союзниками в войне против Германии и Япо-

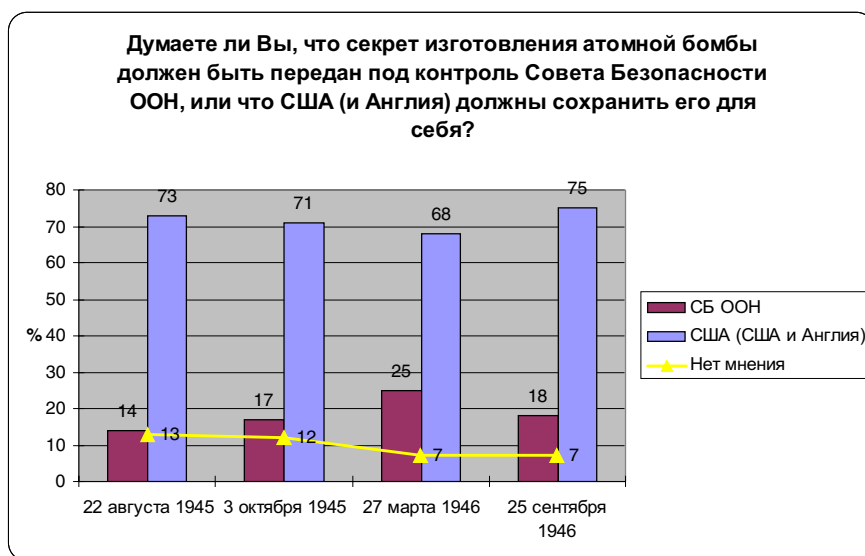

нии. В первую очередь, наверное, потому что они понимали, сколь мощный козырь для переговоров с русскими и всем остальным миром США сумели заполучить. При этом большинство американцев полагало, что тайну бомбы США уберечь не удастся — 82% респондентов (Cantril, 1951:22). Первой среди стран, которым удастся самостоятельно разработать атомную бомбу, будет Россия — таково было мнение двух из каждых пяти опрошенных (40%) (опрос FOR в декабре 1945 г. (Cantril, 1951:23)).

«Америка первой создала «абсолютное оружие», и поэтому именно она должна первой от него избавиться, не дожидаясь, пока его обладателями станут другие страны» — такая точка зрения в 1945–1946 гг. представлялась достаточно логичной тем, кто понимал, к каким ужасным последствиям может привести применение этого вида оружия на практике. Однако широкой поддержки предложение об одностороннем уничтожении Соединенными Штатами уже созданных и о прекраще-

нии производства новых атомных бомб не нашло ни в американском правительстве, ни в американском обществе: в ноябре 1946 г. почти три четверти респондентов (72%) было «против» него и только пятая часть (21%) — «за» (опрос AIPO, 13 ноября 1946 г. (Cantril, 1951:25)). Примерно в то же время в печати обсуждалось предложение о передаче американского атомного оружия под контроль Совета Безопасности только что созданной Организации Объединенных Наций. Принятие данного предложения означало бы добровольный отказ США от возможности навязывать другим странам свою волю, основываясь на превосходящей военной мощи и, наверное, в конечном счете могло бы изменить ход мировой истории. Но, как известно, «история не знает сослагательного наклонения», и, кроме того, в первые послевоенные годы, по-видимому, немногие рассматривали эту «фантастическую» идею всерьез, а большинство американцев попросту ее не поддерживали (рис. 4).

Рис. 4. Общественное мнение США о передаче Совету Безопасности ООН секрета атомной бомбы, 1945–1946 гг.

Источник: Опросы AIPO (Cantril, 1951: 21)

Большинство американцев (72% респондентов) в 1946 г. считали, что Россия уже делает свою бомбу, и лишь по одной этой причине Сталин не позволит ООН произвести инспекцию своих атомных производств даже в том гипотетическом случае, если Америка решится на одностороннее атомное разоружение или согласится передать свой атомный арсенал под международный контроль (Cantril, 1951:25). Американцы (65% респондентов) полагали, что односторонние действия со стороны США в области разоружения нецелесообразны — даже ради демонстрации искреннего намерения Америки поставить атомные бомбы под международный контроль (Cantril, 1951:25), поскольку они не приблизят заключение соглашения с Россией по этому вопросу. В последнем были убеждены 52% опрошенных (опрос АПРО, 14 ноября 1946 г. (Cantril H. (ed.), 1951:25)).

Приведенные выше факты можно истолковывать по-разному. Нам кажется, что за масштабной общественной поддержкой отказа от одностороннего атомного разоружения и/или передачи американского атомного оружия под контроль Совбеза ООН стояли не только недоверие Сталину и антикоммунистические установки, но и имперские амбиции. В 1946 г. уже активно разворачивалась холодная война, в Америке готовились к военному противостоянию со своим стратегическим противником, борьбе за мировое господство.

Обладание ядерным оружием стало символом военной мощи государства и вопросом национального престижа. Общественное мнение во всем мире это прекрасно понимало уже в 1945 г. Поэтому не вызывает удивления, что, например, в 1960 г., сразу после испытания французской атомной бомбы в Сахаре, две трети опрошенных французов (67%) признавали, что обладание бом-

бой дает Франции новый важный козырь в мировых делах¹⁰. И только при наличии ядерного оружия Франция может претендовать на то, чтобы другие считались с ней как с великой державой, способной и за себя постоять, и диктовать другим свои условия на переговорах. Не будет чрезмерным преувеличением утверждение о том, что в первую очередь из-за наличия огромного арсенала ядерного оружия экономически слабая постсоветская Россия была в свое время «принята» в клуб ведущих капиталистических государств, и группа G-7 стала восьмеркой (хотя до сих пор Россия как полноправный партнер присутствует не на всех заседаниях).

Общепризнано, что в годы холодной войны именно США навязали гонку вооружений всем другим странам, и в первую очередь России — своему главному стратегическому противнику. Гонка вооружений продолжалась как в годы смягчения отношений между сверхдержавами (так называемый период «разрядки» в начале 1970-х и «перестройки» конца 1980-х гг.), так и в периоды обострения международной напряженности, когда американская общественность поддерживала увеличение расходов на оборону.

На протяжении большей части 1940–1980-х гг. Советский Союз уступал США по количеству ядерных боезарядов (рис. 5). Заметим в этой связи, что, оценивая баланс ядерных сил сверхдержав, нужно учитывать и наличие ядерного оружия у других стран — Англии, Франции, Китая (и Израиля?), которым должен был противостоять Советский Союз.

Наличие ядерного оружия сначала в руках у США, а затем у СССР, Англии и, наконец, у Франции позволило четырем великим державам обособить себя от остального мира, сформировать так называемый «ядерный клуб». К сожалению, этот «клуб» медленно, но не-

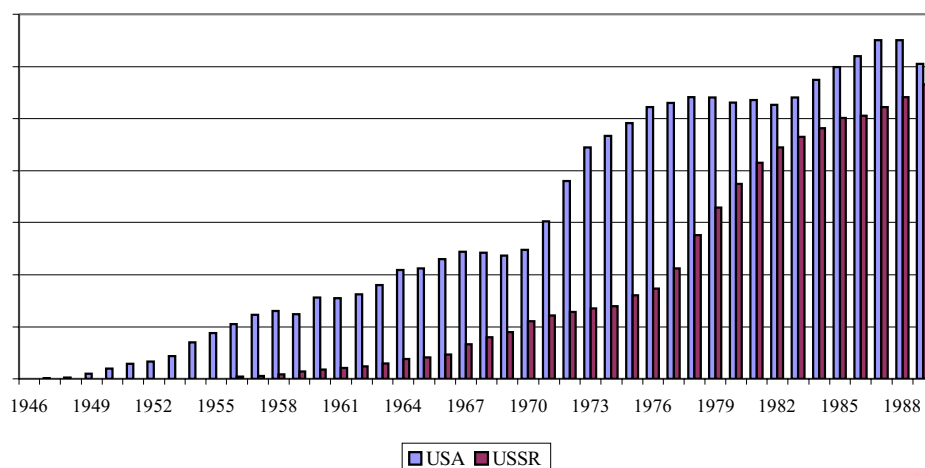

уклонно расширяется. К нему уже присоединились Китай (1966 г.), Индия (2001 г.) и Пакистан (2001 г.). Есть серьезные основания для подозрений, что к списку членов «ядерного клуба» можно причислить Израиль, к настоящему времени имеющий, по оценкам экспертов, не менее 300 ядерных взрывных устройств¹¹. Южноафриканская республика, ранее создавшая 6–7 ядерных боезарядов, после внутривнутриполитических перемен добровольно отказалась от продолжения своей программы по их созданию, демонтировала имевшиеся заряды и ныне не имеет собственного ядерного арсенала.

Соглашения, заключенные в результате переговоров о контроле над вооружениями, периодически возобновлявшихся в прошлом веке в связи с давлением общественности, не привели к существенному сокращению запасов данного вида оружия, хотя и позволили заметно снизить вероятность начала мировой ядерной войны и ввести в действие режим нераспространения ядерного оружия. К настоящему времени Договор о нераспространении

ядерного оружия 1968 г. подписали свыше 100 государств мира. В мае 2002 г. президенты США и России подписали новый важный Договор о взаимном сокращении стратегических ядерных арсеналов, согласно которому с уровня в 6–7 тыс. боеголовок на момент подписания стороны должны перейти на уровень в 1,2–2,2 тыс. единиц через 9 лет, т. е. к 2012 г. Договор был с энтузиазмом встречен во всем мире, в том числе и большинством американцев и россиян, расценивших его как важный шаг в правильном направлении. Большинство (82% респондентов) американцев, опрошенных организацией Гэллопа в мае 2002 г., одобрительно отозвалось об этом соглашении. Гораздо меньшее число респондентов (47%) верило в то, что Россия будет придерживаться взятых на себя обязательств. Однако и этот важный договор не предусматривает полной ликвидации всех запасов ядерного оружия, как и приостановки процесса его модернизации и разработки новых видов ядерного оружия, который продолжается и по сей день.

Рис. 5. Стратегические ядерные арсеналы СССР и США в 1946–1989 гг. (тыс. боеголовок)

Источник: по данным Стокгольмского международного научно-исследовательского института мира, SIPRI –90. Р. 23

Великие державы до сих пор не доверяют друг другу. Обратим внимание на то, как в XXI в. изменились позиции военных по вопросу использования боевых ядерных устройств. Если в годы холодной войны справедливо полагали, что ядерное оружие необходимо прежде всего для сдерживания потенциального агрессора, то в современных военных доктринах США и России нет однозначно понимаемого запрета на применение ядерного оружия против других государств, даже стран, не обладающих таким оружием.

Сегодня в мире имеется более 28 тыс. ядерных взрывных устройств разной мощности, и все большее стран обретает (потенциальные) возможности для производства ядерных боезарядов. Программы по созданию ядерного оружия были развернуты (и заморожены в середине 1960-х гг.) в Югославии, Румынии, Швеции, Аргентине, а позднее в Ираке. Бразилия и Тайвань официально отказались от своих ядерных амбиций, однако общественность западных стран обеспокоена возможностью создания ядерного оружия Ираном и КНДР, поскольку это может подтолкнуть их соседей пересмотреть свое отношение к режиму нераспространения. Консенса по вопросу о том, можно ли будет говорить о «безъядерном мире» как о реальности в ближайшие 100 лет, среди широкой публики как не было, так и нет¹².

Гротескная красота ядерного гриба

В декабре 1945 г. более половины американцев и англичан были согласны с мнением, что расщепление атомного ядра является величайшим научным открытием, которое изменит образ жизни людей (Cantril H. (ed.), 1951: 26). В январе 1946 г. две трети канадцев назвали открытие атомной энергии началом новой эпохи (там же). К сожалению, новая эпоха началась с активных испытаний различных образцов ядер-

ного оружия. За первыми американскими атомными тестами (1945 г.) последовали советские испытания атомной (1949 г.) и водородной (1953 г.) бомб, английские (1952 г.), французские (1960 г.), китайские (1964 г.), израильские (1963–1966 г. (1979? г.))¹³, затем южно-африканские (1979? г.), индийские (1974 г.), и пакистанские (1998 г.) испытания ядерных взрывных устройств.

В информации военного департамента США об испытании атомной бомбы на атолле Бикини в августе 1946 г. — событии, произведшем едва ли не самое сильное впечатление на мировую общественность в 1946 г., говорилось о «гротескной красоте грибовидного облака», но не было ни слова об ущербе, причиненном природе. Французы по значимости уравнивали это событие с событиями 1945 г. (опрос FIPO в феврале 1947 г. (Gallup, France, Vol. 1, p. 83–84)). К предупреждениям обеспокоенных ученых политики, военные и вслед за ними СМИ, формирующие мнение публики, до начала 1960-х гг. относились по меньшей мере легкомысленно. И лишь через полвека медицинская наука и статистика подтвердили, что высказывавшиеся опасения были оправданными. Первые статьи об опасности радиоактивных осадков и наличия стронция-90 в молоке появились именно в эпоху атмосферных испытаний ядерного оружия. В начале 2003 г. были обнародованы результаты исследований Европейского комитета по вопросам рисков, связанных с последствиями радиации (European Committee of Radiation Risk), свидетельствующие о том, что загрязнение окружающей среды отходами от программ по разработке ядерной энергии и оружия в период до 1989 г. привело к смерти 65 млн человек во всем мире. Ученые пришли к выводу, что эпидемия рака в 1959–1963 гг. была вызвана радиоактивным загрязнением окружающей среды, в том числе и радиоактивными осадками, пик кото-

рых пришелся как раз на этот период времени. Последствия испытаний ядерного оружия еще на протяжении многих поколений будут сказываться на здоровье населения и экологии Земли.

Прекращение и запрещение тестов — путь к прекращению разработки новых видов боеприпасов и ликвидации накопленных, но нуждающихся в проверке на пригодность запасов. Испытания то приостанавливались, то возобновлялись как западными державами, так и Советским Союзом. Они использовались как средство давления на неговорчивую сторону на переговорах о запрещении ядерного оружия. Общественное мнение на Западе в 1950-х гг. не было настроено однозначно против оружия и его тестов. Тем не менее с каждым годом во всем мире все большее число голосов протеста подымалось против каждого нового решения о проведении ядерных испытаний, и можно с уверенностью утверждать, что сведения о негативных последствиях таких испытаний, которые повсеместно обсуждались в печати, оказали определенное влияние на общественное мнение в отношении ядерного оружия.

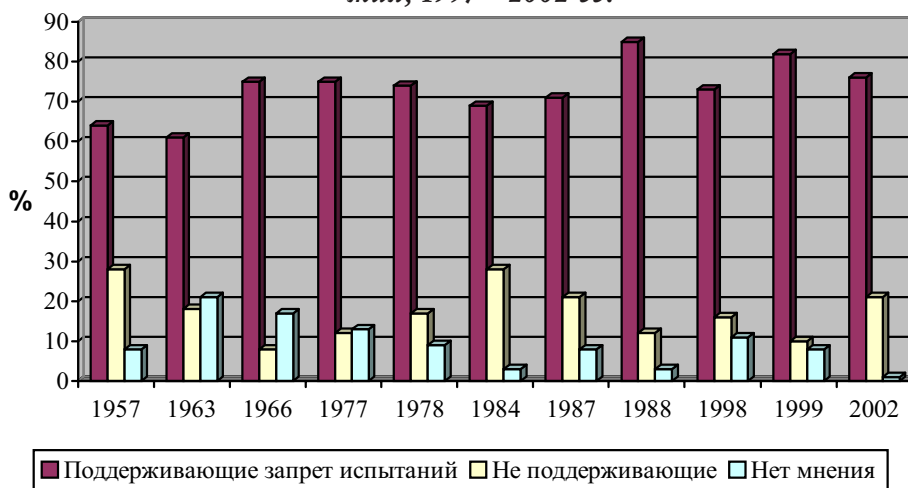
Венцом дипломатических усилий и конечным звеном цепи промежуточных договоров можно считать Договор о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний (ДВЗЯИ, по-английски — the Comprehensive Test Ban Treaty, или СТБТ) 1996 г. К нему присоединилось большинство стран мира. Однако до настоящего времени этот Договор не вступил в силу. Не обсуждая причины, укажем на то, что США до сих пор его не ратифицировали, несмотря на то, что большая часть граждан этой страны, как и населения планеты, выступает за запрещение всех испытаний оружия массового поражения, включая ядерное (рис. 6). По мнению ряда наблюдателей, отклонив ратификацию ДВЗЯИ, сенатское республиканское большин-

ство загодя подготовило почву для возможного выхода США из этого договора в будущем. Зная о позиции американских законодателей, выразившейся в 1999 г. в отказе Сената США от ратификации ДВЗЯИ, Российская Федерация тем не менее ратифицировала этот договор в 2000 г.

Мораторий на ядерные испытания, введенный Клинтоном, действует в США с 1992 г. по сей день. Однако для проверки технического состояния оружия, оригинальных инженерных решений и физических принципов, заложенных при разработке новых видов ядерных боеприпасов, нужны натурные испытания (хотя часть проблемы снимает моделирование ядерных взрывов на мощных компьютерах и испытание конструкций оружия без расщепляющихся материалов). Известно, что американский ВПК давно готовится к производству новых типов ядерных боеприпасов, включая «мини-ньюки» (*mini-nukes*) — ядерные боеприпасы сверхмалой мощности, «бункер-бастеры» (*bunker-busters*) — заглубляющиеся в землю ядерные боеприпасы для разрушения высокопрочных подземных сооружений, и нейтронные боеприпасы — боеприпасы с повышенным начальным выходом радиации¹⁴. Новые ядерные боеприпасы предназначены для ударов по хранящимся в подземных бункерах запасам химического и биологического оружия в так называемых «государствах-изгоях» в рамках «доктрины упреждающих действий» президента Джорджа Буша-младшего и по российским подземным командным пунктам¹⁵, т. е. для решения главным образом наступательных задач.

В сентябре 2003 г. Сенат США решил возобновить подземные ядерные испытания и отверг законопроект о запрещении разработки ядерных бомб малой мощности. Представители Белого дома тогда заявили, что возобновление ядерных испытаний необходимо

Рис. 6. Общественное мнение США о запрете испытаний ядерного оружия, 1957–2002 гг.

Источники: 1957 — Gallup Organization, April 1957; 1963 — Gallup Organization, August 1963; 1966 — Louis Harris and Associates, October 1966; 1977 — Louis Harris and Associates, March 1977; 1978 — Louis Harris and Associates, April-May 1978; 1984 — Louis Harris and Associates, November 1984; 1987 — Gallup Organization, September-October 1987; 1988 — The Daniel Yankelovich Group, Inc., November 1988; 1998 — The Mellman Group for the Coalition to Reduce Nuclear Dangers between May 15–17, 1998; 1999 — The opinion survey of 608 registered Washington State voters conducted by Research 2000, between June 18–21; 1999 — The Coalition to Reduce Nuclear Dangers, a non-partisan alliance of 17 of the nation's leading arms control and disarmament organizations, including Physicians for Social Responsibility and Peace Action, commissioned the poll); 2002 — Ipsos-Reid's Global Express, a quarterly international omnibus, February 20 — March 20, 2002, for The Center for Public Opinion and Democracy, University of British Columbia, Canada

прежде всего для того, чтобы убедиться в надежности существующих и новых видов оружия, но в США с этим спешить не будут, хотя вопрос о необходимости повысить готовность ядерного полигона в Неваде к проведению испытаний решен. По мнению некоторых зарубежных экспертов, сделав такое заявление, Соединенные Штаты готовили почву для выхода из глобальных договоров о контроле над вооружениями в удобное для них время, что грозит миру новой ядерной гонкой, которая может перечеркнуть усилия последних 30 лет по сдерживанию распространения ядерного оружия. Однако 20 ноября 2004 г. американский Конгресс вычеркнул из законопроекта о внутригосударственных расходах на будущий финансовый год строку о фи-

нансировании разработки новых и модернизации уже имеющихся так называемых «проникающих бомб», в том числе «ядерных боеприпасов малой мощности» — весом до 5 килотонн. Администрация предлагала затратить на эти цели 27 млн долл¹⁶ Тем самым удалось, если не отменить, то отложить как минимум на год начало новой гонки ядерных вооружений.

В Москве эти решения официально никак не комментировали, но косвенные подтверждения того, что Россия готовится к возможному выходу США из моратория, были. И конечно, ситуация в мире может существенным образом измениться, если вышеописанные опасения сбудутся и на полигонах в Неваде и на Новой Земле вновь зазвучат взрывы.

Угроза ядерного терроризма

В ноябре 2004 г. в ежегодном докладе ЦРУ, опубликованном в Вашингтоне, абсолютно серьезно, без каких бы то ни было оговорок и предположений, говорится о том, что у террористической сети «Аль-Каида» есть все возможности для изготовления «грязной» ядерной бомбы¹⁷. Насколько обосновано это утверждение, сказать невозможно. Равно как и проверить заявления о том, что для совершения новых терактов Усама бен Ладен, возможно, использует ядерные чемоданчики, потерянные КГБ, или расщепляющиеся материалы, закупленные на российском «черном рынке». После того как выяснилось, что информация об иракском оружии массового поражения, предоставленная ЦРУ и использованная для обоснования интервенции в эту страну, оказалась ложной, в прессе высказываются опасения, что заявления ЦРУ о ядерных амбициях организации бен Ладена могут оказаться дезинформацией, запущенной во имя сугубо политических целей.

Возможно, что регулярные «утечки» и «откровения» экспертов ЦРУ призваны способствовать, если не развитию массового психоза, то как минимум росту страха перед «Аль-Каидой»

и антирусских настроений в США и в целом на Западе¹⁸. Об эффективности данной кампании судить пока рано. Во всем мире простые люди больше боятся уличной шпаны, чем международных террористов, хотя бы по тому, что шанс встретиться с глазу на глаз с хулиганами и бандитами у порога своего дома у каждого из нас намного выше, чем риск оказаться жертвой теракта с использованием ядерного устройства, о чем свидетельствуют данные майского (2002) международного опроса (табл. 2, табл. 3). Приведенные цифры показывают, как западная публика реагировала на угрозу терроризма через 8 месяцев после трагических событий 11 сентября 2001 г. Нельзя не сказать о том, что в этом опросе лишь 3% респондентов в США и столь же малое количество в других западных странах назвали «террористов с ядерным оружием», и лишь 1% — «стремление Усамы бен Ладена и «Аль-Каиды» приобрести ядерное оружие» *наибольшей потенциальной угрозой личной безопасности*.

В 2002 г. 17% жителей российских городов выразили обеспокоенность в связи с потенциальной возможностью ядерной войны, а в 2003 г. две трети россиян (65%) заявили, что угроза применения ядерного оружия до сих пор

Таблица 2. Опасности и потенциальные угрозы, вызывавшие наибольшее беспокойство у публики в США, ФРГ, Великобритании, Франции и России в 2002 г., %

Страна	Криминальное насилие	Ядерная война/ Распространение ядерного оружия	Стихийные бедствия/ техногенные катастрофы	Угрозы экономического характера	Терроризм	Угрозы здоровью
США	22	6	13	7	15	8
ФРГ	14	12	8	13	9	3
Великобритания	26	15	13	2	6	6
Франция	46	5	14	2	10	8
Россия (город)	22	17	10	7	13	9

Источник. Опрос в 11 странах, проведенный Ipsos-Reid в феврале-марте 2002 г. по заказу Центра изучения общественного мнения и демократии при университете штата Британская Колумбия в Ванкувере, Канада. Данные заимствованы из пресс-релиза, опубликованного 16 мая 2002 г., с. 3.

Таблица 3. Оценки вероятности реализации возможных угроз человеку и миру. США, ФРГ, Великобритания, Франция и Россия, 2002 г., %

Страна	Процент респондентов, оценивающих вероятность реализации угрозы в ближайшие годы как «очень высокую»				
	Шанс стать жертвой насилия в Вашей стране	Большая война между западными странами и исламскими государствами	Использование террористами ядерных бомб или оружия массового поражения	Наносящие ущерб последствия глобального потепления или других проблем окружающей среды	Всемирная депрессия или экономический коллапс
США	7	18	10	15	7
ФРГ	4	6	5	29	6
Великобритания	7	18	11	29	10
Франция	11	17	17	31	12
Россия (город)	5	14	4	9	8

Источник. Опрос в 11 странах, проведенный Ipsos-Reid в феврале-марте 2002 г. по заказу Центра изучения общественного мнения и демократии при университете штата Британская Колумбия в Ванкувере, Канада. В России были опрошены только горожане. Данные заимствованы из пресс-релиза, опубликованного 16 мая 2002 г., с. 7.

Примечание. Показан процент тех, кто сказал «это непременно случится в ближайшие 10 лет».

Таблица 4. Боязнь ядерной войны в США, 1987–1997 гг.

Сейчас я прочитаю Вам несколько утверждений на разные темы. Скажите, пожалуйста, в какой мере Вы согласны с каждой формулировкой. S. ...Я часто волнуюсь относительно возможности ядерной войны	Полностью согласен	В целом согласен	В целом не согласен	Полностью не согласен
Ноябрь 1997	21	27	31	19
Июль 1994	24	24	32	19
Май 1990	21	31	29	16
Май 1988	28	33	25	12
Май 1987	23	39	27	0

Источник: The Pew Research Center for the People and Press, *Pew Values Update: American Social Belief 1997–1987*, <http://www.people-press.org/valuetop.htm>

существует, причем каждый пятый опрошенный считал эту угрозу значительной. И лишь 28%, согласно данным агентства РОМИР-Мониторинг, были не склонны принимать ее всерьез — считали незначительной или вовсе не существующей. Отвечая на вопрос: «От кого в настоящее время, по вашему мнению, исходит эта угроза?», третья часть россиян (32%) в опросе РОМИР назвала США, и столько же — возможность по-

падания оружия массового уничтожения в руки международных террористов¹⁹. Вышеприведенные цифры, на наш взгляд, не нуждаются в развернутом комментарии. Очевидно, что у россиян несколько иное восприятие внешних угроз, нежели у западной публики.

Ядерный страх

В октябре 1945 г. две трети американцев высказывали надежду, что вели-

Переговоры между США и СССР.

Перевод: Все, что можешь сделать ты, я могу сделать лучше!

кие державы сумеют договориться, чтобы атомное оружие никогда вновь не было использовано (опрос АПРО от 17 октября 1945 г. (Cantril, 1951: 22)). А весной 2002 г. уже практически никто из опрошенных не указал на возможность «ядерной войны между США и Россией» как главную потенциальную угрозу личной безопасности. Можно с уверенностью сказать, что «ядерного страха» как специфического социально-психологического феномена, зарегистрированного в 1950-х гг. в США, более не существует, ибо его возникновение и существование напрямую было связано с риском развязывания ядерной войны между Россией и Америкой (см. табл. 4).

Пол Бойер писал, что в 1950-е гг. «примитивный страх вымирания про-

низывал все политические и идеологические линии (раздела американского общества — авт.)» и что «ядерный страх на протяжении многих лет был силой, воздействующей на культуру», прежде всего на американскую молодежь и интеллектуалов²⁰. В детских комиксах поселились ядерные мутанты — гигантские монстры, в фантастических романах и кинофильмах живописались апокалипсические картины гибели человечества, страшная жизнь на обожженной радиацией планете и т. п. Начался отток состоятельных белых горожан в пригороды, которые считались более безопасными с точки зрения последствий ядерных ударов и где можно было построить «бункер для одной семьи». «Бункерный бум» обогатил строителей, т. к. индивидуальные

Старые воспоминания — новые перспективы

бомбоубежища строились по всей стране. Тогда же всерьез обсуждалась идея принятия законопроекта, разрешающего применение огнестрельного оружия против соседа, который не раскошелится на собственное убежище и пытается силой врываться в чужое.

Существует мнение, что в 1950-х гг. американцы «были не только напуганы, но и смущены, не зная, как реагировать на это психическое событие («ядерный страх» — *авт.*) почти беспрецедентных пропорций»²¹. Нам же думается, что на самом деле рядовые американцы не верили, что ядерное столкновение Америки с Россией неотвратимо. Иначе, спрашивается, зачем они решились бы заводить столько детей (вспомним так называемый «бэби-бум» с пиком рождаемости в 1957 г.)²², которым суждено погибнуть в пламени атомного взрыва или, мучаясь, жить на покрытой радиоактивной пылью земле? Только среди узкого круга «высоколобых» существовало подлинное понимание огромной опасности, таящейся в продолжающихся испытаниях ядерного оружия и гонке вооружений.

Нагнетание «ядерного страха» являлось способом мобилизации нации вокруг флага, составной частью пропагандисткой и психологической подготов-

ки масс к внезапной атаке со стороны коварного врага. Так действовали власти в США, так было и в СССР. В нашей стране также были построены многочисленные коллективные бомбоубежища, периодически проводились учения гражданской обороны, отвлекавшие от работы и учебы миллионы людей. Поэтому, хотя роль «ядерного страха» в истории формирования «культуры холодной войны» и отношения публики к ядерному оружию была достаточно велика, на наш взгляд, ее не стоит чрезмерно преувеличивать.

Заключение

За 60 лет, прошедших после первого боевого применения атомного оружия до настоящего времени, отношение общественного мнения к данному виду оружия массового поражения изменилось кардинальным образом. Если в 1945 г. большинство на Западе оправдывало американские бомбардировки японских городов, то в начале XXI в. оно их осуждало, а 6 августа стало Всемирным днем борьбы за запрещение ядерного оружия.

Испытания ядерных взрывных устройств в атмосфере, под водой, под землей и в космосе долгое время не воспринимались как действия, угрожаю-

Буш: на шаг ближе к ядерной безопасности

щие здоровью людей, проживающих вдалеке от места взрыва, и необратимо разрушающие среду обитания человечества. Если в 1945 г. лишь незначительная часть публики сознавала, что человечество вступило в новую эру, и понимала, что ядерные тесты могут привести к крайне нежелательным последствиям, то в наши дни эта точка зрения стала доминирующей. Советское правительство неоднократно обращалось к США, а позднее и к другим странам, обладающим атомным оружием, с предложением договориться о полном запрещении этого вида оружия. США и их партнеры не только не приняли это предложение, но стали выдвигать различные условия, осложнявшие движение к достижению соглашения, и, как правило, общественное мнение западных стран становилось на сторону своего правительства в этом вопросе. К сожалению, вопрос о полном и бессрочном запрещении всех испытаний ядерных взрывных устройств пока до сих пор не решен из-за противодействия США.

В 1945 г. западные политики, ученые, военные и широкая публика не имели отчетливого представления о последствиях массированных ядерных бомбардировок, хотя всем было ясно, что война с Россией не может закончиться после нанесения одного-двух ядерных ударов. С течением времени на Западе осознали, что ядерная война с Россией может привести в конечном счете к уничтожению всего человечества.

Трагедия Хиросимы и Нагасаки воплотилась в интерпретации стратегического ядерного оружия как военно-политического средства в рамках доктрины «сдерживания»: политики и публика смирились с мыслью, что при определенных условиях страна может позволить себе иметь такое оружие, но не имеет права его применять без нарушения международно-правовых и эти-

ческих норм. Ясно одно — избавиться от искушения применить «абсолютное оружие» можно, лишь полностью ликвидировав его запасы и средства производства. Увы, несмотря на то, что после окончания холодной войны характер ядерной угрозы существенно изменился, позиция Вашингтона по ядерному вопросу практически осталась прежней²³. Но, наверное, нельзя терять надежду, что разум когда-нибудь восторжествует. Гигантским средствам, затрачиваемым на ядерное вооружение, безусловно, можно и нужно найти лучшее применение.

ЛИТЕРАТУРА И ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Рукавишников В.О.* Враг моего врага // Социологические исследования 2005. № 5.
2. *Рукавишников В.О.* Холодная война, холодный мир. М.: Академический проект, 2005.
3. *Erskine H. G.* The Polls: Atomic Weapons and Nuclear Energy. // *Public Opinion Quarterly*, 1963, vol. 27. P. 157–77.
4. *Trachtenberg M.* American Thinking on Nuclear War // *Jacobsen C.G. (ed.) Strategic Power: USA/USSR.* London: Macmillan, 1990. P. 355–369; *Erskine H. G.* The Polls: Atomic Weapons and Nuclear Energy. // *Public Opinion Quarterly*, 1963, vol. 27.
5. *Trachtenberg M.* American Thinking on Nuclear War. P. 358; *Erskine H. G.* The Polls: Atomic Weapons and Nuclear Energy. P. 177.
6. *Page B., Shapiro R.Y.* The Rational Public; Fifty Years of Trends in American Policy Preferences. Chicago, 1992. P. 222.
7. *Trachtenberg M.* American Thinking on Nuclear War. P. 357.
8. Companion Page to the Bulletin of the Atomic Scientists, November/December 1999 Issue, October 20, 1999; National Security Archive

Electronic Briefing Book, No.20; <http://www.bullatomsci.org/issues/1999/nd99/nd99norris.html>.

9. Особенно широко эта точка зрения распространена в России, где принцип «не применения первыми ядерного оружия» в 2002 г. разделяли 94% взрослых горожан страны (75% — «полностью поддерживаю» и 19% — «частично поддерживаю») против 2% «частично несогласных» и 1% не ответивших. В США 79% согласны с этим принципом (62% — «полностью поддерживаю» и 17% — «частично поддерживаю»), но 20% с ним не согласны (10% — полностью и 10% — частично), и 1% не определен. Во Франции соответственно за 87% (68 + 19), а против 12% (4 + 8), и 1% «не ответивших». В Великобритании — 83% (64 + 19), 14% (7 + 7), и 4%. В Индии, сравнительно недавно создавшей собственное ядерное оружие, — за 72% (53 + 19), против 18% (7 + 11) и 9% сказали «не знаю». Вопрос звучал так: «Согласны ли Вы или не согласны, полностью или частично, что страны с ядерным оружием должны прийти к соглашению, что они никогда не применят первыми ядерное оружие в конфликте?» Опрос в 11 странах был проведен Ipsos-Reid Global Express в феврале-марте 2002 г. Данные позаимствованы из пресс-релиза, опубликованного 16 мая 2002 г.
10. Gallup George H (General Editor). The Gallup International Public Opinion Polls. France 1939, 1944–1975. Random House. New York, Vol. 1. 1976. P. 276.
11. Оружие Массового Поражения Государства Израиль. (по материалам информационно-аналитического центра «Акцент»). На сайте: www.iimes.ru/rus/stat/2004/29-01-04.htm.
12. Вопрос в опросе Ipsos-Reid Global Express 2002 г. звучал так: «Соглас-

ны ли Вы или не согласны, полностью или частично, что ядерное оружие будет в конечном счете поставлено вне закона всеми странами когда-нибудь в XXI веке». Американская выборка разделилась на две части: 45% (26 + 19) верило в возможность избавления от ядерного оружия и 54% (21 + 33) не верило при лишь 1% сказавших «не знаю». Среди горожан Индии 30% отказались дать сколько-нибудь определенный ответ, 49% (28 + 21) оптимистов и 21% (8 + 13) пессимистов. Наиболее оптимистически настроены русские: 68% городских жителей России выразили «сильную» уверенность в том, что в текущем столетии ядерное оружие будет поставлено вне закона, и еще 16% «в какой-то мере» согласны с этим предположением. Второе место по уровню оптимистичности занимают французы — соответственно 53% и 20%. Среди англичан скептиков намного больше, хотя и в этой стране в возможность безъядерного мира в XXI в. верило более половины респондентов — 61% (35 + 26). Данные позаимствованы из пресс-релиза, опубликованного 16 мая 2002 г., с. 10.

13. По данным сайта www.palestine-info.ru/utilites/sion_terror/materielles3/yadernie.htm (18.11.2004) со ссылкой на статью в журнале Time и германском журнале Wehrtechnik. См. также: Журнал «Ядерное нераспространение», № 47, 2003, апрель-июнь.
14. В январе 2002 г. Пентагон представил в Конгрессе секретный доклад «Состояние ядерного потенциала США» (Nuclear Posture Review), в соответствии с которым на вооружение американской армии должны были поступить «ядерные боеприпасы малой мощности».
15. *Walter Pincus*. Pentagon Studies

- Developing New Nuclear Bomb // The Washington Post, April 15, 2001.
16. *Михаил Витебский*. Конгрессмен Хобсон остановил гонку ядерных вооружений. На сайте Lenta.ru, 29 ноября 2004.
 17. *М. Королева*. «Аль-Каида» подсе-ла на «грязные» бомбы. На сайте Утро.ру, 25 ноября 2004.
 18. Утверждения о том, что по мнению ЦРУ угроза для режима нераспро-странения в настоящее время исхо-дит из бывшего СССР, где «хране-ние расщепляющихся материалов организовано неудовлетворитель-ным образом», а источниками опас-ности «являются частные компании или, в некоторых случаях, отдель-ные мошенники... продающие тех-нологии и оборудование, которые раньше могли поставлять только го-сударственные структуры стран, обладающих ядерными возможно-стями», были приведены в статье в газете Вашингтон Пост от 12 фев-раля 2003 г. под названием «Глава ЦРУ предсказывает ядерную гон-ку» (Walter Pincus, CIA Head Predicts Nuclear Race. The Washington Post, February 12, 2003. Цит. по переводу на сайте inosmi.ru, 12.02.03).
 19. В том, что КНДР представляет ядер-ную угрозу, были убеждены 7% российских респондентов, про Ки-тай так думали 6%, Индия и Пакист-ан получили 4% «на двоих», по 2% опасались «прочих ядерных держав НАТО» (Великобритании и Фран-ции) и своего собственного государ-ства. Оставшиеся 11% с ответом затруднились (по информации в га-зете Известия от 10.08.03; <http://www.izvestia.ru/army/article37069>).
 20. *Boyer P.* By the Bomb's Early Light: American Thought and Culture at the Dawn of the Atomic Age. New York, 1985. P. 15, 21–26, 32.
 21. *Boyer P.* By the Bomb's Early Light: American Thought and Culture at the Dawn of the Atomic Age. P. 32.
 22. В основе данного феномена лежит множество причин: окончание про-должительной второй мировой вой-ны и принятие закона о ветеранах (GI Bill), послевоенные экономический бум и социально-политическая ста-бильность и т. д. Согласно закону, ве-тераны среди прочих льгот могли по-лучить и низкопроцентные кредиты на покупку жилья, строительство ко-торого шло бешеными темпами. Купив дом в пригороде большого горо-да, они могли реализовать мечту всей жизни; кстати, именно тогда получи-ло распространение выражение «Американская мечта (the American dream)», обозначающая: собственный дом, дети, собака, зеленая лужайка, окружающая дом с гаражом, где сто-ят одна или две машины.
 23. *Deutch, J.* A Nuclear Posture for Today // Foreign Affairs. January/February. 2005.

© 2005 г.
В.В. СЕРЕБРЯННИКОВ

ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОЙ АРМИИ

Война — самая острая и кровавая форма разрешения социальных конфликтов, продолжение политики боевыми действиями вооруженных сил. Война является самым грозным и тяжелым испытанием для всего народа, особенно же для тех, кто непосредственно ведет вооруженную борьбу, в которой применяются мощнейшие средства уничтожения и разрушения. Но пока остается опасность агрессии, каждый гражданин обязан быть готовым к защите Отечества с оружием в руках.

Стихия опасности составляет главное содержание обстановки, в которой приходится действовать человеку на войне. Всякий в бою подвержен страху — одному из сильнейших чувств. Требуется огромная воля или воздействие извне, чтобы побороть его и сохранить способность выполнять свой долг. Боец, в совершенстве владеющий современным оружием, остается решающей силой на войне. От его патриотизма, силы духа, верности воинскому долгу зависит достижение победы. Мерилом его боевой активности являются: а) степень реализации интеллектуальных, нравственно-психологических и физических сил, а также возможностей оружия и боевой техники; б) влияние на изменение обстановки, ход борьбы и морально-психологическое состояние товарищей; в) вклад в достижение общего успеха.

Основная масса солдат, сержантов и офицеров, непосредственно ведущих боевые действия, — молодые люди.

Они быстро взрослеют и мужают. Благодаря прежде всего их героизму, самоотверженности, напряжению всех сил и способностей в тяжелых войнах отстаивались само существование, свобода и независимость нашей Родины. В Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. молодые воины до 30 лет составили 80% потерь, понесенных нашей армией. Молодежь 1923, 1924, 1925 гг. рождения, т. е. в возрасте 18–22 лет, была выбита войной почти подчистую. В Афганской (1979–1989) и Чеченской (1994–2004) войнах эти потери составили уже около 90 %.

Молодые воины, участвующие в боях, по своему отношению к войне подразделяются на ряд типов: на воинов по призыванию (3–5 %), долгу (8–12%), обязанности (40–50%), принуждению (15–20%); а также на «уклонистов», «дезертиров» (до 1,5%), «перебежчиков, сдающихся в плен», «пацифистов» и др. Показателями (индикаторами) качества сражающихся войск являются: а) масштабы, историческая значимость, последствия побед и их цена; б) боевые «рекорды» лучших воинов по уничтожению живой силы и техники противника; в) массовость героизма и стойкость в неудачах; г) количество сдавшихся в плен, перебежчиков и дезертиров, смертных приговоров за воинские преступления. Вокруг этих показателей идет дискуссия.

Люди воинами не рождаются, а становятся ими посредством сложной системы «военной социализации»: военнопатриотическое воспитание с дет-

ства; передача необходимых знаний и навыков, начальная подготовка; служба в армии, поддержание военных качеств на периодических сборах, учениях и т. д. Идеальный образ современного воина предполагает, что он должен быть высокоидейным, нравственным, мужественным, дисциплинированным, образованным и хорошо подготовленным в военных делах. Начинается формирование такого воина с заботы об улучшении здоровья будущих отцов и матерей, об укреплении семьи — основы любого общества, с утверждения здорового образа жизни, нравственного воспитания будущих поколений. Исключительно важно обеспечить социально-справедливое участие в войне молодежи всех социальных групп, классов, слоев. Дискредитируется сама идея защиты Отечества, когда на войну отправляют лишь молодых людей из обездоленных, бедных, менее образованных слоев, определяя их как «менее ценный» расходный материал, когда богатым, привилегированным, властвующим предоставляются нечестные уловки для того, чтобы уберечь своих детей от риска. Такая практика является наиболее разрушительной для принципов справедливого демократического общества, обеспечения его безопасности. К тому же снижение уровня образованности, здоровья, нравственности, физической подготовки новобранцев снижает эффективность боевых действий, увеличивает потери. В Афганской и Чеченской войнах среди погибших и изувеченных абсолютное большинство — люди с периферии, из малых населенных пунктов. Стремилась не допустить большого притока гробов в крупные города — особенно в Москву и Санкт-Петербург.

Война не только убивает и калечит физически множество молодых людей, но причиняет еще большему количеству людей тяжелые социально-психологические травмы («психогенные по-

тери» армии и общества в войне). Во второй мировой войне около 40 % участников боевых действий получили психологические заболевания, в Афганской и Чеченской войнах — до 70%, причем у 15–20 % отмечаются хронические посттравматические психологические состояния, передающиеся по наследству. Это негативно влияет на психику народов, всего человечества. Необходимы широкие социальные меры для поствоенной реабилитации участников боевых действий. В том числе для преодоления элементов пьянства, разврата, распущенности, вседозволенности и т. п., порождаемых войнами. Стратегически важны высокое уважение и забота о гражданах, участвующих в войнах по защите Отечества, его безопасности и мира.

В настоящее время большинство молодежи не имеет необходимого оборонного сознания. Если в СССР более 90% молодежи было морально готово с оружием в руках защищать Родину, то сейчас более 30% молодых людей заражены абсолютным пацифизмом («не буду братья за оружие даже в случае прямой агрессии»). В США и других западных странах поддержка военных дел молодежью в три-четыре раза выше, чем в России. В доктринальных документах России подчеркивается, что на федеральном уровне необходимо «развивать и реализовывать программу военно-политического просвещения российских граждан и военно-политического образования военнослужащих, что позволило бы каждому гражданину ясно понимать, как возникают, ведутся, к чему приводят войны и во что они обходятся народам и государствам», в чем должна состоять его готовность в случае необходимости защищать Родину с оружием в руках.

Нынешние войны и вооруженные конфликты существенно «помолодели» по составу участников. В них в качестве «бойцов» используются дети и

подростки (среди которых все больше девушек) от 5–7, 11–12 и до 18 лет. В вооруженных столкновениях в Африке, Азии, на Ближнем Востоке, на постсоветском пространстве ежегодно участвуют 250–350 тыс. таких «бойцов». Нередко их используют как смертников (камикадзе, шахиды, моджахеды и т. д.), снаряженных взрывчаткой. Идет настоящее выбивание молодежи, которая широко вовлекается в террористические акции. Эта сторона войн современности еще не получила должного внимания со стороны социологов.

Российская армия предназначена для защиты суверенитета территориальной целостности и свободы страны, существующего конституционного строя, поддержания внутренней социально-политической стабильности общества, а также мира и безопасности в системе мирового сообщества. Армия — преимущественно молодежный институт. Более 10% составляют молодые женщины, и феминизация армии растет. Лучшие армии комплектуются за счет цвета молодежи, которая по своим качествам превосходит средний уровень молодого населения страны. Около 90% молодых людей, состоящих на воинском учете, по законам имеют отсрочки и освобождение от воинской службы. Призывается в армию около 10% юношей, причем не самых пригодных. Только около 20% имеют хорошее здоровье, а еще около 20% имеют вес значительно ниже антропологических норм.

Если в середине 1980-х гг. более 90% призывников имели среднее и незаконченное высшее образование, то к 2000 г. таких всего около 55% и резко увеличилось количество имеющих неполное среднее и начальное образование: свыше 40%; появились малограмотные и даже неграмотные юноши (до 4%). Многие из них имеют приводы в милицию и судимость. Только около 20% юношей считают себя патриотами и понимают, к чему это обязывает. 72%

офицеров определяют качество приходящего в армию пополнения как неудовлетворительное. Если в 1970-х гг. в танковых частях до 80% командиров танков имели высшее или неоконченное высшее образование, то сейчас ими назначают нередко малограмотных солдат. 75% младших офицеров в Московском округе — «двухгодичники», т. е. юноши, окончившие не специальные военные училища, а военные кафедры гражданских вузов, которые значительно ниже по подготовке.

В армии, хотя и в скрытой форме, проявляются те антагонизмы, которые характерны для общества. Более 50% респондентов считают интересы бедных и богатых несовместимыми, около 1/3 открыто негативно относятся к вновь появившимся богачам. На личный состав армии сильное влияние оказывает криминальная обстановка в стране.

Армия является «сколком» общества, и тенденция улучшения качества призываемой в нее молодежи напрямую зависит от оздоровления всего общества, повышения уровня материального и культурного благосостояния народа. Вместе с тем многое можно сделать изменением законодательства, чтобы снять часть ограничений на призыв в армию молодежи с высшим образованием. Важно также усилить военно-патриотическое воспитание молодежи, чтобы сломать укоренившиеся в ее сознании стереотипы негативного отношения к воинской службе, пацифистские настроения (около 80% юношей).

«Молодежная часть» армии изменится в связи с переводом комплектования ее солдатами и сержантами на контрактной основе (добровольного найма), развивающимся процессом усиления профессионализации вооруженных сил. Контрактники-профессионалы, выбирающие военную службу на всю жизнь или на ее значительную часть, будут лучше выполнять военные дела. «Чисто военный эффект» очеви-

ден. Но возникает ряд новых социальных проблем. Профессионалы более оторваны от общества и корпоративны. В их деятельности на первое место выходят материальные стимулы, которые могут ослабить позитивные идейные, моральные, гуманистические мотивы. Изменяется облик российского солдата. Сейчас контрактники составляют 12% всех солдат и сержантов, а к 2008 г. — 51% рядовых воинов и младших командиров (сержантов и старшин). За профессиональной армией нужен более строгий контроль со стороны гражданского общества. Перед социологами выдвигается ряд проблем по исследованию перехода к профессиональной армии: социально-политический характер и социальные последствия трансформации системы комплектования армии; эволюция гражданско-военных отношений при переходе к профессиональной армии; мониторинг общественного мнения по переходу армии на контрактную систему; социальный портрет контрактных войск; моральный облик военнослужащего-контрактника; взаимоотношения контрактников и «срочников»; система мотивации и особенности воспитания контрактников; особенности морально-политического облика офицерского корпуса (генералов) контрактной армии и т. д.

Разделение «контрактников» и «срочников» по принципу: первые должны воевать и служить в горячих точках (Чечня и др.), а вторые должны выполнять долг в безопасных местах, — сомнительно. Призывников надо так готовить, чтобы были готовы воевать. Армия как особый институт государства, отличающийся повышенными нагрузками на человека, закрытостью, строгой иерархичностью отношений, жесткой дисциплиной и другими свойствами, должна в большей мере учитывать особенности современной молодежи, проявлять больше внимания, чуткости, любви и заботы о молодых воинах, при-

ходящих в нее. Несмотря на развитие ряда деграционных процессов, армия остается одним из важнейших институтов социализации молодежи. С нею не может сравниться никакой другой институт по развитию у молодых людей коллективизма, готовности к товарищеской выручке и самоотверженности, самообладания, смелости, дисциплинированности, любви к собранности и порядку, точности мысли и дела. Внимание социологов должно привлечь резкое сокращение массы молодежи, проходящей через этот социальный институт. Если до 90-х гг. XX в. через него проходило до 85–90% юношей, то сейчас лишь 10–15%. Это существенно и во многом негативно влияет на качества молодежи, требует найти «заменители» этого института социализации.

В настоящее время более 70% младших офицеров не удовлетворены условиями службы, доверие населения к армии в последнее время устойчиво держится на отметке 25–27% в то время как в США и других западных странах — на уровне 70–90%, а в СССР — свыше 90%. Связи между армией и обществом сильно ослабли, и она становится все более закрытой для народа. Сильно сказываются упущения и ошибки государства и общества в военно-патриотическом воспитании молодежи, разорение системы подготовки ее к защите Отечества. Государственная программа «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2001–2005 гг.» определяет как одну из приоритетных задач подготовки граждан к несению военной службы формирование позитивного общественного мнения о роли и месте военной организации в жизни общества, обеспечении обороны страны и безопасности государства, возрождении России, укреплении ее международного авторитета. В соответствии с Программой восстанавливается практика военно-патриотического воспитания граждан и подготов-

ки их к военной службе в образовательных учреждениях, на предприятиях, в организациях и заведениях различных форм собственности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Армия России: состояние и перспективы. Кол. авторов. М., 1999.
2. Банников К.А. Антропология экстремальных региональных групп. Доминантные отношения среди военнослужащих Российской Армии. М., 2002.
3. Серебрянников В. Социология войны. М., 1998.
4. Серебрянников В. Воины России. Часть 2. М. 1999;
5. Серебрянников В., Дерюгин Ю. Социология армии. М., 1996.
6. Актуальные задачи развития Вооруженных сил Российской Федерации. М., 2003.
7. Сенявская Е. Психология войны в XX веке: исторический опыт России. М., 1999.
8. Хомский Н. Новый военный гуманизм. М., 2002.

ВОЗВРАЩЕНИЕ ПАМЯТИ

К 60-летию Победы Главархив Москвы переиздает 3-томную монографию под редакцией маршала Советского Союза Б.М. Шапошникова «Разгром немецких войск под Москвой» выпуска 1943 года.

Книга «Разгром немецких войск под Москвой» под редакцией маршала Советского Союза Б.М. Шапошникова издана в 1943 г. до начала Курской битвы. Она охватывает период с 16 ноября 1941 г. до 31 января 1942 г., с момента начала второго генерального наступления немцев на Москву и до выхода наших войск в направлении Вязьмы. Книга охватывает только часть Московского сражения, границами которого в настоящее время принято считать события с 30 сентября 1941 г. по 20 апреля 1942 г. Однако значение этой книги трудно преувеличить.

Можно с полным основанием говорить, что история Великой Отечественной войны не может быть представлена полно без этих почти 750 страниц исходного текста и карт-схем (вместе с подсхемами-вставками 95 схем), созданных ответственнейшими людьми в момент событий, в центре которых они находились. «Разгром немецких войск под Москвой» — пример поразительной добросовестности в выполнении своего гражданского долга старшими офицерами Генерального штаба, ответственным редактором маршалом Советского Союза Б.М. Шапошниковым, фигура которого не нуждается в представлении, всем коллективом ее создателей. Она свидетельствует об их профессиональном аристократизме.

До 1961 г. на фундаментальной монографии стоял гриф «секретно», до

1965 г. — гриф «для служебного пользования». В 1966 г. после снятия грифа один экземпляр был передан в Государственную библиотеку им. Ленина. По объему книга вместе с приданным ей оперативным очерком об обороне Тулы офицеров из того же авторского коллектива составляет около 50 печатных листов и является самым подробным профессионально беспристрастным описанием обороны Москвы и наступления войск Западного Фронта Красной Армии. Схемы с почасовой отметкой на них событий и воинских частей не имеют себе равных.

Работая с архивом моего отца, Героя Советского Союза В.Г. Жаворонкова, я обнаружил ксерокопии ряда книг, в том числе и львиной доли трехтомника и всего тома, где оборона Тулы выделена в отдельный «оперативный очерк». С 1968 по 1979 г. Василий Гаврилович периодически, а ряд лет ежедневно, работал в Подольском архиве и Архиве Октябрьской революции. Товарищи по боевой работе из руководства Генштаба во время войны сделали для него после снятия секретности копии ряда книг (в том числе и редкостных в то время) для создания хроники Тульской обороны. Ряд схем и страниц «Разгрома немецких войск под Москвой» отсутствовал (ксерокопия была неполной), но при подготовке статьи-публикации изданных записей В.Г. Жаворонкова в журнале «Отечественная история» в 2002 г. мне удалось восполнить этот

пробел в Российской Государственной библиотеке. Некоторые схемы этого единственного общедоступного экземпляра по ветхости были почти нечитаемы. Так у меня в рабочем порядке оказалась копия всех четырех представленных томов. При подготовке статьи отца в «Отечественной истории» я поделился с Андреем Константиновичем Соколовым мыслями об этой книге, и он сразу же предпринял энергичные шаги в помощи к ее переизданию.

Первой книгой, посвященной обороне Москвы и написанной еще в 1942 г., была рукопись неизданной в то время «Истории Московской зоны обороны», которая была опубликована лишь в 2001 г. авторским коллективом под руководством С.С. Илизарова и С.В. Костиной. Можно утверждать, что материалы этих двух книг органично дополняют друг друга и вместе с анализом изданных военных мемуаров, а также раскрытых в настоящий момент и рассекреченных в будущем документов составят базовую основу для создания (поскольку это будет возможным) почасовой хроники Московского сражения, которое некоторые историки не без оснований считают переломным моментом Второй мировой войны.

Здесь нет возможности комментировать все сходства и расхождения в описаниях событий в «Разгроме немецких войск под Москвой» и в военных мемуарах, опубликованных позднее. И нельзя. С одной стороны, обращение к мемуарной литературе сразу же потребует ее систематизации, а это отдельная работа, где аннотированный библиографический перечень займет не один десяток страниц. С другой стороны, давать оценки книге, написанной старшими офицерами Генштаба под редакцией маршала Советского Союза и слушателя Академии Генерального штаба перед Первой мировой войной, мягко говоря, несколько некорректно. Одной из главных задач, которые сто-

яли перед широким изданием этой книги, было спасение ее от физического уничтожения. Это самое важное. К ней еще будет написано множество комментариев, однако на некоторые детали обратить внимание читателей здесь можно и нужно.

Во-первых, она написана очевидцами, которые не только находились в центре событий, как и командный пункт Западного фронта в Перхушково в нескольких километрах от передовой, но и видели одновременно по долгу служебной роли все события всех театров военных действий, т. е. всех фронтов наряду с описываемым ими в книге.

Во-вторых, мемуарная литература не уделяет Московскому театру такого объема внимания. Книга под редакцией В.Д. Соколовского «Разгром немецко-фашистских войск под Москвой» значительно уступает представляемой и по общему объему, и по количеству и подробности карт-схем. Некоторые детали мозаики Московской битвы, конечно, описаны у В.Д. Соколовского более подробно и полно, но его видение все-таки ограничено контурами выполненной им в то время роли начальника штаба Западного фронта.

В-третьих, написанная в стиле фактографическом с небольшими комментариями и оценками, книга, тем не менее, несет в базовой основе чрезвычайную ясность, простоту и высокий интеллектуализм оценок событий и фактов, ошибок и промахов, как наших, так и противника. Понимая, что ограниченность описания вызвана необходимостью рассмотреть лишь один театр военных действий, составители и редактор книги нигде не изменяют меркам социально-исторического масштаба востребованных событий. Читатель обратит внимание на сравнение масштаба явлений, где подчеркивается, что длина Западного фронта в момент Московского сражения была равна длине Западного фронта Германии в Первой

мировой войне. Естественно, что авторы делают из этих фактов соответствующие выводы, которые читатель наконец прочтет с пользой для себя.

В-четвертых, политико-воспитательные образцы некоторых глав и разделов, достаточно четко передавая «идеологический мускул» того времени, могут быть сопоставлены с клишированностью отдельных мемуаров, которая в разные периоды увеличивает значение фигур того или иного руководителя. Здесь книга — открытый материал для рассмотрения волн резонанса консервативных и либеральных идеологем, возрождающихся в России в «нужное» время.

В-пятых, книге не присуща ложная героизация событий. Она показывает, что такое Война, с сухостью штабной статистики, за которой сняты чувства, зато масштабы дел видятся в их истинном размере. Книга раскрывает объемы и сроки создания стратегических резервов, масштабы эвакуации материальных и людских ресурсов. Она показывает работу, которая давала твердую убежденность, что немцы никогда, ни при каких созданных ими условиях не возьмут Москвы, потому что им загода будут созданы контр-условия. Спустя 30 лет после старших офицеров генштаба эту мысль, в отличие от людей, отстаивающих роль случая и мистических сил в описываемых трагических событиях, высказал англичанин Арнольд Форстер: «Завоевание Москвы было для немцев непосильной задачей»¹. Кулак, сжатый на востоке в тылах Западного фронта, объемы и сроки перевозок войск и время принятия решений Ставкой ВГК, Генштабом и ГКО по созданию стратегических резервов говорят о реальной правде событий. Они показывают то настоящее, что было, лишая возможности мистифицировать и мифологизировать реальность.

Не все события освещены в книге подробно, а некоторые пропущены в

результате достаточно сложных отношений, существовавших во время войны не только между людьми, но и между целыми слоями: как между властным и военным сообществами, так и внутри каждого из них. Точные документы и сводки оседали в архивах разных ведомств, соперничество между которыми не способствует выяснению исторической правды о событиях до сих пор. Однако книга очерчивает границы этих событий и дел и, обозначая их по времени и местам, позволяет, как никакая другая, воссоздать точную картину.

Чтобы не быть голословным, покажу примеры такой развертки.

На схеме 20 первой части достаточно общо показана обстановка под Каширой в конце ноября 1941 г., а на схеме 9 к «Обороне Тулы» некоторые детали этой картины конкретизированы по часам, местам и действующим воинским частям Красной Армии и противника. Здесь выходит, что самое позднее к 21.00 25.11.1941 г. 17 танковых дивизий немцев была в нескольких километрах от Каширы в селе Пятница (до полка пехоты и 100 танков в 6 км от города). В Кашире в это время была только конница и части стрелковой дивизии. 112 танковая дивизия полковника А.А. Гетмана в 13.00 следующего дня находилась лишь в Аладьино за 30 км от этого места и атаковать группу немцев даже в это время не могла. Корпус П.А. Белова, как будет показано ниже, начал первую атаку этого пункта 27.11.1941 г. в 9.00. Возникают вопросы: чем обусловлена остановка немцев перед Каширой, кто и в какой обстановке держал почти два дня армаду танков и пехоту ударной группы противника на склоне в Пятнице?

Известен факт, что сдача Сталиногорска-2 (позднее Новомосковск) и Узловой 22.11.1941 г. повлекла снятие командующего 50 армии А.Н. Ермакова с поста распоряжением Ставки ВГК

и назначение командармом И.В. Болдина. Предоставим слово документам:

По Бодо

«Товарищу Сталину.

В 22 часа 22–11–41 г. Командарм 50 тов. Болдин доложил, что Сталиногорск 2-й и ст. Узловая нашими войсками оставлены и заняты противником.

Считаем виновными в сдаче Сталиногорска 2-го бывшего Командарма 50 Ермакова. 20–11–41 г. командующим фронтом был дан Ермакову приказ атаковать 21–11 противника в районе Сталиногорск 2-й и Узловой силами стоявшей в районе Сталиногорск 2-й 108 ТБР, 125 танк бат, 239 СД и удерживать занимаемое в то время частями положение.

Ермаков вместо выполнения этого приказа, вопреки приказу фронта 21–11 в 22 часа 30 минут за подписью своей, члена Военного Совета и нач. штаба донес штабу фронта, что им намечено (приводим дословно): «108 ТБР, 125 танк бат немедленно вывести в район Ясенок-Поддубное, Горбачи и ударом во фланг и тыл уничтожить Арсеньевскую группировку противника с выводом на реку Шать на участке Марьино, Прудки. 239 СД и 41 КД, продолжая удерживать рубеж Панково, Узловая, Хованка, Высотское, Смородино, Карачево, в случае наступления превосходящих сил противника, отойти на рубеж Иван-Озеро, Урванка, Сталиногорск 1-ый, Донской, Дубовое, Карачево».

Военным Советом фронта этот приказ Ермакова был немедленно отменен. Ермаков, член Военного Совета и начальник штаба были лично об этом поставлены в известность, при этом им было указано на преступность этого плана операции, так как вывод 108 ТБР и 125 танк бат из района Сталиногорска означал сдачу Сталиногорска врагу без боя, Ермаковым приказ фронта был принят к исполнению.

Сталиногорск и Узловая, несмотря на приказ фронта сданы, а 108 ТБР, 125

танк бат и 239 СД вышли примерно туда, куда указывалось в приказе Ермакова.

Все обстоятельства сдачи Сталиногорска и степень виновности отдельных лиц нами расследуются.

П/п Жуков, Булганин.

23 ноября 1941 года»².

«Телеграмма: 24–11–41-го. 01.40.

Особо важная т. Болдину —

1) Ставлю Вам задачу ни в коем случае не допустить проникновения противника в район Венев, для чего спешно подтянуть следующую в Ваше распоряжение походом — 173 сд, подбросив ее на автомашинах. 173 сд с противотанковым снарядами занять подступы к городу Венев: с юга, юго-запада к юго-востоку.

Подвижной группой разбить мото-мехчасти противника.

2) Для прикрытия направления от Елифань на Север на это направление поставить полностью 41 кд. Получение донести.

Жуков, Булганин, Соколовский»³.

«Положение на 24.00 23–11–41 г. Телеграфный разговор полковника Почема с Козловым от Соколовского: На Суходольском направлении подтверждено скопление пехоты с артиллерией — Замарино, Першино и в р-не Павшино. По Одоевскому шоссе противник ведет разведку и атаковал танками в направлении Ново-Басово, Верхняя Китаевка, но огнем нашей артиллерии атаки отбиты. Скопление противника на ст Нижние Присады. В районе Венева противник овладел Гати и подошел к Хавки. Хавки горят. 173 сд — занимает оборону на южной окраине Венев.

10.00 24–11–41 г. Связи с Болдиным нет ни по телефону, ни по телеграфу (из Тулы). Сообщает об этом в штаб фронта капитан Разумов⁴.

24–11–41 г. В телеграмме командир 2 кк (в дальнейшем 1 гв. кавкорпус, — прим. авт.), командарму 50, 49 командование фронта — Жуков, Бул-

ганин, Соколовский сообщают о том, что 2 кк подчиняется командарму 50, и что 2 кк прикрыть Зарайск⁵.

Как резко и быстро менялась обстановка видно из следующих документов» (*прим* — В.Г.Ж.):

Радио:

«Командарму 50 т. Болдину 06.15. 25–11–41 г.

Комкору 2 конного т. Белову 08.56. 25–11–41 г.

Комфронта приказал: 2-й корпус подчинить Болдину — командарму 50. Задача конного корпуса выдвинуться в район Рязань и разбить противника, наступающего в северо-восточном направлении и в направлении Зарайск и Рязань. Командарму Болдину принять немедленно меры по прочной обороне подступов к Рязани, использовав полк ПТО и три роты танков и управление 17 тбр направленные в г. Рязань по ж. дороге и автотранспортом.

Получение, исполнение донести.

Начальник штаба фронта генерал-лейтенант Соколовский⁶.

«Особо важное

Вручить немедленно

«Генералу Белову

Военный Совет возложил на Вас персональную ответственность за Каширу. Приказал противника разбить и отбросить на юг. Действовать смело и решительно. Гарнизон Каширы подчинить себе».

Соколовский

25–11–41 г. 19.30 передана в Каширу и принята.

Принята в Кашире в 19.42 25–11–41 г.⁷

«Командарму Болдину. 25–11–41 г. 20.20.

Комфронтом приказал 239 сд направить район Зарайск для прикрытия направления на Коломну и Рязань.

Соколовский⁸.

26–11–41 г. в 5.30 майор Мушта сообщает о положении частей на ТБУ (тульский боевой участок. — *прим.*

авт.) и о том, что местоположение т. Болдина неизвестно⁹.

Разговор т. Соколовского с т. Болдиным 27–11–41 г., а потом тт. Жукова и Булганина с Болдиным, когда он был в Зарайске:

«У аппарата Болдин.

21.00 (26.11.41 г. — *прим. авт.*) с большей частью своего штаба я прибыл в Зарайск, где должен был быть генерал Белов, но он оказался в другом пункте, где Вы знаете. Я прибыл сюда для руководства той группой войск, которая в этом направлении мне Жуковым давалась. Прошу ввести меня в курс дела: что мне даете в районе из которого я с Вами говорил и в районе Рязань. 25–11 на мой КП был 2 раза налет танков противника и многократно авиации. Принимал все меры к тому, чтобы пробраться к правой группировке своих войск; мне не удалось, потому что весь день и ночь тракт Венев-Кашира был занят танками и мотопехотой противника. Имею доложить противника дальше за сегодняшний день. Можно ли докладывать? Теперь или спустя несколько минут, потому что 15 минут назад было требование немедленно подготовить хорошего морзиста для принятия очень важной директивы. Прошу сообщить мне прибыл ли сегодня мой офицер связи капитан Пидан.

Соколовский.

1. Какие части и куда отошли действовавшие в районе Венев?

2. Что Вам известно о 239 и 41, какие Вы им задачи поставили, где они сейчас и что делают?

3. Что делается на фронте остальными войсками в районе Тула и восточнее?

4. Чем Вы сейчас командуете?

5. Что Вам известно о противнике?»

Болдин отвечает на все вопросы, Соколовский задает новые, Болдин отвечает (*прим. авт.*).

«У аппарата Жуков, Булганин:

Здравствуйтесь. Мы Вам предлагаем немедленно перебраться в Лаптево, так

как в Зарайске видимо Вам сейчас делать нечего. В Лаптеве быть Вам как можно скорей.

Болдин — Понятно. Приступаю к исполнению. Можно ли продолжить передавать сведения о противнике?

Жуков, Булганин — Продолжайте, только укажите по каким данным?

Болдин — По данным командирской разведки, данные о противнике: 25–11–41 г. в 8.00 наблюдалось движение на дороге Венев-Кашира.

Жуков, Булганин — Доложите за 26–11–41 г.».

Болдин — докладывает то, что уже говорил Соколовскому (*прим. авт.*).

Жуков, Булганин — Где Вы были 25 и 26–11?

Болдин — докладывает то, что уже говорил Соколовскому (*прим. авт.*) и заключает: «К 9.00 26–11 я перешел в район Чернево, откуда хотел передать приказ генерал-майору Белову, но узнал о том, что согласно Вашего приказа Белов из моего подчинения взят. В 21.00 я прибыл с большей частью моего штаба в Зарайск, имея в виду немедленно связаться с Вами, получить от Вас приказ.

Жуков, Булганин — Хорошо. Будьте здоровы! Быстрей выезжайте в Лаптево»¹⁰.

«27–11–41 г. Товарищу Сталину.

Белов с утра начал действовать. Продвигается вперед. Против Белова действуют части прикрытия противника в составе отдельных батальонов и рот усиленных танками. По состоянию на 16.00 противник отошел на три-четыре километра. Захвачены пленные. Сегодня в бою танковые батальоны и танковая бригада не участвовали. Задержались в пути из-за мостов. Подойдут ночью и будут участвовать с утра. 112 танковая дивизия на месте и ведет бой в 16 км юго-западнее Кашира.

Жуков, Булганин»¹¹.

Описанная в донесениях обстановка в целом совпадает по времени с дан-

ными схемы № 9 четвертой части «Оборона Тулы» и с комментарием событий офицерами генштаба (упомянут и приказ Жукова 25–11–41 г. 20.20). Теперь обратимся к книге В.Д. Соколовского.

Внимательный читатель, раскрыв книгу под редакцией Соколовского «Разгром немецко-фашистских войск под Москвой», увидит, что эпизод с действиями 50А под Сталиногорском трактуется в духе приказов Ермакова¹², а роли сил, оборонявших Каширу, разнесены в разные места. Учитывая отсутствие подписи В.Д. Соколовского под донесением Жукова и Булганина Сталину по Бодо, то, что в ночь на 21.11.1941 г. Жукова не могли найти из Тулы на командном пункте фронта, в связи с чем телеграмма о планируемой сдаче Сталиногорска была отправлена непосредственно в Ставку¹³, можно предположить, что Комфронта, уделяя внимание правому крылу Западного фронта и боям на Истринском водохранилище, прорыву на рубеже 5А, упустил из внимания развитие событий на левом крыле, а роль командарма Ермакова в планировании операции ударов и отхода была относительной по самостоятельности. Ставка и Генштаб подстраховали это упущение, хотя офицеры Генштаба и Б.М. Шапошников об этом не пишут.

Далее. Вот что пишет Соколовский о каширском эпизоде: «В этой весьма сложной обстановке командование Западного фронта решило нанести контрудар по 17-й танковой дивизии и группе Эбербаха у Каширы, с тем чтобы немедленно ликвидировать угрозу быстрого прорыва противника к Москве и после этого развить удар во фланг его группировке, наступавшей на Тулу с востока и юго-востока. Этот сложный по выполнению контрудар должен был нанести усиленный 2-й кавалерийский корпус, который форсированным маршем перебрасывался к Кашире из района Серпухова.

Этот кадровый, укомплектованный отличным личным составом корпус был закален с начала войны в ожесточенных боях на Украине и на Западном фронте и имел высокую боевую репутацию. В ознаменование его выдающихся боевых заслуг 26 ноября 1941 г. приказом Народного комиссара обороны № 342 он был переименован в 1-й гвардейский кавалерийский корпус [...]. В течение 26 ноября командир корпуса генерал-майор П.А. Белов дважды вел переговоры по прямому телеграфному проводу об обстановке в районе Каширы с командованием Западного фронта и с Верховным Главнокомандованием¹⁴. Ему было приказано немедленно нанести решительный контрудар во фланг прорвавшейся немецкой группировке южнее Каширы и в последующем активно развивать его в общем направлении на г. Венев. Корпус подчинялся непосредственно командованию Западного фронта на правах оперативной группы и был усилен полком гвардейских минометов РС, 9 танковой бригадой, 35-й и 127-й отдельным танковым батальонами (*все упомянутые танковые части были переправлены через р. Ока по железнодорожному мосту у г. Коломна. — Прим. книги под ред. В.Д. Соколовского*). Одновременно корпусу на усиление были приданы переброшенная командованием фронта в район Каширы 173-я стрелковая дивизия, находившийся там отдельный зенитный артиллерийский дивизион войск ПВО Москвы, инженерный батальон особого назначения, школа младших лейтенантов, сержантские курсы 49-й армии, истребительный и комсомольский батальоны г. Кашира. Между штабом фронта и штабом корпуса была налажена надежная связь. Справа, в районе Иваньково, сосредоточивалась 112-я танковая дивизия 49-й армии под командованием полковни-

ка А.А. Гетмана, которая позднее была также переподчинена командиру корпуса. [...]

Сосредоточение корпуса в исходные для контрудара районы происходило в очень тяжелых условиях (частые бомбардировки вражеской авиации; гололед на дорогах, сильно затруднявший движение лошадей; осложнения с подвозом продовольствия и фуража; форсированные переходы без привалов — *просьба командира корпуса разрешить остановку на день для перековки лошадей была решительно отклонена командованием Западного фронта. — прим. книги под ред. В.Д. Соколовского*), но было выполнено в срок благодаря исключительной энергии, выносливости и высокой политической сознательности всего личного состава.

Боевые действия корпуса и приданных ему частей начались в 9 часов 27 ноября¹⁵ в соответствии с принятым планом. [...]

С рассветом 28 ноября после короткой артиллерийской подготовки по узлам сопротивления противника в районе Пятницы войска группы генерала Белова вновь атаковали врага. 1-я гвардейская кавалерийская дивизия наступала на Пятницу. К исходу 28 ноября, отбивая контратаки противника, она ворвалась на ее северную окраину. [...]

В 4 часа 15 минут 29 ноября внезапным ударом частей 1-й гвардейской кавалерийской дивизии гитлеровцы были полностью выбиты из Пятницы, где оставили около тысячи трупов своих солдат и офицеров. Одновременно они отошли и на ряде других населенных пунктов в этом районе.

После этих двухсуточных горячих боев противник начал поспешный отход от Каширы на юг в направлении на Мордвес под прикрытием сильных арьергардов, состоявших из моторизованный пехоты, танков и артиллерии¹⁶.

Соколовский наиболее полно представляет наши силы в освещении эпизода взятия назад Пятницы и перехода в наступление корпуса Белова 29 ноября 1941 г. от этого пункта. События вечера 25.11.41 г. и боя артиллеристов с танками немцев, командир дивизиона майор П.А. Смирнов, упомянуты кратко в описании начала наступления немцев на Каширу¹⁷. Этот эпизод также кратко (ни номера, ни состава дивизиона, кроме звания, фамилии и инициалов командира) упомянут и в шеститомной истории ВОВ, и в краткой однотомной истории ВОВ¹⁸.

Однако и Соколовский, и исторические энциклопедии не называют еще одну действующую силу, «разделение труда» с которой привело к общему успеху. Это делает в своих мемуарах «Непокоренная Тула», вышедших в 2004 г., артиллерист Т.Д. Дубинин:

«Заняв Венев, передовой отряд 17-й танковой дивизии (группа Эбербаха) во второй половине 25 ноября подошел к Кашире. Но здесь на противотанковую оборону был выставлен 352-й отдельный зенитный артиллерийский дивизион Тульского бригадного района ПВО (командир дивизиона майор А.П. Смирнов¹⁹), боевую службу нес 445-й истребительный полк противовоздушной обороны (командир — майор В.П. Круглов).

Еще ночью 24 ноября, как только стало известно о прорыве танков и мотопехоты противника у Венева, штаб войск ПВО страны строго потребовал от командира зенитного дивизиона и командира авиационного полка во что бы то ни стало удержать город Каширу и мосты через Оку, защитить Каширскую электростанцию, паровозное депо.

Боевую задачу зенитная артиллерия и истребительная авиация противовоздушной обороны выполнили успешно. Враг был остановлен. Подошедшие в район Каширы 1-й гвардейский кавалерийский корпус генерала П.А. Белова

и 112-я танковая дивизия полковника А.А. Гетмана 27 ноября нанесли удар по врагу, отбросили его в район Мордвеса.

В приказе командующего войсками ПВО страны генерала М.С. Громадина от 30 ноября 1941 года отмечалось: «352 ОЗАД (командир дивизиона майор Смирнов) 25–26 ноября 1941 года один отбил от Каширы прорвавшиеся танки противника, уничтожил более 20 германских танков, обеспечивая тем самым успешное развертывание и наступление наших войск»²⁰.

Каширский горком ВКП(б) и исполком районного совета вручили 352-му отдельному зенитному артиллерийскому дивизиону и 445-му истребительному авиационному полку ПВО Красные Знамена. Отличившиеся в бою зенитчики и летчики были удостоены правительственных наград»²¹.

Здесь надо отметить, что зенитная артиллерия легендарно действовала под Москвой по танкам немцев в условиях, когда выходящие из окружения армии имели порой десятую часть артиллерии, личного состава и стрелкового вооружения. Этот факт также нашел отражение в оценках книги под редакцией Б.М. Шапошникова. Весной 1965 г., будучи студентом журфака МГУ, я выслушал лекцию генерал-майора А.М. Самсонова, в которой он сказал нам, молодым людям, фразу, врезавшуюся мне в память на всю жизнь. Цитирую дословно: «К первому сентября 1941 года мы полностью сменили два боекомплекта Красной Армии. Обстановка была настолько тяжелая, что возмущение моего боевого товарища на неуккомплектованность нами его дивизии артиллерией по штату, вызвало мой ответ, что лучше бы не он с личным оружием, а его пушки и пушкарки вышли целыми и живыми из окружения». Внимательный читатель увидит отражение этого факта в доле выстрелов

нашими боеприпасами, которые мы брали с трофейных складов немцев.

Но вернемся к каширскому эпизоду. Мы разобрали его, не претендуя на полноту описания. Цель здесь была значительно проще: показать, как, пользуясь в качестве путеводителя картами-схемами «Разгрома немецких войск под Москвой» и «Обороны Тулы» Генштаба КА, сопоставляя данные книги с мемуарными публикациями и с документами архивов, можно выявить большее число участников события и более четко обозначить остроту ситуации, чем в каждом отдельном случае рассмотрения. Это необходимо делать, чтобы то освещение, о котором я скажу ниже, способствуя поиску реальности, в то же время не было бы окончательным и не интерпретировалось бы как истина в последней инстанции. Вот два малоизвестных факта, один из которых касается расположения самого ближнего к Москве пункта, в котором были немцы, а второй — помощи со стороны МВО и МЗО Ленинграду. И оба представляют собой неизвестные образцы того, что называют массовым героизмом участников обороны Москвы.

Всегда официально утверждалось, что ближняя точка достижения немцами Москвы — это Красная Поляна, из которой противника вышибали дважды 16-я и 20-я армии. Однако в это же самое время в ночь с 30 ноября на 1 декабря 1941 г. происходит событие, полная ясность по которому до сих пор не достигнута и освещения которого очень противоречивы. В эту ночь колонна немецких мотоциклистов взяла мост через канал Москва-Волга и стала закрепляться на берегу в Химках. По словам командующего МВО и МЗО генерал-лейтенанта П.А. Артемьева, на ликвидацию этого прорыва был в ночь поднят по тревоге в ружье сводный полк офицеров-курсантов Военно-политической академии им. Ленина, в котором

не было ни одного офицера в чине ниже капитана и который насчитывал 1500 человек. В штыковой атаке эти люди снесли немцев на ту сторону моста, но пали все до единого. Книга «Битва за Москву: История московской зоны обороны» документально подтверждает, что за 2 сектор обороны с основным направлением на Дмитров, Химки, Волоколамск с особым вниманием к ЦПКиО им. Дзержинского, Серебряному Бору и каналу Волга-Москва, северный пост, отвечали сводный полк Военно-политической академии им. Ленина, один батальон 14-го мотополка, одна рота 50-го стрелкового батальона, отряд УНКВД милиции г. Москвы (начальник сектора полковник Сесенюк, заместитель старший лейтенант милиции Поляков)²².

В спецвыпуске газеты «Время» от 25 ноября 2003 г. цитируется книга В.В. Кожинова «Загадочные истории XX века», в которой говорится об этом факте со слов А.С. Мясникова. В газете «Московская Правда» от 2 декабря 2002 г. в публикации «Не подлежало разглашению» этот факт перенесен уже на 16 октября 1941 г., когда немцы только прорывали Можайскую линию обороны, а танкисты описывают события, в которых они приняли участие. Приводится частично и свидетельство Павла Судоплатова, которое целиком выглядит так: «наша моторизованная часть помогла ликвидировать немецких мотоциклистов и бронетранспортеры, прорвавшиеся к мосту через Москву-реку в районе аэропорта Шереметьево. Ближе этого моста пройти к Москве немцы уже не смогли. Сегодня здесь стоят в память о тех днях огромные противотанковые надолбы — символ мужества защитников столицы»²³. Здесь загадок больше, чем ответов. Во-первых, в районе аэропорта Шереметьево нет Москвы-реки, а есть река Сходня, во-вторых, ежи стоят в память со-

битий вокруг Крюково, которое многократно переходило из рук в руки и как раз в конце ноября — начале декабря, в третьих, живые очевидцы событий факт взятия моста через канал в Химках подтверждают, но они говорят о лежащих на мосту занесенных снегом телах погибших (16 октября утром шла пороша, которая тут же таяла). Кроме того, 16 октября немцы только прорывали фронт Можайской линии обороны. Но вот по поводу событий к 26 ноября 1941 г. (захвата немцами Клина, Рогачева, Солнечногорска и форсирования в районе Яхромы канала Москва-Волга) на полях второй редакции «Истории Московской зоны обороны» (неизвестной рукой, как замечают С. Илизаров и С. Костина «скорее всего высокопоставленного сотрудника штаба МЗО») написан комментарий: «Фронт Западного фронта был прорван и передовые подвижные войска немцев вышли в непосредственное соприкосновение с частями МЗО»²⁴.

В Военном Университете МО РФ (бывшая Военно-политическая академия им. Ленина) о судьбе сводного полка офицеров-курсантов академии узнать ничего не удалось. Академия была эвакуирована к моменту описываемых событий.

Архивов за 1941 г. не сохранилось. Дело могли прояснить архивы НКВД, находящиеся в Областном архивном управлении МВД РФ, но там все документы за рассматриваемый период остаются секретными.

Однако рассказ командующего МВО и МЗО означает, что самая ближняя точка проникновения мотомехчастей немцев к Москве находится в Химках, и на химкинском мосту был положен цвет армии — офицерский корпус, который мог стать костяком формирования нескольких дивизий.

Второй факт из уст П.А. Артемьева говорит о передаче из резервного состава войск МЗО под Тихвин для прикры-

тия оголенного участка фронта артиллерийско-пулеметного батальона из участников Первой мировой и Гражданской войн. Артпульбат, вооруженный легкими пушками, пулеметами и винтовками, был передан по решению Ставки как ее резерв перед организацией ноябрьского наступления за Тихвин. Обходя строй людей, часть из которых была полными Георгиевскими кавалерами и стояла при бантах, генерал-лейтенант Артемьев спросил:

— Ну что, деды, не побежите?

— Мы от них и раньше не бегали, — упирая на первое слово, ответил один.

Наша пехота по уставу должна была вести по атакующим порядкам противника только беглый огонь. Старые солдаты применили устав царской армии и били шквальными винтовочными залпами. В живых из девяти сот с лишним человек осталось немного больше десяти, но подошедшей свежей сибирской дивизии пришлось идти через вал трупов немецких солдат. Батальон вывел из строя полнокровную немецкую пехотную дивизию. Каждый оставшийся в живых был награжден орденом Красного Знамени. Этот факт также требует проверки и широкого освещения при документальном подтверждении.

В принципе, очень большое число неясностей и сомнений в отношении некоторых фактов проистекает из-за закрытости и засекреченности до сих пор архивов, относящихся к тому времени. Широкое издание «Разгрома немецких войск под Москвой» делает эту секретность бессмысленной.

Книга не только дает общее представление о ходе сражения под Москвой, но и рассматривает детали.

В качестве главной характеристики общего представления заметим: книга описывает операции таким образом, что опыт их проведения раскрывается как учебное пособие. Видно, как идеи проведения крупнейших стратегических

операций Великой Отечественной войны, Сталинградской, Курской, буквально выкристаллизовываются из «локальных» сражений Московской битвы.

В качестве достоинства описания деталей надо отметить пометки сроков и состава частей на картах-схемах, исключающие последующее искажение произошедшего и его произвольный монтаж.

Влияние этой книги ощущается на мемуарах всех крупнейших военачальников. Но если каждый из них видел только свой «кусок» мозаики событий (или вся Московская операция была для некоторых эпизодом войны в целом), то эта книга видит в целом Московское сражение. Она локализует события и является неоценимым подспорьем для создания хроники Московской победы. Сопоставив приведенные выше документы телеграмм и донесений со свидетельствами офицеров генштаба и оценками мемуаристов, читатель увидит ту простоту, с которой старшие офицеры Генштаба описывают эти же факты. Они не пытаются в стихии войны приписать задним числом мудрость решений и предвидение действий противника самим себе или командованию того или иного участка. Они не назидают за ошибки, исходя из текущей идеологии.

Офицеры генерального штаба, чьи имена стоят на титулах и субтитулах всех частей книги, выполнили не только свой служебный долг, долг присяги, они с честью выполнили и свой общественный долг, создав пока что самое точное, самое трагичное по своей простоте и ясности описание переломного момента хода немецкой военной машины. Они передали железную уверенность в победе советских людей.

В дни обороны Москвы и Тулы тульские рабочие придумали танковый минный трал в виде залитого бетоном катка с шипами, катящегося перед атаку-

ющим через минные поля танком. Это «рационализаторское предложение» было масштабно применено через год при прорыве фронта румынских частей под Сталинградом. Пехота, бросая оружие, в панике бросилась бежать, увидев танковые батальоны с автоматчиками, беспрепятственно идущие по проходам через рвущиеся перед «тральщиками» минные поля. То же самое и с той же уверенностью в победе, что и рабочие-изобретатели трала, по-своему делали офицеры Генштаба, обобщая опыт Московского сражения. Любое другое общество того времени и ни одно из обществ, существующих теперь, не смогло бы выдержать удара подобного немецкому и показать всему миру ту мощь и волю к Победе, какую показали советские люди и которая видна из этой книги. Эта книга воссоздает каркас материальной ткани событий, она дышит судьбами и войной, трагическими и героическими жизнями, с высотой пламени которых не могут до сих пор сравниться никакие образы искусства. Каждодневная обыденная правда смотрит со страниц этой книги. И интерес людей к военным мемуарам говорит о том, что они хотят видеть эту правду.

Книга ждала своего широкого читателя более шестидесяти двух лет. Для российского общества случай обычный. Достаточно вспомнить «Заветные мысли» Д.И. Менделеева, изданные через девяносто лет после написания, книги А.А. Свечина, произведения А.С. Пушкина, широко обнародованные впервые через сорок лет после его смерти. Это типичный цикл российского духовного производства.

Однако у этой книги есть очень трагическая сторона. Гений народа, сломавшего одну из самых страшных черных сил в истории, смотрится из зеркала монографии, но в живых остались очень немногие из тех людей, которые совершили описываемые в ней дела и

могут истинно по достоинству оценить их описание. Об этом можно только горько сожалеть.

Текст книги оставлен без изменений. Структуру ее составляет трехтомник монографии «Разгром немецких войск под Москвой» и оперативный очерк «Оборона Тулы», делающий более полным описание некоторых фактов, изложенных в трехтомнике (в приложении к последней части, кстати, впервые полностью опубликован широко цитировавшийся позже отрывками приказ по 2-й танковой армии немцев). Предисловие к переизданию этой книги, быть редактором-составителем которой выпала мне судьба, оказалось достаточно сильно сокращенным. Эта статья представляет собой наиболее полный его исходный текст, написанный мной к переизданной книге, и я выражаю благодарность редакции журнала «Социология» за возможность такой публикации.

Переиздать труд офицеров Генштаба помогали М.М. Горинов, Р.А. Григорьев, С.М. Завьялов, М.Ю. Моруков, Н.В. Романовский, А.Н. Селиверстова, А.К. Соколов. С кратким словом к читателю обращается в книге участник Московской битвы, член Академии военных наук генерал-полковник Б.П. Уткин.

Выражаю здесь всем им свою глубокую признательность за помощь в возможности хоть в небольшой степени возратить свой долг людям, которые и мыслью и делом в самые тяжелые и сложные часы, дни и годы жизни служили Родине.

ЛИТЕРАТУРА И ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Arnold-Forster M.* The World at War. London. 1973, p. 142. Цит. по: *А.Н. Мерцалов, Т.Ф. Каберова.* Московская битва в новейшей буржуазной литературе // На огненных рубежах Московской битвы. М., 1981. С. 285.
2. ЦАМО РФ. Фонд 208, опись 2511, № дела 1026, листы 4 и 5-й.
3. ЦАМО РФ. Фонд 208, опись 2511, № дела 125, лист 16-й.
4. ЦАМО РФ. Фонд 208, опись 2511, № дела 125, листы 18–23.
5. ЦАМО РФ. Фонд 208, опись 2511, № дела 125, лист 27.
6. ЦАМО РФ. Фонд 208, опись 2511, № дела 125, лист 27.
7. ЦАМО РФ. Фонд 208, опись 2511, № дела 125, лист 35.
8. ЦАМО РФ. Фонд 208, опись 2511, № дела 125, лист 56.
9. ЦАМО РФ. Фонд 208, опись 2511, № дела 125, лист 39.
10. ЦАМО РФ. Фонд 208, опись 2511, № дела 125, листы 64–77, 77а.
11. ЦАМО РФ. Фонд 208, опись 2511, № дела 125, листы 111, 112.
12. Разгром немецко-фашистских войск под Москвой. М., 1964. С. 100–101.
13. *Жаворонков В.Г.* Оборона Тулы // Отечественная история. 2002. № 3. С. 142.
14. Лично со Сталиным, об этом сказано во 2-й части книги под редакцией Шапошникова, однако Соколовский за несколько месяцев до снятия Хрущева не рискнул упоминать фамилию Верховного Главнокомандующего, заменив его Верховным Главнокомандованием — *прим. авт.*
15. Архив МО СССР. Фонд 208, опись 2511, № дело 125, листы 130–132 — *прим. Соколовского.*
16. Разгром немецко-фашистских войск под Москвой. М., 1964. С. 132–136.
17. Там же. С. 102.
18. История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945. М. 1961. Т. 2. С. 264; Великая Отечественная война Советского

- Союза. Краткая история. М., 1979. С. 126.
19. 12 пушек трех батарей 85-мм орудий и одна батарея МЗА (прим. Т.Д. Дубинина в беседе).
20. ЦАМО. Ф. 283 ИАП. Оп. 107343, д. 1, л. 34.
21. Дубинин Т.Д. Непокоренная Тула. Тула, 2004. С. 170.
22. Битва за Москву: История Московской зоны обороны. М. 2003. С. 172.
23. Судоплатов П. Разведка и кремль. Записки нежелательного свидетеля. М., 1997. С. 152.
24. Битва за Москву: История Московской зоны обороны. М., 2003. С. 27, 190, 199.

© 2005 г.

С.И. ГРИГОРЬЕВ,
С.Г. МАКСИМОВА,
П.Е. ЯСЕВИЧ

ПОВЕДЕНЧЕСКИЕ РИСКИ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ ИНЪЕКЦИОННЫХ НАРКОТИКОВ В КОНТЕКСТЕ ЭПИДЕМИИ ВИЧ/СПИД

ФАКТЫ И КОММЕНТАРИИ

В XX в. человечество столкнулось с новой проблемой, угрожающей нормальному функционированию и развитию мирового сообщества, — эпидемией ВИЧ/СПИД.

На инъекционное потребление наркотиков приходится примерно 80% передачи ВИЧ-инфекции. Ситуация с наркотизацией в Алтайском крае еще более серьезна, чем в целом по России. В данной статье представлены результаты социологического исследования, проведенного в 2002–2003 гг. сотрудниками факультета социологии Алтайского государственного университета, Алтайского краевого Центра по профилактике и борьбе со СПИДом и Алтайской краевой общественной организации «Сибирская Инициатива». В рамках данного социологического исследования изучалось рискованное поведение потребителей инъекционных наркотиков, связанное с возможностью заражения ВИЧ. При формировании выборки (N = 204) потребителей инъекционных наркотиков была использована одна из модификаций метода «снежного кома», известная как «целевой отбор».

В качестве основного источника дохода респонденты указали: случайные заработки — 38%; постоянная работа — 31%; свое дело (бизнес) — 10%; стипендия — 5%; пенсия — 2%. На содержании родителей и других родственников живут 24% респондентов. 5% не дифференцировали источник дохода.

Оценивалась частота употребления основных наркотических веществ среди респондентов из числа потребителей наркотиков за последний месяц: наркотики опиоидного типа (потребление инъекционным путем) — героин (без кокаина) употребляли 64% респондентов, ханку (суррогат опия домашнего приготовления) — 56%, кокаин (без героина) — 5% респондентов, героин + кокаин — 1%; марихуану (анашу) — 65%; бензодиазепины (нозепам) — 13%; крэк — 1%; винт — 37%; АСД — 2%; насвай — 4%; другие наркотические вещества употребляли 23% (ответившие ПИН не дифференцировали, что именно).

Существует некоторая специфика по предпочтению тех или иных видов нар-

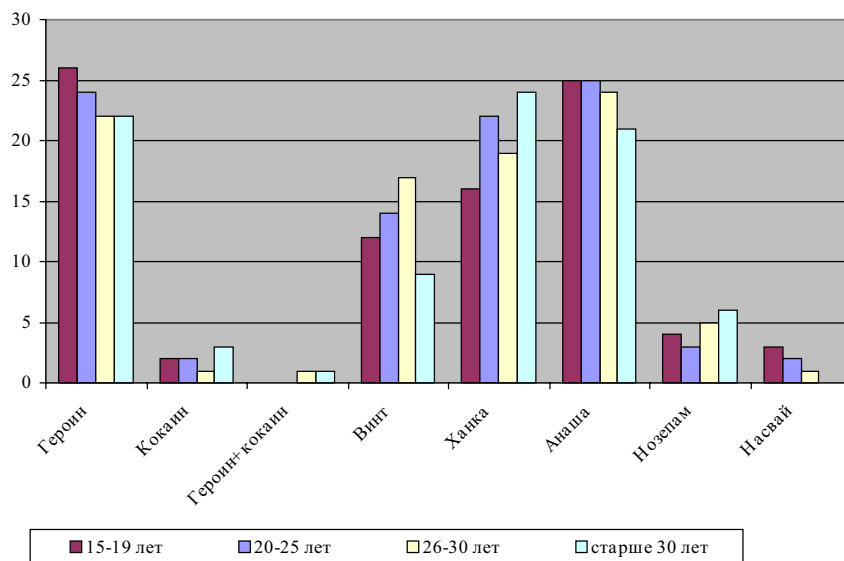
котиков в зависимости от возраста респондентов: 15–19-летние потребители наркотиков в 26% случаев употребляют героин (без кокаина), в 2% — кокаин (без героина), 12% — винт, 16% — ханку, 25% — анашу, 4% — нозепам, 3% — насвай.

20–25-летние потребители в 24% случаев употребляют героин (без кокаина), в 2% — кокаин (без героина), 14% — винт, 22% — ханку, 25% — анашу, 3% — нозепам, 2% — насвай.

26–30-летние потребители в 22% случаев употребляют героин (без кокаина), в 1% — кокаин (без героина), 1% — героин + кокаин, 17% — винт, 19% — ханку, 24% — анашу, 5% — нозепам, 1% — насвай. Потребители старше 30 лет в 22% случаев употребляют героин (без кокаина), 3% — кокаин (без героина), 1% — героин + кокаин, 10% — винт, 24% — ханку, 21% — анашу, 6% — нозепам (рис. 1).

В ходе опроса более детально изучалось употребление инъекционных наркотиков: 61% респондентов употребляли героин (без кокаина), 1% — героин + кокаин, 36% — винт, 53% —

Рис. 1. Употребление различных видов наркотиков ПИН в зависимости от возраста отвечающих

ханку, 1% — ЛСД и 16% — другое (не дифференцировали, что употребляли).

По длительности употребления наркотиков картина выглядит следующим образом (рис. 2).

Отслеживалась частота введения инъекционных наркотиков за последний месяц (рис. 3).

Гендерная специфика проявляется в частоте потребления инъекционных наркотиков. Наибольшая частота введения инъекционных наркотиков характерна для мужчин-ПИН (35% респондентов делают инъекции 2–3 раза в день), нежели для женщин (22% респондентов делают инъекции 2–3 раза в день).

Рис. 2

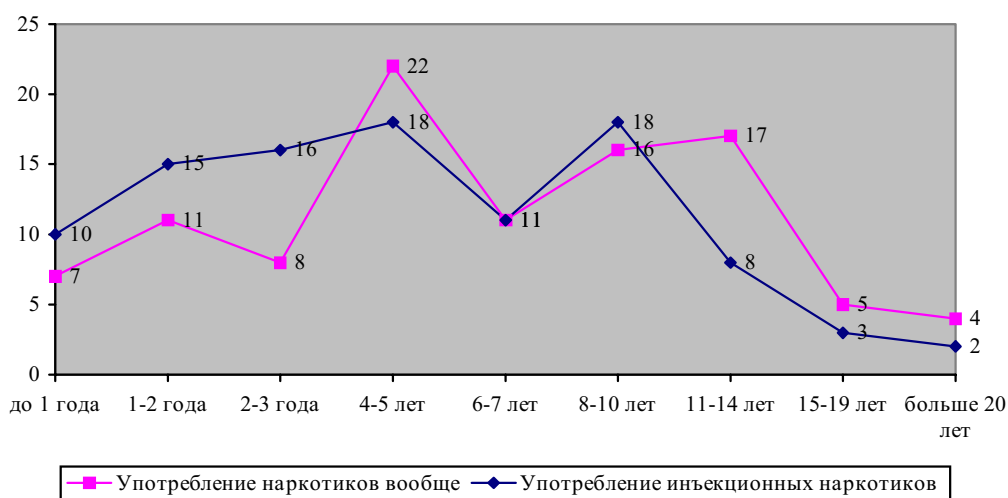
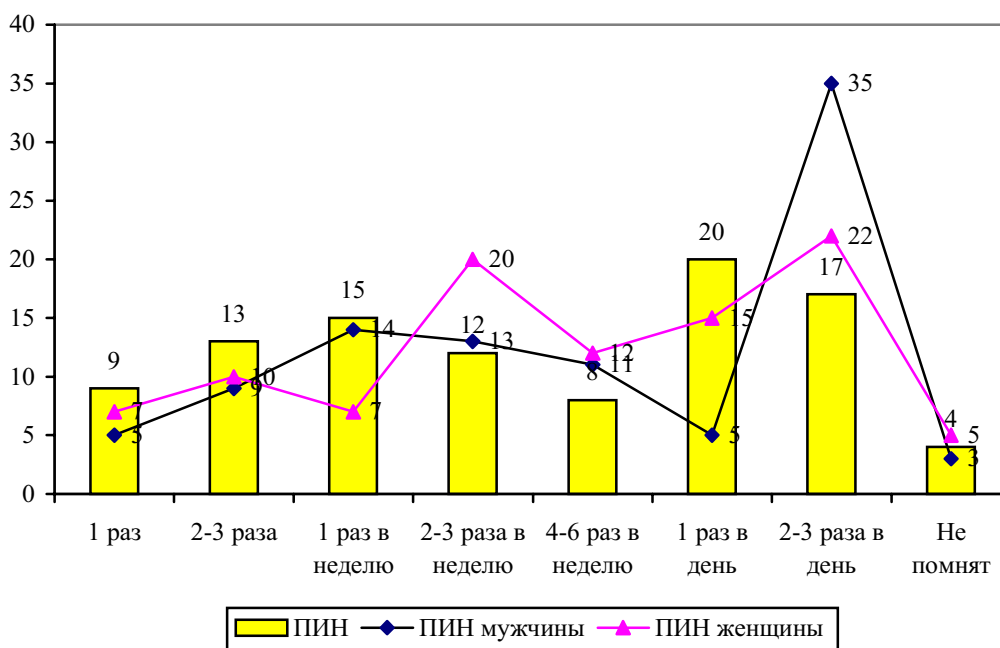

Рис. 3. Частота инъекционного употребления наркотиков за месяц в момент опроса

В рамках проводимого исследования также выделялись поведенческие факторы, связанные с риском заражения ВИЧ-инфекцией и распространенные среди потребителей инъекционных наркотиков. На вопрос, пользовались ли они в последний раз шприцем или иглой для инъекционного введения наркотиков, которыми кто-либо употреблял до них, 8% респондентов ответили утвердительно, 88% ответили «нет» и 4% указали, что не помнят.

Далее анализировалась частотность применения игл или шприцев, которыми до этого кто-то пользовался, за последний месяц: 1% ПИН ответили, что всегда использовали чужие иглы и шприцы, 3% — в большинстве случаев, 1% — примерно в половине случаев, 16% — изредка, 77% — ни разу, 2% — не помнят. Таким образом, сопоставление ответов подчеркивает явное несоответствие ответов ПИН на прямой вопрос (об использовании чужих игл и шприцев) и уточняющий (о частоте использования за последний месяц). Расхождение ответов на 11% ставит под сомнение откровенность при ответе ПИН на этот вопрос.

Дальнейшее уточнение по поводу количества партнеров по совместному использованию игл и шприцев в последний раз приводит к подтверждению вывода о распространении среди ПИН *рискованных форм поведения*, связанных с высоким риском заражения ВИЧ. Только 19% ПИН не имели ни одного партнера по совместному использованию игл и шприцев, 65% имели 1–5 партнеров, 16% затруднились ответить на этот вопрос.

Потребителями использованных игл или шприцев в 54% случаев оказались те, с кем совместно вводили инъекционные наркотики, в 41% — друг/подруга, 14% случаях — постоянный сексуальный партнер, 3% — коммерческий сексуальный партнер, 2% — случайный сексуальный партнер, 2% — случайный

партнер, 8% — другие (не дифференцируют) и в 3% случаях ПИН не помнят, кому передавали использованные иглы или шприцы.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что при совмещении двух практик рискованного поведения в группе потребителей инъекционных наркотиков возникает риск заражения ВИЧ-инфекцией как через половой путь передачи, так и через парентеральный.

Заметим также, что некоторые респонденты могут не расценивать инъекции, сделанные им в притоне, наркодилером, а также покупку готового раствора наркотика в шприце как совместное использование. В их сознании совместное использование может ассоциироваться скорее с инъекцией в кругу потребителей наркотиков. Однако вероятность того, что в подобных ситуациях наркоторговцы далеко не всегда заботятся о том, чтобы использовать новую иглу ради каждого обратившегося за дозой клиента, также следует квалифицировать как совместное пользование. На вопрос: «Вы когда-либо покупали или использовали готовый раствор для инъекций?» 70% ответили «иногда», 20% — никогда.

Вместе с тем 97% ПИН респондентов ответили, что могут достать стерильные иглы или шприцы при первой же необходимости. 93% отметили, что стерильные иглы или шприцы можно купить в аптеке, 43% — обменять в пункте обмена шприцев, 18% — у друзей, 13% — дома, 8% — у других потребителей наркотиков, 6% — в больнице, 5% — у знакомого медицинского работника, 4% — у сексуального партнера.

В качестве одного из перспективных методов снижения вреда специалисты всего мира рассматривают программы обмена шприцев. 37% респондентов когда-либо посещали пункты обмена шприцев. За последний месяц 5% ПИН

почти всегда посещали пункт обмена шприцев, 41% — иногда, 50% — никогда, 4% — не помнят.

Если потребители инъекционных наркотиков вступают в половые контакты с представителями других категорий населения, чтобы купить себе наркотики, они подвергают своих партнеров высокому риску инфицирования. Продажа потребителями инъекционных наркотиков сексуальных услуг большому числу партнеров, не употребляющих наркотики, является одним из потенциальных путей распространения ВИЧ на остальное население. Процент ПИН, регулярно продающих секс, таким образом, представляет собой один из важных аспектов с точки зрения исследования эпидемиологической ситуации и профилактики ВИЧ/СПИДа.

Респондентам предлагался вопрос относительно различных категорий сексуальных партнеров за последние 6 месяцев. 40% потребителей инъекционных наркотиков отметили, что у них были коммерческие партнеры, 82% — что у них есть постоянные партнеры, а 76% — были случайные партнеры.

И наконец, потребители инъекционных наркотиков время от времени оказывают сексуальные услуги за деньги

или в обмен на дозу наркотиков: у 7% ПИН был 1 коммерческий партнер, у 13% — 2–3 партнера, у 4% — 4–5, у 4% — 6–8, у 4% — 9–12, у 4% — больше 13.

ПИН, сообщившим, что у них был хотя бы один коммерческий партнер за последний месяц, задавался вопрос, покупали они сексуальные услуги, продавали их или и то, и другое. 40% потребителей инъекционных наркотиков отметили, что занимались коммерческим сексом за последний месяц, среди них 32% имели от 1 до 4 партнеров, 3% — 5–9 партнеров и 5% — не помнят.

Данный показатель рассчитывался отдельно для мужчин и для женщин. 30% мужчин-ПИН и 39% женщин-ПИН имели коммерческий секс, среди них 26% имели 1–4 партнера, 4% — 5–9 партнеров и 9% — не помнят.

Значение показателя «число потребителей инъекционных наркотиков, оказывающих сексуальные услуги за плату или в обмен на наркотики» должно послужить тревожным сигналом, говорящим о потенциально высоком риске распространения эпидемии ВИЧ/СПИДа из среды потребителей инъекционных наркотиков на основную массу населения.

© 2005 г.
Д.А. ОМЕЛЬЧЕНКО

СОЦИАЛЬНЫЕ СЕТИ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ ИНЪЕКЦИОННЫХ НАРКОТИКОВ

Несмотря на несомненные позитивные последствия модернизации, технологический прорыв конца XX в. привел к непрерывному производству социальных рисков, поэтому современное общество понимается как «общество риска», в котором «способность к рефлексии и рефлексивности становится критическим ресурсом для его выживания»². Одним из наиболее опасных социальных рисков, поразивших мировое сообщество, является эпидемия ВИЧ/СПИДа. Фактически самый распространенный на сегодняшний момент путь передачи инфекции — потребление инъекционных наркотиков. В этой связи исследование социальных сетей потребителей инъекционных наркотиков (ПИН) получает особую актуальность.

Сетевая теория — относительно новая и не является еще достаточно разработанной. В данный момент, по словам Р. Берта, «существует аморфная совокупность подходов, именуемая сетевым анализом»³. Сетевой подход применяется по отношению к самым разнообразным социальным явлениям и процессам: экологическим движениям (О.Н. Яницкий), миграционным потокам (В.Н. Валитов), идеологии консолидации (В.Н. Кузнецов), политическим кликам (Э.Н. Ожиганов), организационным структурам (К. Стивенсон).

Термин «социальная сеть» в наиболее широком смысле отображает структуру связей между акторами социальной системы, особый вид межличностной коммуникации. Подобная

сеть, равно как и сетевые отношения, присуща всем сферам человеческой деятельности: от экономической (маркетинговые сетевые структуры) до семейно-бытовой (сеть родственных отношений) и духовной (религиозные, научные сети). Несмотря на неоднородность объектов сетевого анализа нам представляется возможным экстраполировать методологические положения работ вышеперечисленных авторов на объект нашего исследования — социальные сети потребителей инъекционных наркотиков. Однако следует обратить внимание на тот факт, что данный вид социальной сети является неформальным и трудно исследуемым вследствие незаконного, преступного содержания сетевых отношений. В качестве основной методологии исследования нами была принята концепция жизненных сил человека, разработанная С.И. Григорьевым и его коллегами.

Прежде чем перейти к анализу конкретной социальной сети, необходимо пройти ряд процедур по ее декомпозиции на ряд структурообразующих элементов. На основании ряда работ⁴ мы выделили следующие компоненты, или уровни социальной сети. Самым главным компонентом является субъект, поскольку именно его взаимодействия с другими участниками сети, а также с внешней средой образуют собственно сеть. В качестве сетевого субъекта может выступать как отдельный индивид, так и «пространственный дисперсный коллективный актор, элементы которо-

го интегрируются и воспроизводятся посредством коммуникационных и ресурсных сетей»⁵. Следовательно, все его характеристики могут быть применены как на индивидуальном, так и на коллективном, социальном уровне.

Типология сетевых акторов формируется исходя из конкретной ситуации, однако в самом общем, хотя и несколько образном виде можно воспользоваться типологией основных узлов (субъектов) сети: связующие центры — субъекты, имеющие наибольшее число контактов внутри сети; привратники — своего рода посредники, играют роль промежуточного звена между различными узлами сети или связующими центрами; серые кардиналы — имеют много неявных связей. Их роль почти противоположна роли связующих центров⁶.

Сетевой субъект обладает определенным потенциалом жизненных сил, «жизненных ресурсов», по терминологии Яницкого, необходимым для нормального протекания жизненного процесса, реализации индивидуальной и социальной субъектности. Кроме того, ресурсное поле представлено в виде континуума, где внутренним ресурсам субъекта, находящимся в его полном распоряжении, противостоят ресурсы-условия, для получения которых необходимы определенные затраты и усилия. В зависимости от того, будет ли в качестве субъекта выступать отдельный единичный или коллективный актор, речь может идти о жизненных силах и ресурсах конкретного индивида или о совокупных ресурсах всех участников сети.

Помимо ресурсов сетевой субъект характеризуется «стереотипом жизненного процесса», понимаемым как «паттерны связей актора», цикл взаимодействий, устойчивые социальные практики, обеспечивающие реализацию нормы жизненного процесса. Отличительной чертой данного стереотипа яв-

ляется механизм «включения-обособления», т. е. чередование контактов с внешней структурой и дистанцирования от нее. Таким образом, мы перешли к рассмотрению другого компонента сети — системе связей, взаимодействий, находящей отражение в стереотипах жизненного процесса сетевых субъектов. Необходимо заметить, что для наиболее полного анализа системы связей помимо внутрисетевых взаимодействий необходимо учитывать связи с внешней по отношению к сети средой и межсетевые взаимодействия.

В данном случае показательны работы Грановеттера, отмечавшего важность «слабых» связей, поскольку именно они способствуют коммуникации между разными сетями и переход субъектов из одной сети в другую. Наряду с интенсивностью связи могут быть охарактеризованы в плане содержания, поскольку взаимодействие предполагает обмен между субъектами. Дж. Тернер указывает на три основных типа обмена: материальный, символический (информация, идеи, сообщения) и эмоциональный⁷.

Третьим компонентом социальной сети является определенная среда обитания сетевого субъекта, его жизненное пространство, оказывающее непосредственное влияние на формирование стиля сети, ее основные свойства. В то же время активная деятельность субъекта способна преобразовать это жизненное пространство, приспособить его для реализации собственных интенций. Следует сделать разграничение между внутренней средой сети, неким микроклиматом, формирующим и определяющим нормальный ход жизненного процесса, и внешней средой, с которой субъекты активно взаимодействуют, но которая в то же время является для них «чужой» и даже в какой-то степени враждебной.

Таким образом, мы выявили основные компоненты сети и обозначили их

характеристики, что позволяет перейти к анализу конкретной сети — сети потребителей инъекционных наркотиков. Исследование (2002–2003) наркопотребителей проводилось в рамках Федеральной целевой программы «Предупреждение и борьба с заболеваниями социального характера». Следует подчеркнуть, что основной целью данного проекта было исследование поведенческих рисков, связанных с угрозой распространения эпидемии ВИЧ/СПИДа. В силу этого мы можем рассматривать микросети потребителей инъекционных наркотиков только при вторичном анализе данных, делая акцент на тех характеристиках сети, которые непосредственно связаны с данным социальным риском.

Сетевая структура сообщества наркопотребителей определила технологию формирования выборки, которая осуществлялась методом «снежного кома» (N = 204). На первом этапе проектирования выборки было проведено исследование, нацеленное на выявление существующих сетей и мест «тусовки» потребителей инъекционных наркотиков в г. Барнауле. Выявленные таким образом группы включались в обследование в качестве подгрупп выборки. Для того чтобы метод «снежного кома» был более эффективным, отбирались вначале первичные информаторы среди представителей разных сетей.

Не претендуя на полноту, остановимся на сравнении лишь двух сетевых уровней: информационного (показатели информированности о способах передачи ВИЧ-инфекции, методах защиты) и поведенческого (показатели совместного использования инъекционного оборудования, продажи или покупке услуг коммерческого секса, а также использования презерватива во время последнего сексуального контакта).

Несмотря на достаточно высокий уровень информированности ПИН о способах передачи и самой инфекции

ВИЧ (84% считают использование презерватива обязательным методом снижения риска заражения ВИЧ, 91% ПИН отметили, что если использовать только стерильные шприцы и другое инъекционное оборудование, то можно избежать заражения, 98% осознают, что можно заразиться ВИЧ-инфекцией через иглы и шприцы, которыми до этого кто-то пользовался), реальное положение вещей вызывает опасения.

40% ПИН за последний месяц оказывали или получали сексуальные услуги коммерческого характера и такое же количество ПИН имеют партнеров из ненаркотической среды, что способствует выходу инфекции за пределы сети при условии несоблюдения мер предохранения. 84% ПИН использовали презерватив во время последнего сексуального контакта с коммерческим партнером, 63% — со случайным, лишь 30% — с постоянным партнером, что противоречит уровню информированности. 26% ПИН имеет практику совместного использования инъекционного оборудования, причем значительная часть потребителей не отдает себе отчета в рискованности приобретения готового раствора наркотического вещества и использования одной посуды.

Таким образом, потребители, несмотря на наличие некоторых знаний о путях ее передачи и методах защиты от ВИЧ-инфекции, не осознают своего рискованного поведения. Это происходит из-за недостаточности информационных и других жизненных ресурсов, обеспечивающих нормальный жизненный процесс, что оказывает непосредственное влияние на формирование стереотипов взаимодействий.

Мы предприняли попытку применить сетевой подход к анализу особой социальной группы — потребителей наркотиков, что не является общепринятой практикой. По нашему мнению, этот способ анализа обладает определенной эвристической ценностью в ис-

следованиях подобного рода, внося новый взгляд в традиционные методы анализа рискованного поведения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Социологический анализ материалов исследования проведен в рамках совместного проекта Алтайского краевого центра по профилактике и борьбе со СПИДом (главный врач — Л.В. Султанов, заместитель главного врача по эпидемиологическим вопросам — Э.Р. Демьяненко) и Детского фонда ООН (ЮНИСЕФ) при финансовой помощи Детского фонда ООН (ЮНИСЕФ) и Объединенной программы ООН по ВИЧ/СПИДу (ЮНЭЙДС).
2. Россия: риски и опасности «переходного общества»/ Под редакцией О.Н. Яницкого. М.: Издательство института социологии РАН. 1998. С. 25
3. *Ритцер Дж.* Современные социологические теории. СПб., 2002. С. 344.
4. Современное понимание жизненных сил человека: от метафоры к концепции/ Под редакцией С.И. Григорьева, Л.Д. Деминой. М.: 2000; Россия: риски и опасности «переходного общества»/ Под редакцией О.Н. Яницкого. М., 1998. С. 25; *Олескин А.В.* Сеть как метафорический образ культурной онтологии и сетевые структуры в социуме: приложимость к экологической проблематике // <http://iph.ras.ru/~imosk/Seminar/oleskin/Oleskin.htm>.
5. Россия: риски и опасности «переходного общества». С. 23.
6. *Хильбедранд К.* Структура невидимых связей // <http://osp.aanet.ru/cio/1998/03/04.htm>
7. *Turner J.H.* The structure of sociological theory. Belmont, 1991. P. 550.

РОСА

© 2005 г.

Л.В. СУЛТАНОВ,
Э.Р. ДЕМЬЯНЕНКО,
О.Е. НОЯЗНИНААНАЛИЗ ЭФФЕКТИВНОСТИ
ВИЧ/СПИДА В РЕГИОНЕ
СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ

В ИЧ-инфекция — проблема комплексного характера. Сложившаяся эпидемиологическая ситуация требует не только принятия неотложных мер со стороны здравоохранения, но и государственной политики с выраженной социальной направленностью в области профилактики и противодействия распространения инфекции. В мировой науке разработано множество различных подходов к изучению социальной политики социологами, экономистами, политологами, философами. Проблемами формирования и реализации социальной политики в России и ее регионах занимаются как отечественные авторы: Ф. Бурджалов, Н. Волгин, З. Голенкова, Е. Гонтмахер, С. Григорьев, И. Григорьева, В. Жуков, Т. Заславская, В. Иванов, Г. Осадчая, Р. Рывкина, А. Сергиенко, С. Смирнов и др., так и зарубежные: Е. Бергел, Р. Колин, К. Чиф, Г. Грейт, М. О'Хиггинс, Д. Мабетт, Б. Силверман и др.

Социологическое исследование социальной политики возможно в рамках структурно-функциональной парадигмы, теории социального контроля, получившей развитие в последнее время теории социальных рисков и теории устойчивого развития общества. Весьма эффективно рассмотрение проблемы социальной политики в русле социологической концепции жизненных сил человека. Комплексность поставленной проблемы обуславливает необходимость рассмотрения потенциала от-

дельного человека как биопсихосоциального существа, находящегося во взаимном влиянии со всеми сферами жизни общества. Именно с этих позиций возможно рассмотрение социальной политики в отношении профилактики и предупреждения ВИЧ/СПИД в регионе.

Согласно данным Алтайского краевого Центра СПИД, на территории Алтайского края первый случай ВИЧ-инфекции был зарегистрирован в 1990 г. у ребенка, прибывшего из Республики Калмыкия. Период с 1991 г. по 1997 г. характеризовался регистрацией единичных случаев заболевания среди лиц, мигрировавших в Алтайский край из стран ближнего зарубежья («завозные» случаи). С 1996 г. в эпидпроцесс по ВИЧ/СПИДу начали вовлекаться потребители инъекционных наркотиков, а с 1998 г. — лица, находящиеся в местах лишения свободы (при поступлении в учреждения исполнения наказаний). В 1999 г. наметилась тенденция по активизации эпидпроцесса по ВИЧ/СПИДу. Период с 1991 по 2000 г. относился к начальной стадии эпидемии, для которой было характерно отсутствие сколь-нибудь значительного уровня распространенности вируса во всех группах населения несмотря на присутствие ВИЧ-инфекции в течение многих лет.

С 2000 г. в Алтайском крае отмечено резкое ухудшение эпидситуации по ВИЧ/СПИДу. Сегодня уровень пораженности, по данным краевого Коми-

тета Здравоохранения, не превышает средних показателей по России (Россия — 182,8 человек на 100 тыс. населения, Алтайский край — 121,9 человек). Алтайский край находится на концентрированной стадии эпидемии, однако некоторые районы приближаются по своим показателям к генерализованной стадии, как это происходит в Бийске и Бийском районе (811 человек на 100 тыс. населения в г. Бийске и 314 человек на 100 тыс. населения по Бийскому району).

В крае действует федеральная целевая программа «Предупреждение и борьба с заболеваниями социального характера (2002–2006 гг.)», разработанная на основании Указа Президента Российской Федерации от 08.05.96 г. № 676 «О мерах государственной поддержки лиц, больных сахарным диабетом», постановления Правительства Российской Федерации от 05.11.97 г. № 1387 «О мерах по стабилизации и развитию здравоохранения и медицинской науки в Российской Федерации», постановления Правительства Российской Федерации от 13.11.01 г. № 790 «О федеральной целевой программе «Предупреждение и борьба с заболеваниями социального характера (2002–2006 гг.)». Координатором программы является Министерство здравоохранения Российской Федерации.

В Алтайском крае распоряжением главы администрации № 270-Р от 31.03.93 г. созданы и действуют межведомственные комиссии «По борьбе со СПИДом» и «По противодействию наркотическим веществам и борьбе с незаконным оборотом наркотиков». Администрацией края утверждена и принята к финансированию «Целевая комплексная программа по профилактике ВИЧ-инфекции/СПИДа среди населения Алтайского края на 2004–2006 гг.».

В рамках подготовки к реализации проекта «Комплексные стратегии про-

тиводействия эпидемии ВИЧ/ИППП (инфекций, передающихся половым путем) среди молодежи в Российской Федерации» в октябре–ноябре 2002 г. совместно с группой специалистов Алтайского краевого центра СПИД проводилась экспресс-оценка ситуации при участии партнеров агентств в ООН, «ЮНЭЙДС», Имперского колледжа (Великобритания). Проведена оценка ситуации по ВИЧ/СПИДу, ИППП, наркомании на территории Алтайского края (г. Барнаул, Бийск, Павловский район).

Одной из целей проекта было определение ключевых фигур в регионах, выяснение их мнение по поводу профилактики ВИЧ/ИППП. В ходе исследования было опрошено 17 представителей региональных и муниципальных структур законодательной и исполнительной власти; 34 представителя руководителей высшего и среднего звена и специалистов организаций, потенциально заинтересованных в осуществлении проекта на территории Алтайского края. Основным принципом формирования выборки стал квотный метод отбора единиц наблюдения. В качестве котируемых признаков использовались место жительства, профессиональная принадлежность, профессиональный статус.

Изучение позиций представителей региональных структур власти, а также руководителей высшего и среднего звена и специалистов организаций осуществлялось с использованием следующих методов: интервью с представителями региональных структур власти Алтайского края; интервью (структурированное) с руководителями организаций высшего и среднего звена, потенциально заинтересованных в осуществлении проекта на территории края; интервью (структурированное) со специалистами организаций, потенциально заинтересованных в осуществлении проекта. Приведем ряд показателей,

позволяющих оценить позиции региональных структур власти в отношении реализации социальной политики.

Все опрошенные считают, что и при формировании краевой социальной политики, и при реализации конкретных мер по ее осуществлению на уровне муниципальных образований принимаются во внимание ситуация и особенности конкретных районов с точки зрения как содержания, так и финансирования деятельности. В социальной политике муниципальных образований просматриваются региональные и местные приоритеты, обусловленные ситуацией конкретной территории. Аналогичным образом строятся политика и деятельность ведомств социальной сферы на уровне муниципальных образований.

По мнению всех опрошенных, в регионе хорошо работает вертикаль власти, проблема соподчиненности краевых и муниципальных учреждений не выражена, что обусловлено прежде всего профессиональностью руководителей и рациональным подходом к планированию деятельности и управлению ресурсами. Основным механизмом контроля за исполнением муниципальных образований решений, принятых на краевом уровне, является финансовый контроль; деятельность учреждений и муниципальных образований администрация края оценивает по конечному результату.

Задачи противодействия распространению ВИЧ-инфекции в регионе заняли заметное место в деятельности социальной сферы. Вместе с тем необходимо отметить, что в сознании многих руководителей краевых и муниципальных ведомств решение вопросов профилактики ВИЧ является задачей прежде всего сферы здравоохранения. Некоторые руководители отметили, что, хотя вопросы профилактики на уровне декларации звучат как приоритетные, финансированием их приоритетность не подтверждается.

Программы профилактики и борьбы с ВИЧ/СПИДом и ИППП в регионе приняты и имеют статус закона. Программы носят комплексный характер: каждое ведомство участвует в их осуществлении в рамках своей компетенции. С содержанием программ хорошо знакомы представители краевой законодательной власти и краевой администрации, а также руководители сферы здравоохранения. Руководители других ведомств социальной сферы в основном сосредоточены на задачах, поставленных программой перед их ведомством, и в меньшей степени владеют информацией о задачах, которые в рамках программы решают учреждения других секторов.

Основным разработчиком программ противодействия ВИЧ/ИППП является краевой комитет по здравоохранению. Программы разрабатываются с участием других ведомств, которые при формировании программ вносят предложения в соответствии со своей компетенцией и участвуют в осуществлении программ в рамках своей компетенции. Аналогичная процедура работает при формировании соответствующих программ муниципального уровня.

Основными механизмами межведомственного взаимодействия в регионе являются комплексные целевые программы; межведомственные соглашения о сотрудничестве, как двусторонние, так и многосторонние, на основе которых ежегодно вырабатываются планы совместных действий; межведомственные комиссии соответствующего профиля; рабочие совещания под руководством главы администрации территории, а также совещания под руководством заместителя главы, курирующего соответствующий круг социальных вопросов. С точки зрения опрошенных, эффективность межведомственного взаимодействия на территории обусловлена тем, что на уровне первых лиц и законода-

тельная, и исполнительная власть понимают стоящие перед краем проблемы и оказывают совместным инициативам реальную поддержку.

В регионе по-прежнему работает стереотип: «ВИЧ/СПИД — это болезнь, следовательно, заниматься вопросами противодействия должны учреждения здравоохранения». С точки зрения руководителей системы здравоохранения на уровне конкретных ведомств социальной сферы противодействие ВИЧ/ИППП пока не стало элементом повседневной деятельности, их вовлечение еще требует внешнего стимула к действию (например, со стороны зам. главы администрации или центра СПИД).

Планирование деятельности социальной сферы напрямую связано с планированием годового бюджета, который формируется исходя из имеющихся средств. Управление деятельностью носит преимущественно ведомственный характер; межведомственная координация деятельности обеспечивается руководством со стороны администрации и работой межведомственных комиссий. Мониторинг ситуации носит ведомственный характер; в полной мере ситуацией по комплексным проблемам владеют только руководители уровня зам. главы администрации края. Предварительный анализ ситуации и предоставление аналитического материала по заслушиваемому вопросу является обязательной составляющей подготовки вопроса к рассмотрению на совещании на уровне главы / заместителя главы администрации края.

Оценка деятельности в основном осуществляется по факту деятельности, анализ эффективности деятельности не является нормой для ведомств и учреждений территории, ее критерии и процедуры пока не разработаны. Вместе с тем деятельность руководителей краевого и муниципального уровней оценивается по результатам решения того или иного комплекса задач. При оценке уровня финансирования деятельности учреждений и организаций социальной сферы все опрошенные отметили его недостаточность в целом, однако подчеркнули рациональность распределения имеющихся ресурсов в соответствии с поставленными задачами. Рефреном в ответах на вопросы, касающиеся финансирования деятельности, звучало: «не обижают».

Таким образом, изучение позиций представителей региональных структур власти, руководителей высшего и среднего звена показало, что в крае хорошо работает вертикаль власти и основным механизмом контроля исполнения решений является финансовый контроль. Задачи противодействия распространению ВИЧ-инфекции в регионе занимают значительное место в деятельности социальной сферы, однако финансированием приоритетность не подтверждается. В крае действует межведомственная комиссия по противодействию ВИЧ/СПИД, однако на уровне конкретных ведомств социальной сферы противодействие ВИЧ пока не стало элементом повседневной деятельности.

РОСА

© 2005 г.

О.В. ГОЛОВАНЬ

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СУБКУЛЬТУРА РЕГИОНА

Политическая культура общества во многом определяется характером политического режима и уровнем социально-экономического развития страны. Определенное влияние на процесс формирования, трансформации культуры общества оказывают исторические традиции, особенности менталитета граждан, законы, реализация прав человека, уровень развития СМИ. В этом смысле политическая культура России не является исключением.

В ряде работ, опубликованных в последние годы, можно встретить утверждения о том, что недемократические исторические традиции сформировали в сознании различных слоев населения России в целом и отдельных регионов особый комплекс политических установок, включая специфическое отношение к демократии и к правам человека¹. В какой мере справедливо такое мнение? В какой мере политика властей в постсоветский период ответственна за специфический характер отношения россиян к власти, к демократии вообще и как это все влияет на состояние политической культуры отдельно взятого региона современной России?

Отметим, что при определении особенностей политической культуры региона нужно учитывать следующие обстоятельства. Во-первых, берется очень короткий исторический период, на протяжении которого произошли радикальные политические, экономические и социальные изменения в России. Смена общественно-политического строя в России произошла сравнительно недав-

но. Становление новых властных институтов и укоренение ценностей демократии в массовом сознании происходит на фоне острой политической борьбы. Ожидать снижения остроты политического противостояния политических партий, групп давления и общественных движений, придерживающихся различных взглядов по вопросам стратегии и тактики реформирования страны, в обозримом будущем не приходится.

Во-вторых, это, увы, не изменившееся за годы постсоветского развития традиционно неуважительное отношение российской власти к личности, своему народу и привычка к разрешению конфликтов силовым путем.

В-третьих, надо учесть негативные тенденции в изменении социально-экономической ситуации страны и региона, не преодоленные до настоящего времени. Если экономика России уже выходит из глубокого затяжного кризиса, последствия которого в наибольшей мере проявились в существенном падении показателей промышленного и сельскохозяйственного производства и реальных доходов большей части населения, то региональные экономические показатели по-прежнему далеки от докризисных. В крае на фоне роста масштабов имущественного неравенства происходит рост нищеты и безработицы по сравнению с дореформенным периодом².

Общепризнанно, что в результате реформ в России возникли уродливая олигархическая криминализируемая экономика и, как иногда говорят, «суперпрезидентская» система власти.

Нынешняя Россия — это «квазидемократия», это еще не демократическая по большому счету страна. В результате августовского переворота 1991 г. реальная политическая власть просто перешла от одной части партийно-хозяйственной бюрократии (номенклатуры — элиты прошлого) к другой ее части — «коммунистам-реформаторам», которые выступают ныне под именами «демократов» или под иными ярлыками. В 1991 г. произошла почти бескровная смена политического режима и экономического строя, но не было замены «правлящего сословия» или «политического класса». И это четвертое обстоятельство, которое нельзя не упомянуть. В конечном счете политическая культура властвующей элиты в определенной степени формирует практическую политику государства и политическую культуру общества в целом.

Особенности политической культуры современной России обусловлены ее геополитическим положением, доминировавшими ранее формами коллективного образа жизни, длительной дистанцированностью граждан от реальных рычагов власти и низкой политической ролью механизмов самоуправления и самоорганизации населения. Дополнительное влияние на политическую культуру (особенно это относится к нашему региону) оказали такие социально-политические процессы начала-середины XX в. в России, как уничтожение тоталитарным режимом целых социальных слоев (купечества, гуманитарной интеллигенции, офицерства) и народностей, отказ от рыночных регуляторов развития экономики и насильственное внедрение коммунистической идеологии. Это не только нарушило естественные механизмы и трансляторы российских традиций, преемственность поколений, развитие ценностей плюралистического образа жизни, но и деформировало межкультурные связи и отношения России с мировым сообществом. В це-

лом же такая политика послужила усеченному воспроизводству российской цивилизации.

В результате в политической культуре российского общества приоритет отдан групповой справедливости, а не принципам индивидуальной свободы личности, и в конечном счете общинный коллективизм обуславливает ведущую роль государства в регулировании политической и социальной жизни.

В то же время по преимуществу персонализированное восприятие власти, а также нравственный характер требований к ее деятельности предопределяют стремление большинства граждан России к поиску харизматического лидера («спасителя отечества», способного вывести страну из кризиса), принижение роли представительных органов власти, признание исполнительских функций с ограниченной индивидуальной ответственностью. Причем явная непопулярность контроля за властью сочетается у людей со слабым уважением законов государства и предпочтением «своих законов». Стойкая уверенность в правоте «своих» принципов (обычаев, традиций, лидеров и проч.) в сочетании со множеством не допускающих компромиссов ориентиров граждан поддерживает в политической культуре современного российского общества глубокий внутренний раскол.

В настоящее время политическая культура российского общества, безусловно, находящаяся в стадии формирования, в совокупности всех своих элементов чрезвычайно пестра, динамична и противоречива. В ней наличествуют взаимоисключающие политические субкультуры различных социальных и этнических общностей крестьянства, молодежи, интеллигенции, формирующегося класса новой буржуазии и др., и это не случайно³.

Критерий (индикатор) участия субъекта в политических акциях является определяющим в выделении раз-

нообразия реально наблюдаемых политических культур. Это можно условно представить в виде таблицы⁴.

С помощью приведенной таблицы можно легко определить актуализацию и динамику развития того или иного типа политической культуры или субкультуры в обществе или его части. Причем за высокий уровень следует считать значения величины индикатора выше 60 %, среднему уровню отвечает величина от 35 до 60%, низкому — менее 30 %.

Так, гражданская субкультура имеет достаточно широкое распространение только среди высокостатусных категорий населения, автономная и партисипаторная субкультуры также широко представлены среди представителей высших социальных групп, лиц с высшим образованием и мужчин, клиентистская, parroхиальная и подданическая в наибольшей степени распространены среди представителей низкостатусных групп и женщин.

С целью определения сложившегося уровня политической культуры в крае нами был проведен в 2004 г. опрос городского и сельского населения региона по известной методике⁵. Объем выборки составил 1500 человек, из которых 82% респондентов принимали участие в последних парламентских и губернаторских выборах. Исследова-

ние проводилось в 30 районах края, а также в Барнауле, Новоалтайске, Бийске, Славгороде, Алейске, Рубцовске и Горняке. Структура выборки следующая: 15 % — пенсионеры, 10% — работники бюджетной сферы, 15% — работники коммерческих организаций, 22% — занятые в сельском хозяйстве, 5% — местные управленцы, 13% — бизнесмены, 10% — учащиеся и студенты, 20 % — безработные. Обработка результатов для сельского и городского населения проводилась раздельно.

Прежде всего была оценена степень участия жителей края в различных политических акциях. Всего 12 % городского населения и лишь 8% сельского населения высоко оценивают проводимые в 2004 г краевые политические акции и желают принимать в них активное участие. Соответственно 5 и 8% выразили равнодушное отношение, а остальные заявили о своем неучастии. Причем основное количество горожан и сельских жителей, принявших участие в политических акциях и желающих принять в них участие, назвали такими мероприятиями выборы губернатора Алтайского края в 2004 г. Исходя из приведенных данных, доминирующий тип политической культуры жителей региона следует отнести к пассивным (менее 1/3 политически активного населения края).

Таблица 1. Типы политических культур, ориентации и индикаторы

Наименование типы	Ориентации на объекты						
	Система			Выход		Актор («Я») (ориентация на себя)	
	Эмпирические индикаторы ориентаций						
	Субъективный политический интерес			Политическое доверие		Участие в политических акциях	
	высокий	средний	низкий	высокое	низкое	высокое	низкое
Пассивные культуры							
«Приходская»	–	–	+	–	+	–	+
Подчинения	–	–	+	+	–	–	+
Наблюдателей	+	–	–	+	–	–	+
Активные культуры							
Протестная	–	–	+	–	+	+	–
Клиентистская	–	–	+	+	–	+	–
Автономная	–	+	–	–	+	+	–
Гражданская	–	+	–	+	–	+	–
Участия	+	–	–	–	+	+	–
Гражданского участия	+	–	–	+	–	+	–

Более 2/3 сельского населения региона проявляют высокий субъективный политический интерес к политическим событиям, происходившим в 2004 г. в стране и регионе, одновременно доверяя действующей власти. Доверяли в целом приблизительно по 70% и в городе и на селе. В то же время лишь менее половины городского населения показали заинтересованность в политических процессах в регионе, так же доверяя действующей власти. Вместе с тем 3 % городского населения не проявили никакого интереса к политическим событиям в России и крае, одновременно с этим не доверяя власти, в то время как на селе эта доля составила 15%. Данные говорят о наличии среди жителей алтайского края небольшого количества носителей полностью нейтральных (даже «аполитичных») позиций субъективного политического интереса и доверия.

В качестве комментария к полученным результатам отметим следующее. Характерной чертой сложившегося стиля поведения большей части населения является и склонность к несанкционированным формам политического протеста, предрасположенность к силовым методам разрешения конфликтных ситуаций, и невысокая заинтересованность в использовании консенсусных технологий властвования.

Доминирование подобных норм и ценностей препятствует утверждению в Российском обществе демократических форм организации власти, а в ряде случаев способствует активизации политических движений националистического и фашистского толка.

Резюмируя, скажем, что современное общество в России вообще и в Алтайском крае в частности представляется нам идеологически разделенным на части не столько из-за различного отношения людей к правам человека, самой идее народовластия или к демократии как определенным образом устроенной политической системе, сколько из-за разного отношения к результатам политики реформ, начавшихся под лозунгами развития демократии и защиты прав человека. Такая разделенность населения определяется и соответствующей фрагментарностью политической культуры региона. Наиболее распространенный тип политической культуры на Алтае — это субкультура «наблюдателей» (чуть более половины населения — 56%). Почти каждый десятый житель края — носитель «приходской» культуры (9%), а каждый двадцатый — культуры «подчинения» (5%).

ЛИТЕРАТУРА

1. *Баталов Э.* Советская политическая культура // *Общественные науки и современность.* 1994. № 6; *Светлицкая Е.Б.* Новая российская идентичность // *Общественные науки и современность.* 1997. № 1.
2. *Царев С.* Об итогах Всероссийской переписи населения Алтайского края в 2002 г. // <http://komstat.alt.ru/>
3. *Фарушкин М.* Политическая культура общества. // *Социально-политические науки.* 1991. № 4.
4. *Головань О.В.* Политическая культура общества. Барнаул. 2005.
5. *Григорьев С.И., Растов Ю.Е.* Основы социологического знания. Часть 1. Барнаул. 1992.

© 2005 г.
Н.В. ДЕМЧУК

ТЕХНОЛОГИЯ УЧАСТИЯ КАК СОЦИАЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ МЕСТНЫХ СООБЩЕСТВ

Развитие местного сообщества — один из определяющих факторов становления гражданского общества в России. Механизм самоорганизации и саморазвития местных сообществ позволяет разрешить противоречие между социальным потенциалом людей как основным источником развития и социальной прогресса и невостребованностью данного потенциала со стороны органов государственного и муниципального управления.

Технологии участия населения в деятельности местной власти мало используются. Участие общественности в данном случае — это любая деятельность, с помощью которой население участвует в принятии решений, оказывающих влияние на локальную общественную жизнь. Этот сложный процесс включает в себя взаимодействие, влияние, обязательства, различные способы коммуникации и распределение полномочий между теми, в чьих руках находятся официальные рычаги управления, и теми, чью каждодневную жизнь затрагивают решения, принимаемые с их участием или без. До настоящего времени не сложилось однозначной трактовки понятия «участие общественности». Для обозначения данной деятельности также используют понятия «работа с населением», «вовлечение населения в деятельность местного самоуправления».

С точки зрения характеристики инновационных процессов, используемых в муниципальном образовании, поня-

тие «работа с населением» рассматривается как привлечение местных сообществ (населения) к местному самоуправлению. Выделяют «шесть основных стратегических направлений изменения местных сообществ: мобилизация масс, социальное действие, гражданское участие, общественная защита, социальное просвещение, развитие местных услуг»¹. Для развития конкретного сообщества необходимо определить, какое из этих направлений выбрать. В этом и состоит задача профессиональных управляющих — менеджеров, в своей практике широко использующих методы стратегического планирования и концептуального мышления.

Считается, что «традиционный подход к развитию муниципального образования только «сверху» сегодня исчерпал себя и не может быть признан достаточным», что население должно быть включено в решение местных проблем, получить для этого «необходимые властные полномочия, материальные и финансовые ресурсы, гарантии государства» [там же, с. 253]. Среди причин, обуславливающих негативный или пассивно-выжидательный уровень готовности населения включаться в процесс местного самоуправления, называют расхождение разворачивающихся в стране в целом и в муниципальном образовании в частности, социально-экономических и политических процессов и социальных ожиданий, ценностных ориентаций людей; недостаточную информированность значи-

тельной части населения о причинах кризисной ситуации, конкретных путях проявления собственной инициативы в этих условиях; снижение политического и нравственного доверия к прежним и вновь формируемым институтам власти, политическим партиям и движениям и др.

По мнению других, основа становления гражданского общества — широкое участие граждан в реализации намеченных планов, гласность принимаемых решений, систематический и всеобъемлющий общественный контроль за работой аппарата государственного управления и местного самоуправления. Под работой с населением понимается «обратная связь со стороны населения о качестве жизни, соблюдении законодательства, соответствии федерального законодательства местному»². Высказывается предположение, что непонимание гражданами отличий местного самоуправления от прежних форм власти, незнание своих возможностей активного воздействия на должностных лиц и объясняет большинство жалоб на глав муниципальных образований.

Еще одна позиция — непосредственное участие граждан в местном самоуправлении³. Основные формы такого участия — формы непосредственной демократии, когда гражданин сам принимает участие в решении того или иного вопроса, и формы представительной демократии, когда участие гражданина состоит в выборах своих представителей для решения вопросов. Основные формы участия граждан в местном самоуправлении: местный референдум, муниципальные выборы, голосование населения, сходы граждан, опросы населения, собрания (конференции) граждан, публичные слушания, правотворческая инициатива граждан, обращения граждан, мирные массовые акции населения, общественные объединения граждан.

В рамках социальной политики работа с населением направлена на стимулирование его социальной активности, организацию его самопомощи, например, через добровольную социальную работу. В рамках данного подхода в основном речь идет об адресной социальной помощи (организация выплаты социальных пенсий по возрасту, создание муниципальных центров социального обслуживания и др.). Это создание условий для решения стоящих перед органами местного самоуправления социальных вопросов.

Можно рассматривать город «как корпорацию жителей»⁴. Тогда органы местного самоуправления формулируют долгосрочные и среднесрочные цели местного развития и определяют способы их достижения, используя стратегию, разработанную центральными органами власти и управления. В этих условиях невозможно осуществление планов и программ без участия и поддержки населения. Участие в планах развития территории позволяет эффективно использовать их потенциал, учитывать интересы горожан, их видение проблем.

Интересна позиция, согласно которой работа с населением предстает как «любой вид контакта с населением»⁵. При этом имеется в виду, что житель рассматривается как потребитель услуг, предоставляемых ему муниципалитетом. В совокупность этих услуг включаются принятие местных законов, водоснабжение, обустройство дорог и пр. Необходимо использовать множество способов, с помощью которых местные власти могут входить в контакты с гражданами — их клиентами: выпуск пресс-релизов, проведения зональных слушаний, референдумы и социальные исследования, системы подачи жалоб и предложений, организация массовых мероприятий в городских парках и т. д. Близкой точки зрения придерживаются и другие западные специалисты⁶.

Участие общественности в деятельности местного самоуправления является социальной технологией, позволяющей наилучшим способом использовать социальный потенциал жизненных сил местных сообществ во всех основных сферах жизнедеятельности человека: профессионально-трудовой, социально-бытовой, культурно-духовной. Органы местного самоуправления, взаимодействуя с населением, получают определенные преимущества: 1) граждане, имеющие полномочия в деятельности органов местного самоуправления, как правило, более активно участвуют в процессе самоуправления; 2) граждане лучше понимают сложность проблем, с которыми органы местного самоуправления сталкиваются в своей деятельности, терпимее относятся к тому, сколько времени и ресурсов требует решение сложных проблем; 3) коллективный разум и опыт новых участников процессов принятия решений и разрешения проблем бесценны при рассмотрении вопросов, затрагивающих все население; 4) граждане, вовлеченные в определение приоритетов в деятельности органов местного самоуправления и населения, с большей вероятностью поддержат решения, связанные с необходимостью выделения дополнительных ресурсов; 5) вклад граждан в деятельность местного самоуправления является реальным социальным ресурсом, к которому органы местного самоуправления могут обратиться.

Технологии участия общественности позволяют в полной мере задействовать в деятельности органов местного самоуправления социальные ресурсы территорий. Социальные ресурсы различны. Они включают в себя мотивационные, интеллектуальные, информационные, коммуникативные, состязательные, социально-психологические, демографические, социально-экологические, деятельностные, инновацион-

ные, кадровые, технологические, организационные, духовно-нравственные, правовые аспекты. Социальные ресурсы неисчерпаемы, это — возобновляемые ресурсы. И в то же время их сложно оценить в количественном измерении. Почти каждое местное сообщество располагает значительным социальным потенциалом, что дает населению возможность решать местные проблемы.

Примером социальной технологии, основанной на сотрудничестве населения и органов местного самоуправления, является опыт Центра поддержки местного самоуправления Словакии⁷. В основу продуктивного взаимодействия органов местного самоуправления с населением положены три стратегии: коммуникация, групповая работа и разделение полномочий. Целью коммуникации является максимальное увеличение «прозрачной части» того, что известно органу местного самоуправления и жителям города, и уменьшение неизвестности того, что не известно ни тем, ни другим. Существует прямая зависимость между открытой коммуникацией и вовлечением населения в дела местного самоуправления. При этом открывается перспектива повышения уровня удовлетворенности населения работой органа местного самоуправления. Чем меньше информации получают жители, тем они критичнее в своих оценках.

Коммуникация может использоваться для решения двух задач: обмена информацией (информирование и просвещение) и вовлечения граждан в процесс принятия решений. Самыми простыми методами коммуникации первого вида являются пресс-релизы органов муниципальной власти, объявления о собраниях общественности, передачи на местном телевидении (вопросы и ответы в прямом эфире), передачи на радио, выступления на страницах газет. Коммуникации второго вида позволяют устроить обратную связь с насе-

нием, узнать мнения и предложения жителей. Методы коммуникаций данного вида: общественные слушания или собрания, встречи с депутатами городского совета, опросы общественного мнения, консультативные комитеты или группы, комиссии, общественные приемные и т. д.

Разделение полномочий включает в себя разделение влияния и ответственности между властью и населением. Задача представителей органов местного самоуправления заключается в том, чтобы осознать потенциал населения как ресурса для развития и функционирования сообщества; пределы, в которых участие населения не посягает на роли и обязанности местной власти. Распределение полномочий может в простейшем случае заключаться в организации собраний общественности и использовании комментариев и советов жителей, полученных на таких собраниях при принятии решений органом местного самоуправления.

Данная модель стратегий разделения полномочий основана на предположении, что социальный потенциал достижения целей местного сообщества и решения местных проблем не является исключительной компетенцией или сферой ответственности органов местного самоуправления. Социальный потенциал в данном контексте является комбинацией следующих компонентов: ресурсов (людских, финансовых, материальных); направлений (целей); влияния (способности обеспечивать достижение результата другими); энергии (персонального и организационного настроя на достижение цели).

Возможны различные типы взаимоотношений между органами местного самоуправления и населением, связанные с разделением полномочий. В ряде случаев стратегия вовлечения граждан может и должна быть интерактивной (с

использованием возможностей и органов местного самоуправления, и населения). В других случаях органы местного самоуправления должны занять активную (если потенциал и ресурсы есть у органа местного самоуправления и отсутствуют у жителей) или реактивную позицию (в противоположной ситуации).

Любое усилие органов местного самоуправления по вовлечению граждан должно основываться на способности каждой из сторон внести свой вклад в совместные усилия. Можно выбирать из четырех возможных стратегий: интерактивная, активная, реактивная, неактивная.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Иванов В.Н., Патрушев В.И.* Инновационные социальные технологии государственного и муниципального управления. М., 2001. С. 250.
2. *Миронов М.А.* Обратная связь в системе власти и управления // Муниципальный мир. 2003. № 1. С. 5–9.
3. *Бабун Р.В.* Организация местного самоуправления: Учебное пособие. СПб.: Питер, 2005.
4. *Антонова О.* Город как корпорация жителей // Городское управление, 2002. № 8. С. 10–15.
5. *Боргсдорф Д.* Местный житель: избиратель, плательщик налогов, потребитель. Обнинск: Институт муниципального управления, 2002. С. 28.
6. *Вилер К.* Организация системы коммуникаций в органах местного самоуправления. Обнинск: Институт муниципального управления, 2002.
7. *Вовлечение населения в процесс местного самоуправления // Серия «Библиотека местного самоуправления». Вып. 33. М.: Московский общественный научный фонд, 2000.*

© 2005 г.
Е.В. СОКОЛОВА

ОРИЕНТАЦИИ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ НА ЦЕННОСТНЫЕ ПЕРЕЖИВАНИЯ

Как известно, для классической социологии был характерен рационалистический подход к анализу человека как объекта, лишённого эмоциональной сферы и сферы неосознанных побуждений. Исключение составляют, пожалуй, исследование социологами аффективных компонентов ценностных ориентаций личности, а также социального настроения.

Широко распространённые методы сбора информации — анкетный опрос и интервью — были основаны на следующих предположениях: респондент полностью понимает задаваемые ему вопросы; «имеет в голове» те же конструкции, что и исследователь; отвечает на них искренне, но главное — полностью осознаёт все свои социально значимые побуждения. Поэтому результаты социологических исследований зачастую мало связаны с реальным социальным поведением респондентов.

Одна из плодотворных попыток преодолеть подобные методологические и эвристические трудности — развиваемый В.Г. Немировским в рамках постнеклассической социологии подход, предусматривающий социологическое исследование ориентаций личности на ценностные переживания¹. Впервые данный подход был выдвинут в его кандидатской диссертации по прикладной социологии, защищённой в 1980 г. в ЛГУ².

Направленность личности обладает сложной иерархической структурой. В соответствии с ее объектами в ней выделяются две взаимосвязанные стороны: рациональная и эмоциональная.

Эмоциональная направленность представлена ориентациями на ценностные переживания, т. е. особые комплексы эмоций, имеющие ценностный характер и выступающие проявлением той или иной социальной потребности человека. В свое время проблема эмоциональной направленности была разработана Б.И. Додоновым³. Ориентации на эмоциональные ценности опираются на определенные социальные потребности, поэтому их индикатором может служить описание состояния удовлетворения этой потребности⁴. Таким образом, эмоциональная направленность личности представлена ориентациями на ценностные переживания, т. е. на особые комплексы эмоций, имеющие ценностный характер и выступающие проявлением той или иной потребности человека⁵.

Для исследования эмоциональной направленности личности, т. е. ориентаций респондентов на ценностные переживания, мы опирались на разработанный В.Г. Немировским специальный вопросник «ЭНЛ» — эмоциональная направленность личности. Перед нами стояла задача выяснить структуру смысловых ориентаций (в том числе ориентаций на ценностные переживания или эмоциональной направленности) современной студенческой молодежи⁶. Опросом в 2004 г. было охвачено около восьмисот студентов вузов Красноярска и Лесосибирска, обучающихся по различным специальностям.

Мы опирались на предположение, что ориентации на ценностные пережи-

вания подобно другим видам ценностных ориентаций включают три основных компонента: когнитивный, аффективный и поведенческий. Однако предметом нашего анализа, так же как и исследования 1988 г. (было опрошено 1200 студентов Красноярского края), являлись аффективные элементы данных ориентаций, поскольку именно они непосредственно отражают социальные потребности молодежи. Для опроса был использован сокращенный вариант вопросника ЭНЛ, включающий описание 16-ти переживаний: «чувство необычайного, таинственного, неизведанного, появляющегося в незнакомой местности, обстановке» — потребность в романтике; «радостное волнение, нетерпение при приобретении новых вещей, предметов коллекционирования, удовольствие от мысли, что их станет больше» — потребности в приобретении вещей; «радостное возбуждение, подъем, когда работа идет хорошо, когда видишь, что добиваешься успешных результатов» — потребность в деятельности; «приятное чувство, радостное возбуждение, когда находишься наедине с человеком, которого любишь, или когда думаешь об этом» — потребность в любви; «приятное спокойное ощущение, когда знаешь, что рядом с тобой есть человек, который за тебя все решит, когда нужно только последовать его указаниям» — потребность в покровителе; «веселье, беззаботность, хорошее самочувствие, наслаждение вкусной едой, отдыхом, безмятежностью жизни» — потребность в комфорте; «чувство радости и удовлетворения, когда удастся сделать что-либо хорошее для дорогих тебе людей» — потребность в содействии окружающим (альтруистическая потребность); «своеобразное приятное чувство, возникающее порой, когда кто-нибудь обидит, унижит вас, сделает вам больно» — потребность в страданиях; «горячий интерес, чувство рис-

ка, упоение ими, азарт, острые ощущения в минуту борьбы, опасности» — потребность в риске; «радость, хорошее настроение, симпатия, когда общаешься с хорошими людьми, когда видишь дружбу и взаимопонимание» — потребность в общении; «своеобразное сладкое и красивое чувство, возникающее при восприятии природы или музыки, стихов и других произведений искусства» — эстетическая потребность; «сладкое ощущение, когда видишь, что какой-либо человек находится в твоей власти, полностью зависит от тебя» — потребность во власти, доминировании; «удовлетворение гордость, когда можешь доказать свое превосходство над соперниками, когда выполняешь дело лучше других» — потребность в достижении; «приятное ощущение, когда ты полностью свободен, никто тебя не ограничивает и можно делать, что хочешь» — потребность в свободе, самостоятельности; «радость и гордость, когда находишься в центре внимания, когда тобой искренне восхищаются» — потребность в престиже; «горячий интерес при познании нового, при знакомстве с поразительными научными фактами» — потребность в знаниях. Респондентам предлагалось оценить данные переживания по трехбалльной шкале: «очень нравится»; «нравится»; «немного нравится».

Сопоставив данные факторного анализа 1988 и 2004 гг., мы пришли к выводу, что внутренняя структура ценностных ориентаций современной студенческой молодежи и студентов 1988 г. в целом совпадает. Так, в исследовании 1988 г. В.Г. Немировским было выделено пять базовых укрупненных ориентаций. Ф-1, условно названный «созидание», описывает ориентации на переживания, в основе которых лежат потребности в творчестве, общении, любви, свободе, самостоятельности, а также альтруистическую, познавательную и эстетическую ориентацию. Вто-

рой фактор — «игра» — объединяет потребности в риске, романтике. Ф-3 — «властвование» (или «самоутверждение») включает потребности в доминировании, в самоутверждении, в престиже. Ф-4 — «конформизм» — описывает ориентацию на переживания, в основе которых лежат потребности в поиске покровителя и в отрицательных эмоциях (или в страдании). Ф-5 объединяет потребности в комфорте, отдыхе и приобретении вещей, и определяется условно как «гедонизм».

Факторный анализ эмоциональной направленности студентов 2004 г. позволил также выявить пять укрупненных ориентаций, но только потребности, лежащие в их основе, оказались не настолько четко выраженными, как в предыдущем исследовании. Некоторые факторы представлены сочетаниями различных потребностей. Так, Ф-1 описывает потребности в деятельности, содействии другим людям, любви, общении и приобретении вещей, т. е. отражает ориентации на «созидание» и «гедонизм». Ф-2 — «игра» — представлен потребностями в риске, комфорте и свободе, самостоятельности. Ф-3 включает потребности в эстетических переживаниях, знаниях, общении и романтике, а также отражает ориентацию на «созидание» и «игру». Ф-4 мы можем охарактеризовать как «властвование» (или «самоутверждение»). Он сочетает потребности в достижении, престиже и доминировании. Ф-5 описывает ориентации на «конформизм» и «гедонизм» и представлен потребностями в покровителе, приобретении вещей, романтике и комфорте.

На основе приведенных выше пяти основных видов эмоциональной направленности личности, а именно «созидание», «игра», «властвование», «конформизм» и «гедонизм», в 1988 г. были выделены пять типов личности, которые отличаются друг от друга тем, что на первый план выходит та или иная

потребность. Так, у представителей первого типа, получившего название «созидатель», преобладают потребности в смысле жизни, в любви, общении, знаниях, свободе и самостоятельности, творчестве и эстетических переживаниях. Второй тип, названный «романтик», имеет сильно развитые потребности в романтике и риске. Третий тип личности, «гедонист», характеризуется потребностями в комфорте, отдыхе и приобретении вещей. Четвертый, «повелитель», обладает потребностями в доминировании и в престиже. Пятый тип, «конформист», отличается сильными потребностями в поиске покровителя и в страданиях. Исследование 2004 г. также подтвердило наличие всех этих пяти типов личности, выделившихся в результате факторного анализа. Вместе с тем, проанализировав динамику структуры типов эмоциональной направленности студенческой молодежи 1988 и 2004 гг., мы пришли к выводу о существенных различиях в структуре ее социальных потребностей (см. рис.).

У современных студентов в структуре аффективных элементов ориентаций на ценностные переживания ведущие места занимают стремления к переживанию следующих потребностей: в творчестве (1 ранговое место), любви (2 место), содействии окружающим (3), общении (4) и комфорте (5). Вместе с тем слабо развиты потребности в покровителе, доминировании и страданиях.

Структура эмоциональных ориентаций студенческой молодежи 1988 г. несколько отличается от ориентаций современных студентов. В частности, раньше ведущие места занимали переживания потребностей в свободе и самостоятельности (1 ранговое место), затем в престиже, славе (2), в достижении (3), а также в любви (4) и поиске покровителя (5). Данное распределение ориентаций на ценностные переживания в массовом сознании студентов свидетельствует, по мнению В.Г. Не-

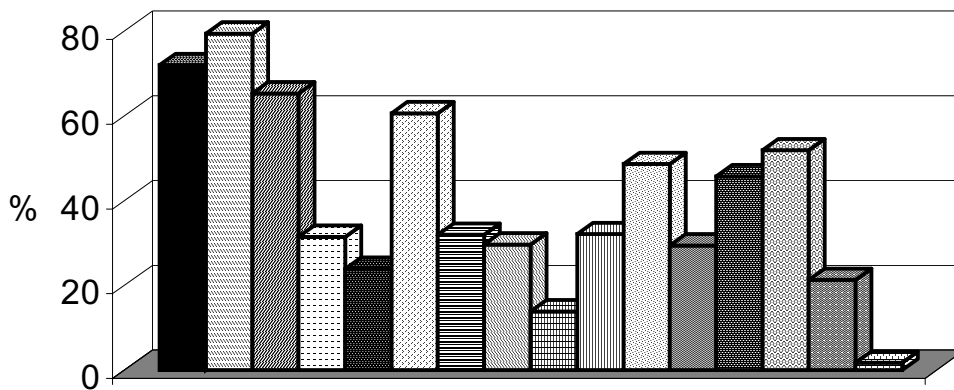
мировского, об их высокой фрустрированности, которая была вызвана преимущественно маргинальностью их социального положения, противоречием между желанной будущей самостоятельной жизнью и неудовлетворенностью нынешним положением студента. Кроме того, важную роль в этом играют и такие присущие юношескому возрасту социально-психологические особенности, как повышенная возбудимость, активный поиск смысла жизни.

Таким образом, сопоставляя полученные выше данные, можно констатировать, что у современных студентов в структуре их ценных переживаний пре-

обладает ориентация на созидание, а у студентов 1988 г. — на властвование и конформизм. Специфика ориентаций на ценностные переживания может существенно различаться в зависимости от курса и пола респондента. Так, например, у современных первокурсников преобладающими являются потребности в поиске покровителя, в общении, свободе, самостоятельности и риске, что свидетельствует о преобладании среди студентов первого курса типов личности «конформист», «созидатель» и «романтик». Слабее всего у первокурсников выражена потребность в отрицательных эмоциях, доминировании и приобретении вещей. У студентов

Рисунок

Структура эмоциональных ориентаций современной студенческой молодежи (в %)

- в любви
- в содействии окружающим
- в знаниях
- в романтике
- в доминировании
- в свободе, самостоятельности
- в приобретении вещей
- в покровителе
- в творчестве
- в эстетических переживаниях
- в общении
- в риске
- в достижении
- в престиже
- в комфорте
- в страданиях

четвертого курса, наоборот, преобладают потребности в страданиях, доминировании и приобретении вещей, т. е. к четвертому курсу у студентов начинают появляться черты властителя и гедониста и продолжает сохраняться, как и на первом курсе, преобладание конформистского типа личности.

Существенно различаются ориентации на ценностные переживания у современных юношей и девушек. Так, у молодых людей более всего развита потребность в страданиях, риске, достижении и знаниях. У девушек, наоборот, слабо развиты потребности в страданиях, а также в риске и достижении. И ярче всего выражены потребности в любви, творчестве, романтике и покровителе. Таким образом, среди юношей преобладают как властители, так и конформисты, а среди девушек созидатели и конформисты.

Все вышеперечисленные типологические особенности личности непосредственно реализуются в определенном смысле жизни и тем самым обуславливают процесс самоопределения молодого человека. На рациональном уровне своеобразие эмоциональной направленности личности выражается в его представлениях о смысле жизни. У студенческой молодежи продолжают устойчиво выделяться две противоположные группы смысложизненных переживаний, выявленных с помощью факторного анализа. Первую группу составляют переживания, основанные на высших духовных потребностях человека: в творчестве, смысле жизни, общении, любви, романтике, содействии окружающим, эстетическом наслаждении. Вторая группа объединяет переживания потребностей в престиже, доминировании, достижении, свободе и самостоятельности, комфорте, приобретении вещей и страданиях. Первую группу можно условно обозначить как «светлые» переживания, вторую — «темные». На формирование как свет-

лых, так и темных переживаний большое влияние оказывает социальная микросреда личности. Наше исследование, как и исследование 1988 г., показало, что ориентации на ценностные переживания существенно зависят от социальных факторов: чем более неблагоприятны условия для развития личности молодого человека и его самореализации, тем больше вероятность формирования у него типа личности «властитель», «конформист» и «потребитель». И наоборот, меньше вероятность формирования типа «созидатель».

ЛИТЕРАТУРА

1. Григорьев С.И., Немировский В.Г. Молодежь Сибири на пороге зрелости. Барнаул, 1988; Немировский В.Г. Смысл жизни: проблемы и поиски. Киев, 1990; Немировский В.Г., Невирко Д.Д., Гришаев С.В. Социология: классические и постнеклассические подходы к анализу социальной реальности. М., 2003; Немировский В.Г. Общая социология. Учебное пособие. Ростов н/Д., 2004. и др.
2. Немировский В.Г. Факторы формирования социально-профессиональной направленности школьной молодежи. Канд. дисс. Л., 1980.
3. Додонов Б.И. Эмоция как ценность. М., 1978. С. 84.
4. Немировский В.Г. Базовые ценности в массовом сознании: ценностные переживания, смысл жизни и отношение к смерти, грех как социальный феномен: Курс лекций. Красноярск, 2002. С. 18.
5. Немировский В.Г. Концепции смысла жизни в массовом сознании молодежи. Методология и опыт социологического исследования. Докт. дисс. Вильнюс, 1989. С. 47.
6. Немировский В.Г. Общая социология. Учебное пособие. Ростов-н/Д., 2004. С. 296–301.

© 2005 г.

В.И. ТАЙДАКОВ

АВТОГРАФЫ ПОБЕДЫ

Год 60-летия Великой Победы — самый светлый и торжественный праздник. Это и год воспоминаний. Не случайно так часто звучат слова «историческая память», «память о павших и живых». Много рассказано и написано, и поистине нам дороги даже малейшие свидетельства, эпизоды, проливающие свет на это суровое и в то же время достойное прошлое нашей Родины. Пробуждается гордость за наш народ, Россию. У российской социологии есть свои ветераны Великой Отечественной войны. Перечислить всех нелегко: Масхуд Садыкович Джунусов, Анатолий Алексеевич Зворыкин, Борис Михайлович Левин, Василий Дмитриевич Патрушев, Фридрих Рафаилович Филиппов, Станислав Флегонтович Фролов, Анатолий Георгиевич Харчев, Василий Тихонович Давыдченков, Юрии Николаевич Листвинов, Моисей Рувимович Тульчинский, Владимир Николаевич Шубкин, Галина Михайловна Андреева, Николай Николаевич Ефимов, Владимир Васильевич Серебрянников, Федосии Семенович Донской. Список далеко не полный. Я хотел бы рассказать об одном из них.

Двадцать лет назад лет назад сотрудники Института социологии РАН чествовали своих товарищей — ветеранов. А они, убеленные сединами, с мудрой лукавинкой в глазах, искренне радовались тому, что происходило в зале. В тот майский день довольно часто раздавались слова «доброта», «честь», «справедливость», «отвага». Слова эти произносились с теплотой, не казенно. И действительно, эти уже немолодые люди, остепененные на-

ХРОНИКА
РОСА

учными званиями, были счастливы. Ветераны искренне радовались, что живыми вернулись из смертельных схваток с жестоким врагом, что отстояли не только родной дом, но и то солнце, которое ныне светит всем нам. Они были счастливы, потому что помогли чехам и словакам освободить Прагу, венграм — Будапешт, австрийцам — Вену, полякам — Варшаву, французам — Париж, англичанам — спасти Лондон. В годы войны они острее почувствовали то братство, которое объединяет людей труда, всех друзей свободы. Седовласые боевые товарищи, не раз смотревшие в глаза смерти, знали, чего стоила Победа, которая в мае сорок пятого вошла в каждый дом, стала такой ощутимой, такой теплой, такой близкой. Бойцы вспоминали минувшие дни, а мы внимали их рассказам.

И вдруг мы заметили, что на сцене, в рядах наших именинников началось оживление. Взоры устремились на Феодосия Семеновича Донского, который сидел во втором ряду, как бы в «тени» своих боевых друзей.

— Минуточку, товарищи, — с улыбкой обратился к нам, сидящим в зале, один из организаторов встречи, поняв причину оживления на сцене. И показал нам обложку книги-подарка. — Не запланированный, но очень дорогой сюрприз. Видите, на обложке книги — фотография фрагмента стены рейхстага, где запечатлены автографы победителей. Читаю: «Были и мы: из Якутии Донской, из Чувашии Коннов Ф.Ф. 8/5». Это, товарищи, автограф нашего Феодосия Семеновича.

В зале — гром аплодисментов. А Феодосий Семенович Донской, совершенно не готовый к такому повороту события, стоял на сцене, немного растерянный, со слезами на глазах. Но счастливая улыбка озаряла его доброе лицо. Мы видели, как настоящие мужчины переживают счастливые мгновения.

Быстро летит время. Не успели оглянуться — повзрослели еще на двад-

цать лет. Многих уже нет среди нас. Нет Масхуда Садыковича, Анатолия Алексеевича, Фридриха Рафаиловича, Анатолия Георгиевича, Юрия Николаевича. Но память о них жива. И еще с большим трепетом вглядываешься в лица ветеранов, несущих вместе с нами свою жизненную вахту.

За эти двадцать лет мы встречались с Феодосием Семеновичем не раз, когда он бывал в Москве. Переписывались, когда он работал в родной Якутии. Поражает работоспособность и жизнелюбие этого ученого, за плечами которого «походный ранец рядового с большим житейским багажом». Три четверти века отсчитало его доброе сердце. Иногда, глядя, как по-молодецки и с какой готовностью собирается он в очередную командировку «на край света», просто не верится, что Донскому уже восемьдесят пять годков. А Феодосий Семенович хитро так смеется:

— Ничего, мы еще повоюем! Нам спешить некуда. А года — не беда. Арифметика — хитрая и мудрая наука.

В чем заключаются эти «хитрость и мудрость», я понял недавно.

Просматривая краткий научно-популярный очерк «Великая Отечественная война», решил я проштудировать указатель имен, которые встречаются в данной книге. На страницах мне дважды встретилась фамилия «Донской». Это были великий наш предок Дмитрий Донской и известный кинорежиссер Марк Донской. О рядовых солдатах такие работы повествуют не часто. И обобщенно: рота, экипаж, батальон, полк, армия. И то правда, разве можно рассказать о десятках, сотнях тысяч солдат, назвать их поименно. Их имена подразумеваются. Об их мужестве и отваге, стойкости и героизме можно прочитать в обобщенном виде. Да рядовые ратники и не торопятся выставить напоказ свои подвиги. Главное для них — результат чтобы был.

Феодосий Семенович как-то заметил, что его судьба поделена на две

«равные» части, а «экватором» между ними является та самая дата — 8 мая 1945 г. Вот она — такая мудрая и несложная арифметика: 1418 дней и ночей Великой Отечественной и 60 лет мирных будней. Но армейскую науку «побеждать» он начал осваивать уже в 1939 г. А случилось это так. Феодосию было шестнадцать лет, когда он окончил якутский сельскохозяйственный рабфак. Из-за болезни парнишке не пришлось работать по специальности. Зная его общительный нрав, любознательность, способность прийти на помощь товарищам, преподаватели посоветовали молодому якуту попробовать свои силы на учительской стезе. И направили его пионервожатым в одну из школ Якутска. Уже тогда то ли в шутку, то ли всерьез называли сверстники его «интернационалистом». Правда, смысл они в это понятие вкладывали другой: «географ» или «путешественник». А якутскому парнишке, родившемуся в юрте в заснеженной северной тундре, и в самом деле хотелось посмотреть мир, который начинался, как ему казалось, в далекой и загадочной Москве.

Проработав три года в школе, юноша решил попытать счастья и отправился в столь большое путешествие. В Москве Донской довольно легко поступил на рабфак легкой промышленности — сразу на третий курс. Но в том же 1939 г. его призвали на службу в Красную Армию.

— Помню, привезли нас в Киев. Выдали военную форму. Надо ее подогнать, а как это делать? — вспоминает Феодосий Семенович. — Сижу, задумался. Вдруг слышу позади себя голос: «Давай, помогу!» Обернулся, вижу — стоит рослый такой здоровяк. «Федулом меня кличут», — говорит. — «А тебя?» «А меня — Феодосием», — отвечаю.

Так и познакомились. И подружались. Чуваш Федул Фомич Коннов помогал якуту Донскому освоить премудрости воинской специальности связиста. Феодосий был хорошим учеником, понимая, что без телеграфа, радио и телефона боевая деятельность авиации

просто немислима. Приближение страшной военной грозы бойцы Киевского военного округа чувствовали по многим признакам. Догадывались об этом и друзья-связисты, несшие службу в узле связи штаба военно-воздушных сил. И все же беда всегда приходит неожиданно. Это случилось на рассвете 22 июня 1941 г. Спустя годы будет подсчитано, что вместе с сателлитами силы фашистского вторжения имели 190 дивизий (5,5 млн человек), около 4 300 танков, 4 980 боевых самолетов, 47 260 орудий и минометов, 192 боевых корабля. А тогда, 22 июня в 4 часа утра, Донской и Коннов впервые услышали истошный свист бомб и увидели, как горят наши самолеты, не успевшие взлететь с аэродрома. Это был для них, наверное, один из самых тяжелых и горьких дней.

Под натиском гитлеровской армии, которая к тому времени имела почти двухлетний опыт ведения современной войны и была самой мощной армией, которую когда-либо создавал капиталистический мир, отходила Красная Армия. Отходило и подразделение, в котором служили два товарища. Отступать всегда тяжело. А каково было связистам, которые последние уходили из районов, где разворачивались боевые сражения, и первыми должны были на новом месте. За какие-то месяцы, а если быть точным — в октябре, их часть была уже под Воронежем.

А потом тем же путем, но уже в обратном направлении, на запад, друзья шли в хорошем настроении.

— Отступали несколько месяцев, наступали несколько лет, — размышляет Феодосий Семенович. — Одно и то же расстояние в восточном направлении одолели за срок с июня по октябрь 1941 г., а в западном направлении — с октября 1941 по 1944 г. Отступали хмурые, злые, стыдились в глаза смотреть жителям местных пунктов. Помню, зашли в один дом, а это было под Курском, иконы — на всю стену. А попросили воды колодезной попить, не дают. «Не заслужили», — говорят. Зато,

когда возвращались — все было иначе. Для примера скажу, зашли мы в тот же дом, так хозяева не знают, как лучше выказать свое гостеприимство. «Родненькие вы наши!» — приветствуют.

В хорошем настроении шли «родненькие» аж до самого Берлина, где к 15 часам 2 мая 1945 г. завершилась историческая битва. Каждый шаг, каждый кусок земли, каждый камень здесь яснее всяких слов говорили, что на подступах к рейхстагу и в самом здании шла особо ожесточенная борьба.

— При входе колонны и стены рейхстага были уже испещрены надписями наших воинов, — вспоминает Маршал Советского Союза Георгий Константинович Жуков. — Поставили и мы свои подписи, по которым присутствовавшие там солдаты узнали нас и окружили плотным кольцом. Мы беседовали о жизни, о победе, о будущем.

С тех пор прошло шестьдесят лет. Автографы советских воинов давно стерты с камней рейхстага. Но невозможно стереть и вычеркнуть их со страниц истории. Отблески тех победных автографов зримо видны в мирных делах людей, возвратившихся с войны.

Феодосий Донской демобилизовался из армейских рядов в 1946 г. Где бросить «якорь» семейной жизни? Такой вопрос перед ним не стоял. Хотя предложений на этот счет было предостаточно. Например, в Москве. Но воин возвратился в родную Якутию. И сразу с головой окунулся в журналистскую работу. Его газетные публикации хорошо знали, читали и любили земляки. Донской перевел с русского на якутский язык и издал сборники «Рабиндранат Тагор» и «Индийские рассказы». За книгу очерков «Грядущее», посвященную становлению алмазодобывающей промышленности в Якутии, Феодосию Семеновичу была присуждена Республиканская премия. Он был одним из организаторов Якутского телевидения и Союза журналистов.

«Второе дыхание» открылось у Донского в 1967 г. с началом его науч-

ной деятельности. По сегодняшним меркам в науку он пришел довольно поздно: в сорок восемь лет. Начинать с должности младшего научного сотрудника в Отделе экономики Якутского филиала СО АН СССР. Спустя одиннадцать лет защитил кандидатскую диссертацию по теме «Социально-экономические проблемы переустройства условий труда и быта оленеводов и охотников Крайнего Севера».

Социолога и демографа Ф.С. Донского хорошо знают в нашей стране. Он заложил начало экономико-социологических исследований проблем развития малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока, написал свыше 180 научных трудов. Разработанные Феодосием Семеновичем рекомендации послужили основой для принятия многих важных постановлений и решений. Выполненные Донским за последние годы научные работы по проблемам политического, социально-экономического, культурного развития малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока не только получили высокую оценку научной общественности страны, но и успешно реализуются на практике. Так, например, в ряде краев и областей сформированы национальные районы. И сейчас в свои 85 лет Феодосий Семенович проводит большую работу, возглавляя секцию социальных проблем народов Севера.

Как-то в разговоре со мной известный демограф профессор Леонид Леонидович Рыбаковский о Феодосии Семеновиче высказался в полусутопливой форме:

— Я знаю Феодосия Семеновича Донского не только как хорошего демографа-теоретика, но и как замечательного демографа-практика.

И в этом есть доля истины. Не каждый может гордиться столькими наследниками, сколько их у Феодосия Семеновича Донского: восемь сыновей и дочерей, одиннадцать внуков и четы-

ре правнука. Они живут в Москве, Санкт-Петербурге и Якутске. В их жилах течет якутская, русская и белорусская кровь.

Смеется Феодосии Семенович:

— Помните, я говорил, что товарищи по рабфаку называли меня «интер-

националистом». Их прогноз оказался точным.

Победить смерть жизнью. Оставить после себя столько наследников, которые, не сомневаюсь, будут продолжать доброе дело ветерана, — быть может, это и есть истинные автографы Победы.

ОТЧЕТ О РАБОТЕ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО КОМИТЕТА РОСА «ВОЕННАЯ СОЦИОЛОГИЯ»

1. Научные конференции:

- «Военная социология и проблемы современной российской армии» (Декабрь 2003 г.)
- «Духовный потенциал российской армии в зеркале социологии» (Февраль 2003 г.)
- «Социологическое сопровождение перевода комплектования вооруженных сил на контрактную основу» (Февраль 2004 г.)
- «Советский Воин-Победитель в 1945 г.: социологический портрет» (Октябрь 2004 г.)
- «Великая Победа 1945 г.: социологический анализ обеспечения военной безопасности России» (Апрель 2005 г.)

2. Круглые столы и методологические семинары:

- Армия и молодежь
- Война и молодежь
- Теоретико-методологические и организационные проблемы развития военной социологии
- Военная социология во второй мировой войне 1939–1945 гг.
- Новое в развитии военной социологии за рубежом
- Имидж современного российского воина

3. Заседания исследовательского комитета:

- О ходе выполнения рекомендаций II Всероссийского социологического конгресса
- О развитии военно-социологических исследований в субъектах Федерации и возможности создания общероссийской ассоциации военных социологов
- Социология современных войн
- Об участии военных социологов в подготовке к 60-летию Победы советского народа в Великой Отечественной против фашистской Германии

4. Военные социологи активно участвовали в общероссийских и международных научных конференциях, Ломоносовских и Сорокинских чтениях 2003, 2004, 2005 гг.

5. К 60-летию Победы военными социологами подготовлена монография «Социология Великой Победы». За 2003–2005 гг. издали материалы двух научных конференций.

Председатель секции по военной социологии РОСА
д. с. н., проф. СЕРЕБРЯННИКОВ В.В.